

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025

№ 3 (32) сентябрь 2016

12+ Серия «РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально. ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БЕЗЗУБКО Лариса Владимировна, д-р наук по государственному управлению, профессор (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Украина)

БОЛТЕНКОВА Любовь Федоровна, д-р юрид. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Башкирский государственный университет)

ЗАЙНАШЕВА Зарема Гафаровна, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ЗУЛЬКАРНАЙ Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КЕРИМОВ Александр Джангирович, д-р юрид. наук, профессор (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

КУРМАНОВ Альберт Сафуатович, д-р юрид. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ЛЯНЧЕ (ЛЕБЕДЕВА) Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектного менеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна, д-р техн. наук, профессор, председатель Координационного совета МОО «Ассоциация преподавателей высшей школы», советник члена Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, комитет по социальной политике

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

СМЕТАНИНА Ольга Николаевна, д-р техн. наук (Уфимский государственный авиационный технический университет)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ШАХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ШМИДТ Вильям Владимирович, д-р филос. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БАСКАКОВ Алексей Тихонович, канд. филос. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич, канд. полит. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

VESTNIK BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

ISSN 2078-9025

№ 3 (32) September 2016

12+

«REGION STUDIES AND ETHNOPOLITICS»

Founder:

Educational Institution
of Trade Unions
of higher education,
"Academy of Labour
and Social Relations"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.
ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

The scientific journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, which should be published basic scientific results for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science.

Journal Editors

Chairperson

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Deputy chairperson

VELTS Rakhil Yakovlevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of the Editorial Board:

BEZZUBKO Larisa Vladimirovna, Doctor of Public Administration, Professor (Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture, Ukraine)

BOLTENKOVA Lubov Fiodorovna, Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

VALEEV Haidar Arslanovich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Juridical Sciences, (Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan)

GAIDUK Vadim Vitalyevich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Juridical Sciences (Bashkir State University)

ZAYNASHEVA Zarima Gafarovna, Doctor of Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

ZULKARNAY Ildar Uzbekovich, Doctor of Economics, Professor (Ufa State University of Economics and Service)

ISMAGILOV Nail Amirkhanovich, Doctor of Economics (Bashkir Institute of Social Technologies)

KERIMOV Aleksandr Dzhangirovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Plekhanov Russian University of Economics)

KURMANOV Albert Safuatovich, Doctor of Juridical Sciences (Bashkir Institute of Social Technologies)

LYANCHYE (Lebedeva) Margarita Leonidovna, Assistant Professor, Candidate of Political Sciences, Academic Board Chairperson for FPMI, the Head of the Politology and Law Department (Research and Development Institute for Project Management and Investments, Hannover, Germany)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna, Doctor of Technical Sciences, Professor, Chairman of the Coordination Council of the Association of High School Teachers, advisor of member of the Federation Council of the Russian Federal Assembly, Committee on Social Policy

MALIYEV Boris Zufarovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Institute of Law of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation)

MATVEYEVA Lyubov Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

MEDVEDEV Nikolay Pavlovich, Doctor of Political Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

MIKHAYLOVA Natalia Vyacheslavovna, Doctor of Political Sciences (Peoples' Friendship University of Russia)

MURATSHIN Flarit Rashitovich, Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

RAHMATULLINA Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation)

SMETANINA Olga Nikolaevna, Doctor of Technical Sciences (Ufa State Aviation Technical University)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow Institute of Road Traffic)

TURIN Sergey Borisovich, Doctor of Economics, Professor (the Academy of Labour and Social Relations Branch in Yaroslavl)

SHAYAKHMETOV Ulfat Shaykhizamanovich, Doctor of Technical Sciences, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

SCHMIDT William Vladimirovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Editorial Board

Senior Editor

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Members Of Editorial Board

BASKAKOV Aleksey Tikhonovich, Candidate of Philosophical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

BOCHAROVA Tatiana Yevgenyevna (Executive Secretary)

BISTROV Aleksandr Ilyich, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

GALIEVA Gulnaz Fizratovna, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KUZNETSOV Igor Aleksandrovich, Candidate of Juridical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

SULEYMANOV Artur Ramilevich, Candidate of Political Science (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KHOROSHAVZEVA Olga Petrovna, Candidate of Culturological Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Our address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	7
Терновая Л.О. Влияние вымышленных регионов на геополитическую реальность	7
Фельдман П.Я. Политика согласования интересов в Италии и России: компаративный анализ	18
Авдалян А.В. Роль международных неправительственных организаций в современных политических процессах	25
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА И ИДЕОЛОГИЯ	30
Нигматуллина Т.А. Управление молодежными талантами в сфере государственной службы	30
Глинская И.Ю. Роль символа в процессе формирования имиджа государства	37
Вельц Р.Я., Галимова О.В., Хорошавцева О.П. Речевая коммуникация как один из способов формирования общественного сознания	43
Бенина Л.И. Динамика идейных установок левых сил в современной России	51
Головко Ю.М. Реализация принципа «российской мечты» для молодежи или существует ли необходимость участвовать в акциях протеста?	59
Аминов И.Р. Материальные и надматериальные факторы риска региональных этнополитических конфликтов	66
Гильманов В.В. Партии как механизмы рекрутирования правящих элит и лидеров в демократических политических системах и режимах с конкурентными выборами	72

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТRENДЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	79
Гайдук В.В., Лукьянцев А.С. Экономика и публичная политика России: что год тридцатый нам готовит? К вопросу о Стратегии 2030	79
Матвеева Л.Д., Хамадеева З.А. Туризм в Республике Башкортостан (на примере Северо-Восточного региона): историко-географические аспекты	87
Коломейцева Н.А. Политика реализации выхода России в Азиатско-Тихоокеанский регион через аграрную отрасль юга Дальнего Востока	93
Мухамадиярова А.К., Субхангулов Р.Р. К вопросу о повышении эффективности сельскохозяйственных товаропроизводителей на основе региональных залоговых операций	103
РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ	109
Маликов М.Ф. Региональное право: трансформация и развитие (на примере Республики Башкортостан)	109
Самигуллина Э.Х. Влияние дискретных факторов на формирование эффективной системы управления муниципалитета	124
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	132
Сулейманов А.Р. Методологические рекомендации по оценке эффективности государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации	132
Захаров А.В., Ризванова М.А. Методика управления регионами при помощи рейтинговой оценки (на примере Республики Башкортостан)	137
АВТОРАМ	143

CONTENTS

REGIONAL DEVELOPMENTS IN THE INTERNATIONAL CONTEXT: PAST AND PRESENT	7
Ternovaya L.O. The impact of fictional regions in the geopolitical reality	7
Feldman P.Y. Policy of the coordination of interests in Italy and Russia: comparative analysis	18
Avdalyan A.V. The role of international non-governmental organizations in modern political processes	25
REGIONAL ELITES AND IDEOLOGY	30
Nigmatullina T.A. Department of youth talents in the civil service	30
Glinskaya I.Y. The role of the symbol in the process of formation the image of the state	37
Welts R.Y., Galimova O.V., Khoroshavtseva O.P. Verbal communication as a way of fostering public awareness	43
Benina L.I. Dynamics ideological assumptions of the left forces in modern Russia	51
Golovko Y.M. Implementation of the principles "russian dream" for youth or is there a need to participate in the protests?	59
Aminov I.R. Material and over the material risk factors of regional ethno-political conflicts	66
Gilmanov V.V. Party as a mechanism of recruiting the ruling elite and leaders in democratic political systems and regimes with competitive elections	72

SOCIO-ECONOMIC TRENDS	
DEVELOPMENT OF REGIONS OF RUSSIA	79
Gaiduk V.V., Lukyantsev A.S.	
Economy and public policy in Russia: what year thirty for us? The question of Strategy 2030	79
Matveyeva L.D., Khamadeeva Z.A.	
Tourism in the Republic of Bashkortostan (in the North-Eastern region): historical and geographical aspects	87
Kolomeytseva N.A.	
The russian integration policy into the Asia-Pacific region through the south russian Far East agricultural sector	93
Mukhamadiyarova A.K., Subhangulov R.R.	
The question of improving the efficiency of agricultural producers on the basis of regional mortgage operations.....	103
REGIONAL MANAGEMENT	109
Malikov M.F.	
Regional law: transformation and development (the Republic of Bashkortostan)	109
Samigullina E.H.	
The influence of discrete factors on the formation of effective management system of the municipality.....	124
THEORY AND METHOD	
OF REGIONAL STUDIES	132
Suleymanov A.R.	
Methodological recommendations according to efficiency of the state national policy in the Russian Federation subjects.....	132
Zakharov A.V., Rizvanova M.A.	
Technique of control regions using ratings (the Republic of Bashkortostan)	137
AUTHORS	143

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 327:1:316(091)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры социологии и управления
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ)
e-mail: ludmilaternovaya@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ВЫМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Связи человека с пространством многообразны. Они зависят от историко-культурного опыта, вовлеченности людей в экономическую деятельность, необходимости защищать территорию, порой ценой собственной жизни. Эти связи определяются также размерами территории, традициями ее описания и осмысления. Но именно особенности понимания места человека в конкретном регионе во многом формируют видение влияния пространственных факторов на судьбу человека. И существенную роль в этом играют не только реальные геополитические регионы, но и территории вымышленные. В их описаниях четко акцентируются те стороны бытия, которые составляют основу геополитической картины мира.

Ключевые слова: регион, социология воображения, утопия, геополитика, альтернативная история.

При согласии с верностью множества различных подходов к определению понятия «регион», следует заметить, что всех их объединяет то, что и на научном, и на обыденном уровнях регион обязательно мыслится как некая пространственная единица. Причем важно, что изначально такая пространственная данность вбирала в себя больше, чем селение, больше, чем полис, и даже больше, чем государство в его раннем, часто территориально размытом понимании. Для человека далекого прошлого при осознании особенностей этого пространства и своей принадлежности к нему дело было не в размере территории. В пространственном смысле регион мог быть большим и маленьким, он был способен располагаться в долине или быть частью горной местности. Важнее

для людей было то, что характеристика любого региона приобретала совершенно противоположные определения в зависимости от того, был он родным или чужим.

Такое противопоставление регионов корреспондировалось с противопоставлением «Своих» и «Других». Такие идентификационные характеристики широко применялись не только к людям, но и к пространствам. Очевидно геополитическое противопоставление территорий, влияющее на различия геополитической идентификации их жителей. Но также обнаруживаются признаки моральной и религиозной оппозиции пространств, которые делятся не только на благоприятные или нет, но и на благословенные и проклятые. Их контраст, как правило, оказывался ярко выраженным, под-

крепленным известными религиозными образами. Не случайно одним из первых региональных делений мира становилась их ассоциация с раем либо адом, когда они наделялись чертами, присущими либо пространству вечного цветения и счастья, либо пространству страха и пустоты.

Проблема состояла в том, что границы между этими пространствами были слишком зыбкими по многим причинам, в том числе и из-за того, что реальная жизнь для большинства людей чаще всего была слишком далека от представлений о райском бытии. Известный итальянский писатель и мыслитель XX века Итало Кальвино заключает свою книгу «Невидимые города», являющуюся художественным изложением воображаемых бесед Марко Поло и хана Кублая о фантастических путешествиях, городах и землях, где путешествующий должен раскрыть образы территорий тому, кто их не видел, используя универсальные образы, следующим образом: «Великий Хан уже листает карты городов, образы которых представляли пред людьми в кошмарах и проклятиях: это Эпох и Иеху, Вавилон, Бутуа, Дивный и Новый Мир.

И изрекает:

— Все тщетно, если так или иначе мы попадаем в город-ад, куда нас все сильнее затягивает, как в водоворот.

А Поло:

— Для живущих ныне ад — не будущность, ежели он существует, это то, что мы имеем здесь и теперь, то, где мы живем изо дня в день, то, что все вместе образуем. Есть два способа от этого не страдать. Первый легко удается многим: смириться с адом, приобщиться к нему настолько, чтоб его не замечать. Второй, рискованный и требующий постоянного внимания и осмысления: безошибочно распознавать в аду тех и то, что не имеет к аду отношения, и делать все, чтобы не-ада в аду было больше и продлился он подольше» [10].

Следуя логике этого автора, понимаем, почему делить мир на части, подобные раю и аду, человеку было одинаково просто и сложно. Вместе с тем расширение геополитических потребностей, заставлявших людей искать новые пространства, требовало от них другой,

более четкой, однозначной идентификации этих территорий, в том числе регионов.

Эта практическая необходимость привела к тому, что уже в античный период мир разделился на освоенное и неосвоенное человеком пространства. У древних греков первое получило название «ойкумена» (др.-греч. οἰκουμένη «заселенная» (земля) — от οἰκέω «населяю, обитаю»), а у римлян — *Orbisterrarium* («круг земной»). Конечно, эти представления были результатом смеси сведений о реальных пространствах и территориях вымышленных [8]. Например, первый глобус, созданный около 150 года до н. э. Кратетом Малльским, позволял увидеть модель пространства, разделенную на четыре континента. При этом известные части света — Азию, Африку и Европу — Кратет обозначил общим именем «Ойкумена».

Древние греки и римляне считали, что наряду с этими территориями, по которым можно было пройти или проехать, ими управлять, их завоевать, колонизовать, имелись в наличии регионы особые, со специфическими климатическими условиями, необычными людьми, невиданными дикими животными и т. д. Остатки таких представлений обнаруживаются в течение многих веков. Так, крылатая латинская фраза *Hic sunt dracones* («Тут [обитают] драконы») была даже нанесена на участок хранящегося в общественной библиотеке Нью-Йорка и датированного 1504 годом глобуса Ленокса с изображением Восточной Азии. Но ученые уверены, что фраза гораздо старше глобуса и представляет собой переосмысление классического латинского выражения *Hic sunt leones* («Тут [водятся] львы»), которым на ранних картах подписывали неведомые земли на краю ойкумены. В Средневековье на многих картах непосредственно изображались фантастические животные, включая драконов.

К наиболее известным вымышленным регионам древности относились Гиперборея (др.-греч. Ὑπερβορεία — «за Борею», «за северным ветром») и Атлантида (др.-греч. Ἀτλαντὶς). Плиний Старший в своей «Естественной истории» рассказывал о стране гипербореев следующее: «За этими (Рифейскими) горами, по ту сторону Аквилона, счастливый народ, который называется гиперборейцами, достигает весьма пре-

клонных лет и прославлен чудесными легендами. Верят, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил. Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, когда солнце не скрывается (как о том думали бы несведущие) от весеннего равноденствия до осеннего, светила там восходят только однажды в год при летнем солнцестоянии, а заходят только при зимнем. Страна эта находится вся на солнце, с благодатным климатом и лишена всякого вредного ветра. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ Богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью <...> Нельзя сомневаться в существовании этого народа» [15].

В мифах разных народов часто упоминается остров, субконтинент или даже континент, находящийся в различных местах современных океанов — Атлантического, Тихого, Индийского. Знакомый лишь по преданиям остров-государство Атлантида (др.-греч. Ἀτλαντὶς) наиболее подробно описан Платоном. Но есть упоминания и комментарии об Атлантиде Геродота, Диодора Сицилийского, Посидония, Страбона, Прокла. Не менее загадочной, чем Атлантида, предстает Лемурия, гипотетический затонувший континент, чье название связано с именем мадагаскарских приматов лемуринов, нигде больше не встречающихся. Это дало основания утверждать, что Мадагаскар является частью затонувшего континента. При этом коренное население острова антропологически ближе к жителям Индонезии, чем к африканским негроидным народам. Сохранились предания о гипотетическом континенте в Тихом океане Пацифиде (от англ. *Pacific Ocean* — Тихий океан). Согласно легендам индейцев полуострова Юкатан, отраженных в рукописи майя, Континент Му («Му» означает «Мать», или «Родина Мать») погрузился в пучину, повторив судьбу Атлантиды.

В древности вымышленные регионы окзывались преимущественно утопическими локусами, как правило, островами. Евгемериз Мессены представлял Панхайю. Греческий путешественник Пифей в сочинении «Об Океане» (греч. Περί τοῦ Ὠκεανού, лат. *De Oceano*) описал легендарный остров Туле (греч. Θούλη — Фула;

лат. *Thule*), расположенный на севере Европы. Некоторые древние авторы ставили под сомнение факт существования Туле, исходя из того, что текст Пифея не сохранился, и только по пересказу из других источников, например, по XXXIV книге «Истории» Полибия, можно было судить о его наличии. Но большинство исследователей в Средние века искало следы Туле, отождествляя его с Исландией, Фарерскими, Шетландскими, Оркнейскими и Гебридскими островами, даже частью Британии, Скандинавии, Ютландии. Можно высказать предположение, что укреплению стремления искать Туле способствовало созвучие этого вымышленного региона с древнеэскимосской культурой Туле, существовавшей в X–XVIII веках на севере Канады и в Гренландии. В XI веке викинги вступали в контакт с ее представителями. Правда, название этой культуры появилось позже и было дано по поселку в Гренландии. Вера в то, что землю Туле можно найти, сохранилась и более поздние времена, а в 1918 году в Германии возникло оккультное и политическое Общество Туле (нем. *Thule-Gesellschaft*) [6].

Главным элементом конструирования воображаемого региона было наличие в нем того, что обеспечивало необычайную привлекательность этой территории по сравнению с той, где находился создатель сочинения о таком месте. В этом же русле складывались легенды о Земле Обетованной, в которую, Бог, согласно обещанию, привел евреев из Египта. В переносном смысле так стали называть место, куда человек стремится попасть вопреки всем препятствиям. Если описания Земли Обетованной основаны на тексте Библии, то картина Шамбалы берет истоки в буддистской тибетской традиции. Современным вариантом Шамбалы стало вымышленное место Шангри-ла, описанное в 1933 году в романе «Потерянный Горизонт» британским автором Джеймсом Хилтоном. Это — мистическая долина, изолированная от внешнего мира. Ее обитатели счастливы и почти бессмертны. О том, что в существование этого пространства верили, можно судить по факту послания на его поиски экспедиции в Тибет во главе с Эрнстом Шафером в период правления национал-социалистов в Германии.

Такие образы глубоко созвучны с мечтами народа о земном рае. В Средние века народная утопия нашла свое выражение в представлениях о местах, где у людей есть все необходимое для счастья. Это — Кокань, Шлаураффия, Царство пресвитера Иоанна. В России схожую роль играли легенды о Китеже и Беловодье, хотя в их описании аспект праздности не был преобладающим. Немецкий поэт, мейстерзингер и драматург Ганс Сакс (1494–1576), являющийся ярчайшим представителем бюргерской культуры Германии XVI в., рисует картину безоблачного и бездельного бытия в стране Шлаураффии [5, с. 67].

Шлаураффия так названа
Необычайная страна,
Лежащая от нас к Востоку,
От рождества неподалеку.
Желающий туда попасть
Вовсю пускай разинет пасть,
Большую раздобудет ложку
И постепенно, понемножку,
Бесстрашно двигаясь вперед,
В горе пшена проест проход.
Не так вкусна гора пшена,
Зато Шлаураффия вкусна.

Еще один фактор — обработанность земли — можно считать важнейшей характеристикой благоприятного для жизни человека региона, отличавшей его от пространства необработанного, неосвоенного. Но этим не исчерпывались взгляды людей на специфику вымышленных регионов. Со временем не исчезало прежнее, первоначальное разделение мира по линии, отделяющей миры живых и мертвых, которые могли получать разные воздаяния за свою прожитую земную жизнь. В описаниях происходила локализация рая: он становился все более труднодоступным, сжимался в размерах. Реальные региональные границы, напротив, постоянно расширялись.

Когда первые империи стали охватывать абсолютно непохожие друг на друга земли, с разными укладами, разными народами, разной природой, потребность в более четком обозначении регионов, прежде всего их хозяйственных возможностей, возросла. Сначала эти регионы окружало Средиземное море, оно и называлось таковым, потому что

находилось среди таких разных земель. По крайней мере, именно такое объяснение этому названию дает римский писатель Гай Юлий Солин в III веке, впервые употребивший его. Затем представления о существовании других регионов, находящихся далеко за пределами Средиземноморья, стали подкрепляться сведениями путешественников и также привозимыми оттуда товарами. Это позволяет говорить о том, что для выделения региона было уже важно понимать, не только обитаемо или нет его пространство, но и то, чем его можно отличить от других земель в экономической специализации.

И все же в средневековом европейском мышлении образы многих земель, откуда приходили товары, часто выступавшие предметами роскоши, представляли далекими от реальности. Даже если регион существовал в действительности, то производимые там продукты окружались самыми невероятными фантазиями. Так, обстояло дело с рассказами о происхождении шелка, попадавшего в Европу из Китая по Шелковому пути.

В своем собственном европейском доме, где до образования национальных государств, основой земельной собственности выступала сеньория, людям в условиях наполненности христианской картины мира не было особой нужды задумываться о существовании еще какого-либо иного региона, кроме Святой земли, захваченной сарацинами. Задача идеального франкского рыцаря, каким, например, предстает Роланд в одноименной песне, была в том, чтобы сделать эту территорию христианской. Но эпоха крестовых походов неминуемо должна была завершиться, а с ней и готовность идти освобождать Святую землю. Новые потребности, в том числе потребность в пряностях и прочих «индийских чудесах» побуждали предприимчивых людей искать и прокладывать к ним новые дороги. И мир вступил в эпоху Великих географических открытий.

Этим открытиям европейцы также обязаны опыту, приобретенному в борьбе с арабами. В октябре 1498 г. Христофор Колумб в письме с надписью «из Гаити» со ссылкой на французского кардинала, проповедника Пьера д'Айи (1350–1420) указывает на му-

сульманские источники, которые подсказали ему мысль о существовании Нового Света. Колумб ход своих мыслей об этом фиксирует в заметках на принадлежавшей ему рукописи трактата Пьера д'Айи «Imagomundi». В этом труде отразилось воспринятое у мусульманских авторов учение о «Куполе земли» (или «Куполе Арина») — точке пересечения экватора и меридиана, проходящего через центр обитаемой части земли. Академик И.Ю. Крачковский, опираясь на эти заметки великого мореплавателя, утверждал, «что именно эта теория Арина, "Купола земли", вызвала у него представление о грушевидной форме земли, причем в западной полусфере напротив "Купола Арина" должен был находиться другой центр, более высокий, чем тот, что на восточной стороне. Таким образом, как ни странно, арабская географическая теория сыграла некоторую роль в открытии Нового Света. Быть может, не без воздействия той же теории Данте, многим обязанный мусульманской традиции, как выяснилось в XX веке, помещал свое "чистилище" на горе в западной полусфере южного полушария, как в параллель старым христианским представлениям о том, что земной рай расположен на крайнем востоке земли, где-то за морями» [11, с. 71].

С осознанием многообразия региональных отличий в Новом Свете уже невозможно было Старый Свет, евро-афро-азиатский мир не разделить на дробные пространства, которые обладали набором устойчивых признаков, отделявших одни из них от соседних пространств. Справедливости ради следует заметить, что попытки найти идентификационные характеристики значительным пространствам, как бы мы сказали сейчас, представляющим определенный геополитический интерес, обнаруживаются и до открытия Христофором Колумбом Америки. В первую очередь у таких территорий был мощный историко-культурный объединяющий фактор. И хотя не все исторические области стали единичными составными частями образовавшихся национальных государств, они до настоящего времени сохраняют черты регионального единства. Историческая область Окситания помимо того, что соответствует южной половине Франции, включает незначительные части Испании и Италии.

Уже отмечалось разделение регионов по религиозной принадлежности. Так, за сорок лет до удачной экспедиции Колумба в 1452 году, Папа Римский Николай V выпустил буллу *Romanus Pontifex*, в которой фактически объявлялось начало войны против всех нехристиан. Булла позволила португальцам претендовать на земли в Западной Африке и завоевывать их. В 1493 году на основании буллы *Intercaetera* Папа Александр VI распространил право на завоевание вновь открытых земель и на Испанию. Этот шаг понтифика объяснялся возникшими сразу после открытия нового континента спорами между португальцами и испанцами о праве владения ими. Их соперничество заставило Александра VI объяснить испанцам и португальцам, что захват дозволен только в отношении нехристианских земель. Затем была проведена демаркационная линия, разделившая потенциальные сферы влияния двух стран. Что и нашло закрепление в Тордесильясском договоре (1494).

Со временем фактор религиозной принадлежности населения региона уступил первое место фактору первенства в открытии региона. И в 1823 году Верховным судом США была сформулирована концепция публичного международного права, получившая название доктрины открытия (англ. *Discovery Doctrine*). Ее авторы исходили из такого же простого разделительного подхода к зонам влияния, утверждая, что право собственности на вновь открытые земли находится в распоряжении правительства, чьи подданные открыли эту территорию. Заметим, что этот подход в наши дни не утратил актуальности. Только где-то его результаты не вызывают международных споров, а в каких-то случаях конфликт замораживается, а линии разделения регионов остаются зонами сосредоточения конфликтного потенциала.

Естественно, как вымышленные, так и реальные регионы могли иметь неустойчивые контуры границ, которые со временем почти стерлись. При этом среди опустошенных завоевателями или природной стихией пространств остались следы пребывания человека, его творчества, его усилий по преобразованию пространства. Размышляя над их судь-

бами и связанными с их происхождением загадками, итальянский мыслитель Элиус Эвола пишет: «Следы, оставленные древними первобытными цивилизациями, нередко таят в себе особый смысл, ускользающий от праздного взгляда. Созерцая остатки древнейшей греко-римской, египетской, персидской, китайской цивилизаций, вплоть до загадочных и безмолвных памятников эпохи мегалита, разбросанных среди пустынь, степей и лесов, эти застывшие в камне последние свидетельства давно поглощенных пучиной времени миров, невольно спрашиваешь себя, в чем состоит тайна их упорного сопротивления времени — только ли в счастливом стечении внешних обстоятельств или же в этом скрыто некое символическое значение» [18, с. 36].

Такое символическое значение закрепилось по целому ряду причин. Одной из главных среди них стало то, что символическое обозначение границ регионов и их основополагающих признаков во многом совпадают с географическими координатами. Горные массивы, реки, изломы береговой линии моря, отграничивающие территорию региона, получили закрепление в устойчивых географических образах. Как считает Д.Н. Замятин, «в общем смысле географический образ — это совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты и т. д.). Географические образы могут принимать различные формы в зависимости от целей и задач, условий их создания, наконец, от самих создателей образов» [9].

Географические образы регионов возникают в результате процессов целенаправленного конструирования, процессов реконструкции, выявления, идентификации данного пространства. Интенсивность и длительность таких процессов зависит как от политико-экономического, так и от культурного контекста и собственного регионального развития, и межрегиональных взаимодействий. Не менее значим вопрос о том, на каком пространстве осуществляется данная деятельность по конструированию региональной модели: на территории уже имеющей ряд устойчивых при-

знаков, позволяющих их соединить под одним общим названием региона, или же речь идет о свободном, т. е. пустом пространстве.

Если посмотреть на историю формирования представлений о регионах, то ее от самого начала и до почти нашего времени отличало то, что для обозначения какой-то территории как региона не было практически никаких препятствий, ибо у этой территории не было собирательного названия, а если и было, то оно носило местный характер. У многочисленных искателей приключений со стороны, коими являлись практически все колонизаторы, был простор как для словесного творчества по обозначению региона, так и прочей активности уже на нем. Как пример можно привести обретение названия Патагония частью Южной Америки, расположенной к югу от рек Рио-Колорадо в Аргентине и Био-Био в Чили. Есть версия, что наименование данной территории возникло от слова *patagón*, которое Фернан Магеллан применил для описания коренных жителей, бывших в его представлении гигантами, по сравнению с испанцами, участвующими в экспедиции. По другой версии, термин возник благодаря вышедшему в 1512 году в Кастилии анонимному рыцарскому роману «Прималеон Греческий». В нем храбрый рыцарь избавляет островитян от ужасного создания по имени Патагон. Вполне вероятно, что Магеллан читал эту книжку, потому и использовал имя одного из персонажей, причем отрицательных, для названия местных жителей [20, с. 45].

Пример с Патагонией отсылает к истории возникновения названия реального региона на основе характеристик, отсылающих к пугающим геополитическим сравнениям или отрицательным историческим фигурам. Продолжение такой традиции можно увидеть в практике военных учений, когда для территории условного противника берется однозначно негативный образ из прошлого. В частности, в начале марта 2016 г. в Норвегии проводилась активная фаза учений *Cold Response* («Холодный ответ»), в которых были задействованы около 15 тыс. военнослужащих из 14 стран, не только членов НАТО, но и не входящих в альянс Финляндии и Швеции. Целью учений была отработка реакции на возмож-

ное нападение некоего «агрессора» на северные рубежи Североатлантического альянса. Согласно сценарию Trident Juncture 2015, члены НАТО и их союзники столкнулись с конфликтом в вымышленном регионе Восточная Керазия, где некое государство захватило своего менее сильного соседа и угрожало продолжить экспансию. По сценарию учений, конфликт, причиной которого стала борьба за природные ресурсы, якобы приобрел «этнический и религиозный характер», а также оказал влияние на безопасность в регионе, привел к активизации террористов и росту числа кибератак [12]. Название Керазия отсылает к истории поздней Римской империи. Керазией звали одного из претендентов на владение Британией и Северной Галлией, не гнушавшегося сотрудничать с пиратами.

Конструирование вымышленных регионов облегчается тем, что понятия «пустота», «пространство» и «место» применительно к региону часто смешиваются. Каждое из них было особым предметом рассуждений великих древнегреческих мыслителей — Демокрита, Платона и Аристотеля. И уже одно это указывает на то, что различия содержания понятий были обнаружены еще в античные времена. Однако в обыденном сознании и в современной геополитической ситуации, когда исчезают последние свободные пространства, ощущение их пустоты может сохраниться. Оно лишь меняет координаты, превратившись в один или несколько вариантов восприятия пустоты: от пустоты внутри, в душе человека, оказавшегося в таком месте, до пустоты, которую он создает своей деятельностью на больших пространствах, т. е. в целых регионах. Понимание такой пустоты не упрощает, а, наоборот, усложняет оценку данной территории.

Интересно мнение французского писателя Жоржа Перека о таких непростых пространствах [14]. Он анализирует не столько саму пустоту, сколько то, что образуется вокруг или внутри нее, отмечая уровни очеловеченной территории. Автор описывает пространство существования — от микромира страницы, постели, комнаты к макромоделю дома, улицы, квартала, города, деревни, страны, континента и, наконец, всего мира. Важно отметить, что Перек следует традиции сравнивать простран-

ства макрокосма и микрокосма, когда, например, на теле человека (микрокосма) обнаруживались совпадающие по содержанию с макрокосмом (Вселенной) пространства. В древности благодаря выделению региона звездного неба, обозначению его как созвездия, можно было определить характер человека, рожденного под этим знаком, что и стало занятием астрологов по составлению гороскопов. В этом свете не включенный в число знаков Зодиака 13-й знак — созвездие Змееносца — может быть истолкован как скрытое пространство, скрытый регион. Всегда то, что скрыто, не только отличается от того, что пусто, но и дает основание для построения самых фантастических сценариев.

Безусловно, в предлагаемом им анализе пространственной пустоты Перек не является первопроходцем. Он идет тем же путем, по которому развивались представления Жака Бодрийяра в «Системе вещей», Мишеля Фуко в «Словах и вещах» и Ги Дебора в «Обществе спектакля» [4, 7, 17]. С одной стороны, Перек развивает взгляды постмодернистов и постструктуралистов на трансформацию миропорядка. Но с другой стороны, он ставит перед собой и, конечно, перед читателем высокую гуманистическую цель, которая состоит в том, чтобы в пространствах, диктующих людям свои собственные правила, человек сумел обрести себя. Что для этого необходимо? Перек убежден в том, что следует внимательно анализировать повседневную жизнь окружающего нас пространства. Только так можно определить его границы, погрузиться в глубинную суть предметов и их фантомных прообразов, вспомнить, как и зачем используется тот или иной атрибут повседневной жизни. Отсюда можно говорить о значимости добавления повседневной компоненты в набор идентификационных геополитических признаков региона, например, можно увидеть различия между регионами чайной и кофейной культур.

Это замечание об идентификационных возможностях компоненты повседневной культуры представляется справедливым не только по отношению к пространствам, непосредственно окружающим человека, но и к тем, которые могут быть отдалены от него, однако, при этом они сохраняют все свойства реаль-

ности. Относится данное наблюдение и к регионам вымышленным или же виртуальным. И для регионов реальных, и для вымышленных, и для виртуальных процесс заполнения «геополитической пустоты», насыщения ее параметрами, ассоциируемыми с региональной общностью, с ментальной точки зрения выстраивается одинаково. Более того, начинается он точно так же, как и в далеком прошлом, с идентификации пространства по полученной оттуда вещи. Неслучайно один из самых ярких романов Перека так и назвался «Leschoses» («Вещи»).

Привозя сувенир из какого-либо путешествия, люди в его материальную, вещную природу вкладывают свои воспоминания об этом пространстве. Это же происходит и с товарами, произведенными в каком-то регионе, носящими отпечаток региональной производственной культуры. В конце XIX в. Германия, обладающая более совершенной отраслевой структурой, чем ее европейские соседи, начала забрасывать их население продуктами повседневного спроса. В наши дни Китай повторил этот германский опыт позапрошлого столетия. Таким образом, и Германия, и Китай выступили как региональные источники появления значительной части вещей в обиходе людей из других стран и регионов. А далее сами эти вещи превратились в своеобразных посланцев материальной культуры региона своего производства, отличительные особенности которой и являются одними из ярчайших признаков идентичности — цивилизационно-культурологической, геополитической, экономической, социальной.

Если мир вещей, которые можно почувствовать, попробовать на вкус, убеждает в реальности того или иного региона, то значительная часть других признаков, идентифицирующих само это пространство, имеет характер нематериальный. Эти признаки оживают в рассказах путешественников (во все эпохи насыщенных элементами вымысла), в идеях, исходящих от личностей, связанных с этими пространствами, а также в различных практиках. К таким практикам могут относиться духовные, а могут — вполне материальные, но одобренные большей долей духовности (медицинские практики, ритуалы гостеприимства, чайные це-

ремонии и пр.). Не меньший вклад в создание картины региональной жизни, только не в ее повседневной реальности, а в праздничной форме, вносят сведения о традициях проведения всевозможных праздничных мероприятий. Эти региональные традиции с различной долей точности копируются в совершенно другой среде. Так, в Европу переносится бразильский карнавал или китайский Новый год. Этим формируется адаптированная для «пользователей» из других регионов модель восприятия того региона, где данная традиция зародилась и укоренилась.

При этом никто не сомневается, что такой регион существует в действительности. Просто, когда возникает потребность установления с ним непосредственной, т.е. физической связи, следует помнить о возможной погрешности восприятия поведения проживающих в нем людей и деловых возможностей, которые он на самом деле может обеспечить для представителя другого региона благодаря собственной экономике, политической системе, культуре, особенностям регионального сознания и т.д.

Также важно понимать, что в начале XXI столетия, подобно далекому прошлому, в сознании людей периодически всплывают контуры вымышленных регионов. И не только в научной фантастике или кинематографе. Создателем вымышленного мира может стать любой человек, отталкиваясь от реальной истории и рисуя альтернативную. Правда, у этого жанра так много выдающихся представителей, что любителям креатива, осуществляемого в гигантских масштабах, приходится на них равняться. Великий римский историк Тит Ливий (59 до н.э. — 17 н.э.) справедливо считается создателем жанра альтернативной истории. В «Истории от основания города» (*Aburbecondita*) он описал как возможную историю противостояния Рима и империи Александра Македонского. Для этого Александр должен был прожить больше, чем 33 года и продолжать править своей империей. Эту же идею развивал Арнольд Тойнби [16]. Из других авторов прошлого века, в работах которых представлено иное региональное видение мира по сравнению с общепринятым политико-экономическим или цивилизационным, необходимо выделить Джорджа Оруэлла с его ан-

тиутопией «1984», а также Василия Аксенова, изобразившего такой регион как Крым в качестве независимого государства [1].

И все же мы должны понимать, что вымышленный мир, тем более имеющий некое подобие региональной конфигурации, означает не одно лишь стремление своего создателя убежать от действительности. Такой мир есть своеобразная модель взаимодействия разных акторов, прежде всего негосударственных, на иной региональной площадке. И если все реальные геополитические площадки заняты, вся освоенная территория распределена, стала зонами чьего-то влияния, то можно попытаться смоделировать другое пространство. Оно может отделяться от настоящего не территориально, а, например, хронологически, находясь в прошлом или в будущем времени. Главное, такая территория, подобно реально существующему пространству, задает участникам процесса те же правила поведения. А так как часто эти правила сравнивают с теми, которые устанавливает не жизнь, а игра, то и моделируемое пространство приобретает свойства игровой площадки, например, шахматной доски, ставшей одним из наиболее распространенных образов пространства геополитического противоборства [2–3].

Порой ощущение не реальной, а моделируемой региональной картины подкрепляется тем, что для понимания специфики его пространственной идентичности приходится обращаться к тем же самым признакам, которые были обнаружены в ходе раннего пространственного постижения мира. Это, во-первых, идентификация региона с основополагающим для него, прежде всего его политической культуры, моральным началом — добром или злом. Отсюда вполне понятно происхождение геополитических лексических оборотов: «империя зла», «ось зла» и пр. Во-вторых, учитывается степень освоенности территории. Этим объясняются такие представления, как «проклятие Сибири» [19]. В-третьих, прибегают к подмене подлинных региональных продуктов, артефактов копиями или, что еще хуже, их символами.

Перечисление этих ошибок пространственной региональной идентификации помогает их избегать. А значит, знание таких ловушек

способствует налаживанию конструктивного межрегионального диалога в политике, экономике, культуре. Этим снимается противоречие национального, регионального и глобального развития, хотя признавать ошибки всегда сложно. Тем более, если они касаются не межличностных отношений, а межрегиональных, глубоко насыщенных разными смыслами.

Вместе с тем, в геополитике существование территориальных претензий и пограничных споров требует обращения к категории «воображаемый регион».

Первое. Это могут быть экспансионистские геополитические проекты, имеющие в основании вымышленную картину мира, искажающую карты расселения этносов и стран (Великая Албания, Великая Болгария, Великая Румыния и т.д.).

Второе. К таким территориям относятся те, которые на практике входят в состав других государств. Крым вошел в состав Российской Федерации в марте 2014 г. после состоявшегося в регионе референдума, в ходе которого подавляющее большинство участвовавших в голосовании избирателей поддержали такое решение. Официальный Киев отказался признать результаты референдума, хотя процедура присоединения региона к России соответствовала нормам международного права. Комитет Верховной Рады Украины по вопросам государственного строительства, региональной политики и местного самоуправления в рамках исполнения закона о декоммунизации в феврале 2016 г. утвердил новые названия для 70 населенных пунктов Крыма [13].

Третье. Речь может идти о пространстве распространения вымышленных культур, которые отличаются от соседей мифологией, верованиями, традициями, укладом жизни, производством. Порой носители этих культурных особенностей обладают уникальными качествами. Однако даже самое прекрасное выдуманное общество хорошо лишь в художественной фантазии, на геополитической почве оно может стать основанием для новых споров и столкновений. И представляемый как райское место регион, обернется настоящим адом для всех пытающихся его завоевать.

Литература

- [1] Аксенов В. Остров Крым. — М.: Эксмо, 2010.
- [2] Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1998.
- [3] Бжезинский З. План игры: геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1986.
- [4] Бодрийяр Ж. Система вещей. — М.: Рудомино, 2001.
- [5] Ганс Сакс. Шлаураффия / пер. И. Грицковой // Европейские поэты Возрождения. — М.: Художественная литература, 1974. — С. 67 [Электронный ресурс]. — URL: <http://fb2gratis.com/read/4407/67>
- [6] Гудрик-Кларк Н. Окультурные корни нацизма: тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. — М.: Евразия, 1993.
- [7] Дебор Г. Общество спектакля [Электронный ресурс]. — URL: http://avtonom.org/old/lib/theory/debord/society_of_spectacle.html
- [8] Дитмар А.Б. Рубежи Ойкумены: Эволюция представлений античных ученых об обитаемой земле и природной широтной зональности. — М.: Мысль, 1973.
- [9] Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти // Независимая газета. — 2001. — 10 июня.
- [10] Кальвино И. Невидимые города [Электронный ресурс]. — URL: http://psychogeo.spb.ru/page_140.html
- [11] Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. Т. IV. — М.-Л.: АН СССР, 1957. — С. 71.
- [12] НАТО готовит «холодный ответ» агрессорам [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/2928257>
- [13] На Украине задумались о переименовании городов Крыма и Донбасса [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rbc.ru/politics/06/02/2016/56b623689a79472ebc3fe312>
- [14] Перек Ж. Просто пространства: Дневник пользователя / пер. с фр. В. Кислова. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012.
- [15] Плиний Кай Секунда. Естественная история / пер. с лат. В. Севергина. — М., 1820 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.adfontes.veles.lv/antique_slav/plini.htm
- [16] Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда... // Знание — сила. — 1979. — № 12.
- [17] Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. — СПб.: А-сэд, 1994.
- [18] Эвола Э. Лук и булава / пер. с итал. В.В. Ванюшкиной. — СПб.: Владимир Даль, 2009.
- [19] Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. — Washington: Brookings Institution Press, 2003.
- [20] Riqueur M. de. Para leer a Cervantes. — Barcelona: Acantilado 74. Cuadernos Crema, S.A., Sociedad Unipersonal, 2003.

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna,

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of Sociology and Management Department,
Moscow State Automobile and Road Technical University
e-mail: ludmilaternovaya@yandex.ru*

THE IMPACT OF FICTIONAL REGIONS IN THE GEOPOLITICAL REALITY

Communication between man and space are varied. They depend on the historical and cultural experience of the people, involvement of people in economic activities, the need to protect the territory, sometimes at the cost of his own life. These connections are also determined by the size territory, the traditions of its description and interpretation. It is especially the understanding of man's place in a particular region form the vision of influence the spatial factors at the destiny of man. The significant role in this process plays not only the real geopolitical regions, but also fictional territories. In these descriptions clearly accentuated those aspects of life that form the basis of the geopolitical picture of the world.

Key words: *region, sociology of the imagination, utopia, geopolitics, alternative history.*

References

- [1] *Aksenov V. Ostrov Krym [The Island of Crimea]*. — Moscow: Eksmo, 2010.
- [2] *Brzezinski Z. Velikaja shahmatnaja doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]*. — Moscow: International Relations, 1998.
- [3] *Brzezinski Z. Plan igry: geostrategicheskaja struktura vedenija bor'by mezhdu SShA i SSSR [Game Plan: Geostrategic Structure of Fighting between the USA and the USSR / transl. from English]*. — Moscow: Progress, 1986.
- [4] *Jean Baudrillard. Sistema veshhej [System of Things]*. — Moscow: Rudomino, 2001.
- [5] *Hans Saks. Shlauraffija [Shlauraffiya / transl. by I. Gritskova] // Evropejskie poety Vozrozhdenija [European poets of the Renaissance]*. — Moscow: Literature, 1974. — P. 67 [Electronic resource]. — URL: <http://fb2gratis.com/read/4407/67>
- [6] *Goodrick-Clarke H. Okkul'tnye korni nacizma: tajnye arijskie kul'ty i ih vlijanie na nacistskuju ideologiju [Occult Roots of Nazism: Secret Aryan Cults and Their Influence on Nazi Ideology]*. — Moscow: Eurasia, 1993.
- [7] *Debor G. Obshhestvo spektaklja [Society of the Spectacle] [Electronic resource]*. — URL: http://avtonom.org/old/lib/theory/debord/society_of_spectacle.html
- [8] *Dietmar A.B. Rubezhi Ojkumeny: Jevoljucija predstavlenij antichnyh uchenyh ob obitaemoj zemle i prirodnoj shirotnoj zonal'nosti [The Frontiers of the Known World: the Evolution of Ancient Scientists Notions of Habitable Land and Natural Latitudinal Zonation]*. — Moscow: Mysl`, 1973.
- [9] *Zamyatin D.N. Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti [The Power of Space and Space Power] // Nezavisimaya Gazeta [Independent newspaper]*. — 2001. — June 10.
- [10] *Calvino I. Nevidimye goroda [Invisible Cities] [Electronic resource]*. — URL: http://psychogeo.spb.ru/page_140.html
- [11] *Krachkovsky I.Y. Arabskaja geograficheskaja literatura [Arab Geographical Literature] // Selected works. Vol. IV*. — Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. — 71 pp.
- [12] *NATO gotovit «holodnyj otvet» agressoram [NATO is Preparing a "Cool Response" Aggressors] [Electronic resource]*. — URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/2928257>
- [13] *Na Ukraine zadumalis' o pereimenovanii gorodov Kryma i Donbassa [In Ukraine, Think about Renaming the Cities of the Crimea and Donbas] [Electronic resource]*. — URL: <http://www.rbc.ru/politics/06/02/2016/56b623689a79472ebc3fe312>
- [14] *Perec G. Prosto prostranstva: dnevnik pol'zovatelja [Just Space: blog / transl. by V. Kislov]*. — St. Petersburg: Ivan Limbakh`s Publishing House, 2012.
- [15] *Pliny Kai Secunda. Estestvennaja istorija [Natural History / transl from lat. by B. Severgin]*. — Moscow, 1820 [Electronic resource]. — URL: http://www.adfontes.veles.lv/antique_slav/plini.htm
- [16] *Toynbee A. Esli by Aleksandr ne umer togda... [If Alexander had not died then...] // Znanie — sila [Knowledge is Force]*. — 1979. — № 12.
- [17] *Foucault M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [Words and Things. Archaeology of Human Sciences / transl. from fr. by V.P. Vizgin and N.S. Avtonomova]*. — St. Petersburg: A-cad, 1994.
- [18] *Evola E. Luk i bulava [Bow and Mace / transl. from Italy by V.V. Vanyushkin]*. — St. Petersburg: Vladimir Dal, 2009.
- [19] *Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. — Washington: Brookings Institution Press, 2003.
- [20] *Riqueur M. de. Para leer a Cervantes*. — Barcelona: Acantilado 74. Cuadernos Crema, S.A., Sociedad Unipersonal, 2003.

УДК: 328.182

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич,кандидат политических наук, доцент
кафедры философии и политологииАкадемии труда и социальных отношений, г. Москва
e-mail: pavelfeld@mail.ru

ПОЛИТИКА СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ В ИТАЛИИ И РОССИИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье осуществляется сравнительный анализ политических институтов, обеспечивающих репрезентацию и согласование групповых интересов в Итальянской Республике и Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что приоритетной задачей для обеих стран является постепенное преодоление теневых и коррупционных практик взаимодействия государства и групп давления за счет реализации комплексной политики согласования интересов. Основными направлениями данной политики выступают институционализация социального партнерства и упорядочение лоббистских отношений.

Ключевые слова: согласование интересов, социальное партнерство лоббизм, корпоративизм, российская политика, итальянская политика, политика согласования интересов.

В научных и публицистических текстах политическая система современной России нередко предстает как совокупность институтов, находящихся в процессе своего становления или вообще пребывающих в зачаточном состоянии. При этом политические системы ведущих западно-европейских стран — напротив — зачастую оцениваются как зрелые и вполне сформировавшиеся. Подобная точка зрения представляется несколько поверхностной и симплифицированной. Несмотря на динамичное течение интеграционных процессов на территории Европы, государства — члены ЕС существенно разнятся по уровню развития своих демократических институтов. Даже в странах, традиционно считающихся «столпами Евросоюза», отдельные сферы общественных отношений по-прежнему остаются недостаточно упорядоченными. В данном контексте показательным может считаться пример Итальянской Республики, которая сталкивается с рядом внутривнутриполитических проблем, чрезвычайно актуальных для современной России. В частности, обе страны до настоящего момента так и не смогли отладить систему механизмов, обеспечивающих цивилизованное представительство организованных интересов в органах государственной власти.

Проблема регулирования политического участия групп давления (компаний, корпораций, общественных объединений и т.д.) в той или иной степени остается злободневной для всех без исключения государств, даже несмотря на то что в ряде стран отношения, возникающие по поводу продвижения частных интересов, характеризуются высокой степенью институционализации. Как правило, при изучении теоретико-концептуальных и прикладных аспектов функционального представительства интересов значительное внимание уделяется лоббизму, который традиционно рассматривается в качестве ключевой формы воздействия негосударственных структур на государственные институты. При этом большинство кросс-национальных исследований в данной области сводятся к компаративному политико-правовому анализу формальных норм и принципов взаимодействия лоббистов с должностными лицами. Однако нам представляется, что на современном этапе лоббизм следует рассматривать в единстве с иными — не менее значимыми — политическими институтами, обеспечивающими коммуникацию власти и общества. Следовательно, центральным объектом политологического анализа целесообразно из-

брать так называемую *политику согласования интересов*, которая представляет собой совокупность принципов, инструментов и механизмов государственного регулирования общественных отношений, возникающих по поводу артикуляции, репрезентации и координации групповых интересов. Эффективная реализация данного направления государственной политики позволяет обеспечить сбалансированное и взаимосогласованное распределение ограниченных общественных ресурсов, что, в свою очередь, является неотъемлемым условием политической стабильности.

Можно констатировать, что на сегодняшний день как в России, так и в Италии существует ряд практически аналогичных проблем, связанных с воздействием групп давления на процесс принятия политико-управленческих решений. Специалисты организации «Transparency International», организовавшие в 2014 году комплексное исследование лоббистской деятельности в 19 европейских государствах, отмечают, что в Итальянской Республике взаимодействие групп давления с политиками и чиновниками осуществляется преимущественно неформально, за «закрытыми дверями», что создает дефицит информации о мотивах принятия решений органами власти [6]. Похожая ситуация констатируется и в России, где воздействие организованных групп давления на органы власти зачастую носит теневой или коррупционный характер, а залогом удовлетворения частных интересов со стороны государства становится наличие «связей» и персональная лояльность.

В докладе «Лоббизм и демократия: представительство интересов в Италии» утверждается, что по универсальной шкале оценки, применяемой центром «Transparency International», уровень открытости лоббизма в данной стране составляет 11%. По такому показателю, как «равенство возможностей при доступе к органам власти», Италия набирает 22 балла из 100 возможных. Итоговой результат, свидетельствующий о качественном состоянии системы функционального представительства интересов в Италии, равен 20% (один из самых низких в Европе) [6]. Даже принимая во внимание несовершенство методологии проведенного исследования и субъективность отдельных кри-

териев оценки, нельзя не признать наличия определенных оснований для получения столь пессимистичных выводов. С вышеприведенными данными несколько контрастирует факт наличия 600 итальянских организаций в так называемом «Реестре открытости ЕС» — списке организаций, аккредитовавших своих лоббистов при Европарламенте и Еврокомиссии. В их числе преимущественно некоммерческие организации, профессиональные союзы, деловые ассоциации, бизнес-структуры и научно-аналитические центры. Логично предположить, что данные структуры осуществляют лоббистскую деятельность не только на уровне Евросоюза, но и на внутривластной арене — следовательно, представительство организованных интересов в Итальянской Республике характеризуется достаточно высоким уровнем профессионализации.

Основная проблема итальянской политики согласования интересов, по мнению экспертов из «Transparency International», коренится в отсутствии профильной законодательной базы, регулирующей взаимодействие должностных лиц и политиков с представителями групп давления. С 1945 года по настоящий момент в итальянский Парламент было внесено более 50 подобных законопроектов, из которых лишь несколько дошли до стадии рассмотрения на уровне отдельных комитетов и комиссий. В 2007 году законодателями был отклонен разработанный по инициативе премьер-министра Р. Проди проект закона, предполагавшего обязательную регистрацию лоббистов при органах власти и вводившего санкции за уклонение или отказ от нее. В 2014 году Правительство во главе с М. Ренци провозгласило регулирование лоббистской деятельности одной из своих приоритетных задач [5]. В результате были подготовлены девять проектов закона о представительстве организованных интересов, шесть из которых направлены в профильные комитеты, но до их рассмотрения на уровне Парламента дело так и не дошло. Однако следует отметить, что 3 из 20 регионов страны (Тоскана, Молизе и Абруццо) обладают определенным опытом правового регулирования лоббизма на территориальном уровне. В Тоскане и Молизе, например, внедрены региональные реестры лоббирующих субъектов,

куда входят исключительно институты гражданского общества — профсоюзы, некоммерческие организации, фонды и аналитические центры. Создание подобных реестров не только обеспечивает общественный контроль за деятельностью лоббистов, но и наделяет организации третьего сектора возможностью официально обращаться к региональным органам законодательной власти со своими инициативами. Аналогичный принцип правового регулирования лоббизма с 2012 года применяется в административной области Абрुццо, однако там до настоящего момента процедуру добровольной регистрации при органах власти прошли лишь 6 организаций (для сравнения, в Тоскане их зарегистрировано более 130). Приведенные данные свидетельствуют о том, что политическая система Италии не готова к принятию жесткого лоббистского законодательства (по американскому образцу), которое бы ввело в правовое поле все формы взаимодействия заинтересованных групп с властными институтами.

Практически аналогичная ситуация отмечается и в России, где с 1991 года с разной степенью интенсивности ведется публичная дискуссия о целесообразности правового регулирования функционального представительства интересов. Так, в 1996 году депутатами нижней палаты российского Парламента был разработан законопроект «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», однако Совет Государственной Думы после предварительного рассмотрения принял решение снять его с повестки. Уже через год депутаты В.И. Зоркальцев, Г.Н. Махачев, А.В. Чуев предложили законопроект «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», который впоследствии был отозван его же авторами. В 2003 году Госдумой был отклонен проект закона «О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», разработанный Б.Б. Надеждиным, И.М. Хакамадой и Б.Е. Немцовым. В 2013 году депутатами от партии «Справедливая Россия» на рассмотрение в Государственную Думу был внесен Законопроект № 410475-6 «О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей

в органах государственной власти и местного самоуправления», однако законотворческая инициатива «эсеров» была также отклонена Советом Государственной Думы.

В числе официальных причин отклонения перечисленных законопроектов о лоббизме называются их многочисленные противоречия с существующими нормативно-правовыми актами и Конституцией, несоответствие российским реалиям, недостаточно детальная проработка некоторых разделов. Вместе с тем очевидно, что отсутствие в нашей стране специализированного закона о лоббизме свидетельствует о неуверенности представителей политической элиты и экспертов в целесообразности его принятия. На сегодняшний день со стороны Президента и премьер-министра не поступало четких сигналов о необходимости создания законодательной базы для институционализации лоббистской деятельности. Так, Д.А. Медведев, оценивая перспективы принятия в нашей стране соответствующего закона, отметил, что ни представители бизнеса, ни депутаты Государственной Думы «не доросли до такого правопонимания». Вместе с тем Председатель Правительства не исключил, что когда-нибудь будет принят «закон, регламентирующий взаимоотношения парламентариев и сил, которые предлагают им продвигать те или иные проекты» [1].

Следует отметить, что в основе большинства итальянских и российских законопроектов, призванных ввести лоббистскую деятельность в правовые рамки, лежит ряд схожих, универсальных принципов:

- добровольная или обязательная регистрация уполномоченных представителей заинтересованных групп при органах власти;
- раскрытие информации о целях реализации и объемах финансирования лоббистских кампаний;
- предоставление в контролирующие инстанции сведений о контактах лоббистов с должностными лицами;
- ограничение допуска к осуществлению лоббистской деятельности для действующих или бывших представителей власти.

Многочисленные и безрезультатные попытки создания правовой базы для деятельности лоббистов, предпринятые в Италии и России,

свидетельствуют о невозможности реализации вышеперечисленных принципов в данных государствах — по крайней мере, на современном этапе. С этим обстоятельством несколько диссонирует тот факт, что система регистрации лобби сравнительно успешно действует в ряде европейских стран (в Германии, во Франции, в Польше, в Литве и т. д.), а также на уровне наднациональных институтов власти ЕС (при Европарламенте и Еврокомиссии). Подобное противоречие можно интерпретировать через призму теории институциональных изменений Д. Норта, согласно которой неформальные нормы общественных отношений эволюционируют и трансформируются гораздо медленнее, чем формальные институты [2]. Таким образом, принятию «закона о лоббизме» в Итальянской Республике или Российской Федерации должно предшествовать изменение сложившейся в этих странах практики неформальных отношений между группами интересов и представителями власти.

Иными словами, правовое регулирование лоббистской деятельности может стать эффективным лишь тогда, когда государство, бизнес и организации третьего сектора будут готовы перейти от теневого ресурсного обмена к открытому и публичному диалогу. Однако на сегодняшний день в обеих странах по-прежнему сильны традиции фаворитизма, непотизма, кронизма и коррупции. Этим объясняется практически идентичное стереотипизированное восприятие феномена лоббизма итальянцами и россиянами, которые наделяют соответствующее явление исключительно негативными, зачастую криминальными, коннотациями. Формированию подобного общественного мнения всячески способствуют средства массовой информации с разоблачительной тональностью их материалов, посвященных взаимодействию власти и групп давления. Эксперты «Transparency International» отмечают, что синонимом слова «лоббист» в Италии является «махинатор, теневой делец и даже масон» [6]. Политики, чиновники и представители академического сообщества стараются заменять неудобное понятие «лобби» более нейтральными терминами «группы интересов» ("gruppo di interesse") или заинтересованные лица ("portatore di interessi"). Таким образом,

с высокой долей вероятности можно констатировать, что легализации лоббизма в Италии и России — помимо прочих объективных факторов — препятствует негативный информационный фон и отрицательный имидж данного явления.

Не видя целесообразности в реализации американского принципа регистрации лобби на и территории Итальянской Республики и Российской Федерации, мы отмечаем необходимость выработки таких национальных моделей политики согласования интересов, которые бы гармонировали с неформальными институтами и базировались на уже имеющемся позитивном опыте ведения диалога между властью и группами давления. Для решения поставленной задачи предлагаем отказаться от стремления использовать жесткие рамки закона в целях ограничения и принудительного «высвечивания» контактов лоббистов с политиками и должностными лицами. В практическом смысле, лоббизм следует рассматривать не как коррупциогенный политический механизм, нуждающийся в постоянном надзоре со стороны контролирующих инстанций, а как форму реализации конституционно закрепленной за социальными и экономическими субъектами возможности обращаться к органам власти со своими ходатайствами, инициативами и требованиями. Если крупные корпорации обладают достаточными материальными, политическими, информационными ресурсами для того, чтобы эффективно продвигать и отстаивать свои интересы на всех уровнях власти, то малый бизнес и некоммерческие организации остро нуждаются в отлаженных каналах формальной коммуникации с центрами принятия политико-управленческих решений. Подобным каналом может стать правовой институт лоббизма, ориентированный на решение следующих задач:

- обеспечить добровольный порядок регистрации субъектов лоббизма без детального раскрытия информации об их финансовой деятельности и контактах с должностными лицами;

- закрепить за группами интересов право обращаться к представителям власти и в обязательном порядке получать официальные ответы на свои ходатайства;

– гарантировать доступ лоббистов к работе парламентских комитетов, комиссий и экспертно-совещательных структур при органах власти;

– наделить заинтересованные группы возможностью требовать предоставления официальной информации относительно тех или иных явлений и процессов (в соответствии с действующим законодательством).

Реализация перечисленных принципов как в Италии, так и в России позволит существенно расширить возможности политического участия институтов гражданского общества. Таким образом, статус официально зарегистрированного лоббиста постепенно может приобрести характер привилегии, которая открывает заинтересованным субъектам доступ к центрам принятия властных решений, частично компенсируя малому бизнесу и организациям третьего сектора их скудные ресурсы политического влияния.

Упорядочение отношений между объектами и субъектами лоббизма является важным, но не единственным приоритетом политики согласования интересов. Не менее актуальной задачей нам видится организация инфраструктуры вертикальной и горизонтальной политической коммуникации, позволяющей координировать групповые интересы и достигать согласия относительно распределения ограниченных ресурсов в ходе институционализированного взаимодействия акторов. Подобная практика уже реализуется Итальянской Республикой и Российской Федерацией в социально-трудовой сфере, где ведется непрерывный трехсторонний диалог между ассоциациями работодателей, профсоюзами и органами власти.

Корпоративизм в Италии имеет глубокие исторические корни: перед началом Второй мировой войны в стране сложилась модель политического согласования интересов, где ведущую роль играли объединения собственников предприятий и наемных работников, а Парламент постепенно уступил место «палате фаший и корпораций». Существенным недостатком подобной системы, по мнению российского исследователя О.Ф. Шаброва, стало «сращивание государства с наиболее влиятельными в экономическом отношении корпорациями» [3]. Однако современная европейская система соци-

ального партнерства, обеспечивающая демократическое согласование социально-экономических интересов субъектов производственных отношений, частично унаследовала отдельные черты классического итальянского корпоративизма. На сегодняшний день в Итальянской Республике действует Национальный совет экономики труда, который в соответствии с Конституцией «имеет право законодательной инициативы и может участвовать в разработке законодательства по экономическим и социальным вопросам» [4]. Данный институт формируется на корпоративной основе (из числа представителей наиболее крупных отраслевых и профессиональных групп) и представляет собой консультативный орган при Парламенте и Правительстве страны. Совет обеспечивает гармонизацию интересов труда и капитала в процессе многостороннего взаимодействия представителей власти, экспертов, общественно-политических лидеров. Национальный совет экономики труда органически встроен в систему институтов власти, что наделяет его существенным политическим весом и широкими полномочиями.

Российская модель социального партнерства функционирует на основе принципа трипартизма, который предполагает наделение государства, профсоюзов и объединений работодателей номинально равными правами и возможностями в процессе координации интересов и урегулирования конфликтов. В рамках данной модели создаются трехсторонние комиссии федерального, регионального и локального уровней, которые решают вопросы, связанные с уровнем зарплат, условиями труда, социальной защитой наемных работников и т.д. Подобная практика способствует выработке коллективных, взаимосогласованных решений, однако не гарантирует их реализации Правительством страны. Главный отечественный институт социального партнерства — Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений, — в отличие от итальянского Национального совета экономики труда, вынесена за пределы системы власти и не обладает правом законодательной инициативы.

Итальянский и российский опыт неокорпоративистского взаимодействия объединений

работников, работодателей и государства может рассматриваться в качестве институционального фундамента для совершенствования политики согласования интересов в целом. Базовые принципы трипартизма, заключающиеся в координации интересов антагонистических групп давления при посредничестве и арбитраже государства, могут быть применены не только в социально-трудовой области, но и во всех сферах общественных отношений, где сталкиваются противоположные, зачастую взаимоисключающие, позиции субъектов. Таким образом, модель социального партнерства как в Италии, так и в современной России может быть взята за основу при построении системы взаимоотношений между государством и обществом. Практическое воплощение данной модели потребует создания официальных диалоговых платформ, на базе которых уполномоченные представители заинтересованных групп могли бы вести равноправный диалог, коллективно выработать проекты решений и направлять их в органы власти (прежде всего, в Парламент и Правительство). На сегодняшний день в России подобную функцию частично выполняет Общественная палата, где проводятся так называемые «нулевые» чтения законопроектов, однако на практике данная деятельность сводится к экспертно-аналитическому сопровождению правотворческой работы Парламента и не предполагает публичной полифонической дискуссии между заинтересованными группами. Более широкое внедрение институтов социального партнерства (согласовательных ко-

миссий) могло бы способствовать преодолению вышеуказанной проблемы.

Проведенный в настоящей статье компаративный анализ позволил установить основные черты политики согласования интересов, реализуемой в Итальянской Республике и Российской Федерации. Оба государства на современном этапе сталкиваются с необходимостью оптимизации существующих механизмов коммуникации государства и общества. Полученные выводы в целом сводятся к тому, что сложившаяся в Италии и России практика преимущественно неформального, теневого взаимодействия власти и групп давления не удастся качественным образом изменить за счет формализации института лоббизма. Данное обстоятельство, однако, не исключает целесообразности наделения лоббистов внятым политико-правовым статусом, который бы позволил им вести цивилизованный и открытый диалог с государством. Подобные меры, в первую очередь, соответствуют интересам малого бизнеса и некоммерческих организаций, не обладающих масштабными ресурсами политического влияния. Мы также отмечаем, что богатый итальянский опыт неокорпоративизма следует учитывать при совершенствовании российской модели социального партнерства. По аналогии с Итальянским Национальным советом экономики труда в нашей стране могут быть созданы профильные и отраслевые институты согласования интересов, в рамках которых государство и конкурирующие группы давления могли бы координировать свои позиции.

Литература

[1] *Медведев Д.* Российский парламент не дорос до принятия закона о лоббизме [Электронный ресурс]. — URL: ria.ru/politics/20121221/915767197.html

[2] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / под ред. Б.Э. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

[3] *Шабров О.Ф.* Корпоративизм в отношениях государства и бизнеса // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия: мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. — М.: Знание, 2007. — С. 226.

[4] Constitution of the Italian Republic [Electronic resource]. — URL: www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf

[5] Economics and Finance Document 2014. The national reform programme — Part 1. National strategy and key initiatives [Electronic resource]. — URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/csr2014/nrpp12014_italy_en.pdf

[6] Lobbying and democracy: representing interests in Italy [Electronic resource]. — URL: www.transparency.it/wp-content/uploads/2014/11/LLL-National-Report_EN_DEF.pdf

FELDMAN Pavel Yakovlevich,
Candidate of Political Sciences, Senior lecturer
of the Academy of Labour and Social Relations, Moscow
e-mail: pavelfeld@mail.ru

POLICY OF THE COORDINATION OF INTERESTS IN ITALY AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

In article the comparative analysis of the political institutes providing representation and coordination of group interests in Italy and Russia is carried out. The author comes to a conclusion that a priority purpose for both countries is overcoming shadow and corruption practice of interaction between the government and pressure groups by realizing of complex policy of interests coordination. The institutionalization of social partnership and streamlining of lobbying are main directions of this policy.

Key words: coordination of interests, social partnership lobbyism, corporatism, Russian policy, Italian policy, policy of interests ccoordination.

References

- [1] Dmitry Medvedev. Rossijskij parlament ne doros do prinjatija zakona o lobbizme [The Russian parliament has not grown to the adoption of law on lobbying] [Electronic resource]. — URL: ria.ru/politics/20121221/915767197.html
- [2] North D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki / pod red. B.Je. Mil'nera [Institutions, Institutional Change and Economic Performance / ed. by B.E. Milner]. — Moscow: Fund of economic book "Nachala", 1997.
- [3] Shabrov O.F. Korporativizm v otnoshenijah gosudarstva i biznesa // Gosudarstvo, NKO i biznes: process vzaimodejstvija: mat-ly Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. [Corporatism in Relations between the State and Business // The State, NGOs and Business: Interaction Process: Materials of International scientific-practical conference]. — Moscow: Znaniye, 2007. — P. 226.
- [4] Constitution of the Italian Republic [Electronic resource]. — URL: www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf
- [5] Economics and Finance Document 2014. The national reform programme — Part 1. National strategy and key initiatives [Electronic resource]. — URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/csr2014/nrpp12014_italy_en.pdf
- [6] Lobbying and democracy: representing interests in Italy [Electronic resource]. — URL: www.transparency.it/wp-content/uploads/2014/11/LLL-National-Report_EN_DEF.pdf

УДК 329

АВДАЛЯН Андраник Варданович,

аспирант факультета государственного управления,
кафедра политического анализа
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
e-mail: andranik.avdalyan@gmail.com

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Современное политическое и социальное взаимодействие подразумевает участие международных неправительственных организаций наравне с государством. Неправительственные организации, занимаясь деятельностью в определенной сфере, могут обладать более детальной и оперативной информацией, необходимой государствам для эффективного принятия решений. Для полноценного участия международных неправительственных организаций в процессах управления необходимо взаимодействие с национальными правительствами. При этом, получая деньги из государственных структур Западных стран, международные неправительственные организации реализуют интересы своих патронов на территории России, имплементируя западную модель демократического взаимодействия. Автор подчеркивает необходимость учета исторической и культурной специфики любой страны, в том числе и России, в рамках установления демократических институтов и механизмов деятельности государства и общества.

Ключевые слова: международные неправительственные организации, демократия, глобализация, национальные интересы, глобальное управление.

В условиях глобализации общемировой климат создается не только в результате взаимодействия правительств разных стран, но и благодаря деятельности различных неправительственных структур, которые являются носителями информации, необходимой для принятия сбалансированных решений на всех уровнях власти. И хотя мирополитическая система все еще основывается на принципе примата государства, глобальные неправительственные организации становятся все более влиятельными участниками международных отношений. В связи с этим определение роли и значения международных неправительственных организаций в современных политических процессах представляется важной научной проблемой.

В политологическом дискурсе нет общепринятого определения международных неправительственных организаций (МНПО). Вместе с тем, проанализировав Устав ООН

и Резолюцию Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) ООН 1996/31 [4], можно выделить ряд специфических характеристик МНПО, признаваемых международным сообществом:

1) МНПО создаются не на основе межгосударственного соглашения, а учреждаются по инициативе граждан;

2) МНПО ведут свою деятельность на добровольных началах;

3) деятельность МНПО не предусматривает цели извлечения прибыли, а вся полученная прибыль от той или иной деятельности (платные консультации, экспертизы, продажа печатных изданий и т. д.) в соответствии с «Рекомендациями Комитета министров Совета Европы государствам-членам о правовом статусе неправительственных организаций в Европе» не распределяется между членами или учредителями, а направляется на выполнение задач организации [5];

4) цели организации, ее деятельность не должны противоречить основным принципам международного права;

5) международный характер организации, то есть деятельность в двух и более странах.

Таким образом, в рамках данной статьи мы предлагаем использовать следующее определение: МНПО — сформированное на добровольных началах объединение граждан и/или организаций, связанных целью, соответствующей духу, целям и принципам Устава ООН и нормам международного права, не преследующая в своей деятельности цели извлечения прибыли и функционирующая на территории более чем двух государств.

Важной особенностью функционирования современных МНПО является то, что их активность ведет к становлению глобального гражданского общества. Можно назвать и другие факторы, способствующие развитию глобального гражданского общества. Во-первых, речь идет о появлении «глобализированного среднего класса» [6], представители которого проживают в мегаполисах, владеют английским языком, часто выезжают за границу и все меньше времени связаны с какой-либо национальной принадлежностью. Во-вторых, происходит распространение универсальных этических принципов, которые преодолевают национальные границы. В-третьих, происходит возрастание роли мирового общественного мнения в условиях информационной прозрачности. Как пишет французский политолог В.П. Бодран, «мировое общественное мнение, обусловленное чувствами справедливости людей, проживающих в самых разных странах, в конечном счете приводит к единому транснациональному движению, которое в состоянии оказать давление на государства» [9].

Однако именно активность МНПО ведет к формированию в условиях глобализации особой среды гражданской активности, ориентированной на процессы принятия политических решений, затрагивающих судьбы многих народов на нашей планете. Современные МНПО оказывают существенное влияние на общественное мнение, их деятельность способствует созданию новых международных режимов, разработке новой повестки для ре-

шения глобальных проблем и демократизации мира [7].

МНПО вносят весомый вклад в постановку и обсуждение вопросов о более справедливой глобализации. Они повышают осведомленность общественности, проводят исследования, документально подтверждают последствия глобализации для людей, их сообщества и окружающей среды и мобилизуют общественное мнение. Они также оказывают гуманитарные услуги, содействуют распространению соблюдения прав человека, предоставляют опыт и знания, возглавляют инициативы, такие как поддержка договора о запрещении использования фугасных мин, создание Международного уголовного суда и т. д.

Важно также отметить, что необходимость в МНПО существует в том числе ввиду того, что современная международная политика не способна адекватно реагировать на задачи, возникающие в процессе глобализации. Над социальными аспектами превалируют меры по открытости рынков, а также финансовые и экономические соображения. Недостаточно эффективно функционирует и многосторонняя система институтов, отвечающая за разработку и реализацию международной политики. Она недостаточно демократична и прозрачна [6].

МНПО, работающие в определенной сфере, зачастую обладают более детальной и оперативной информацией, чем государственные органы, кроме того они могут помогать национальным правительствам принимать определенные превентивные меры в ситуациях возможного кризиса. Для национальных правительств международные НПО могут также выступать в качестве «информационного фильтра», так как информации становится все больше, а ее качество порой не соответствует желаемому или необходимому для принятия решения [12]. МНПО могут предоставлять необходимую, актуальную и проверенную информацию, которая поможет национальному правительству принять правильное для страны решение, поскольку по ряду вопросов неправительственные организации располагают большей информацией, чем госструктуры [2].

Важнейшим условием для полноценного и активного участия МНПО в процессах гло-

бального управления является их взаимодействие с национальными государствами. Эти отношения имеют различные форматы в зависимости от развитости демократической системы, вовлеченности страны в процессы глобализации и ее места в системе международных отношений.

1. Государства с развитыми демократическими институтами предоставляют наиболее благоприятные условия для деятельности МНПО. Они открыты к политическому взаимодействию с МНПО и даже могут оказывать им солидную финансовую поддержку.

2. Авторитарные и диктаторские режимы, напротив, сильно ограничивают свободу деятельности МНПО либо вообще не позволяют им функционировать на своей территории. Разумеется, это не касается марионеточных структур, находящихся под полным контролем властей.

3. Страны с развивающимися демократическими институтами, допуская работу МНПО, не готовы однозначно приветствовать их участие в общественно-политической жизни по целому ряду причин. Правящие элиты в таких государствах стремятся как можно полнее контролировать политический процесс и опасаются, что участие в нем новых акторов может подорвать этот контроль и размыть суверенитет государства.

Влияние МНПО на мировые политические процессы осуществляется в различных формах. Так, неправительственные организации все чаще вовлекают в процесс подготовки и разработки международных актов. Так, при активном участии неправительственных организаций разрабатывались и разрабатываются международные договоры в сфере защиты прав человека. Прецедент был создан еще в период разработки Устава ООН, когда в проходивших в 1945 году в Сан-Франциско переговорах участвовали представители 200 неправительственных организаций. Известно, что под их давлением в Устав ООН были включены наиболее демократические нормы, в частности те, которые требовали от государств соблюдать права человека, уважать достоинство и ценность человеческой жизни. Это было отражено в протоколах Комиссии ООН по правам человека. «Положения Устава

ООН, и в частности его ст. 68, явились результатом настоящих неправительственных организаций» [13].

Ставшее реальностью участие неправительственных организаций в выработке международных стандартов в сфере защиты прав человека отечественный представитель науки международного права Г.И. Тункин охарактеризовал как важнейшее новшество в создании международных норм [8].

Общепризнанной практикой последних десятилетий стало приглашение МНПО для участия в международных конференциях, встречах на высшем уровне. Нередко МНПО проводят «параллельные форумы», на которых активисты МНПО разрабатывают рекомендации для «главных» конференций [3].

В научной литературе представлены различные классификации методов работы МНПО. Так, Т. Вайс и Л. Горденкер [10] предлагают разделять способы работы МНПО:

1) в их взаимоотношениях с властными структурами:

- мониторинг;
- лоббирование;
- массовая пропаганда;
- массовые демонстрации;

2) во взаимоотношениях с населением:

- экспертные оценки;
- финансирование;
- предоставление материальных товаров и услуг;
- поддержка политики;
- мобилизация общественного мнения;
- поддержание связей между организациями;
- способствование развитию сетей;
- образовательная деятельность среди определенных групп населения.

М. Мекк и К. Сиккинк считают необходимым говорить о разных видах «политики» МНПО [11], таких как:

– информационная политика — направление и использование политически важной информации в те структуры, где ее влияние будет наибольшим;

– символическая политика — передача информации через символы и устоявшиеся стереотипы, что упрощает понимание группой, не знакомой с ситуацией;

– политика «рычагов» — способность подключать к своей деятельности более сильных акторов, когда собственных сил недостаточно для изменения ситуации;

– политика подотчетности — способность обязывать более сильных акторов действовать на основе политики или принципов, которые они формально одобрили.

Среди глобальных структур гражданского общества ведущую роль играют те, которые созданы в современных западных демократиях и которые одной из важнейших своих задач считают распространение либеральных ценностей и стандартов западного образа жизни. Однако такие намерения могут иметь весьма противоречивые последствия, т.к. стандарты, появившиеся и разработанные в иных культурных и исторических условиях, могут не только не соответствовать политическому, социальному, экономическому уровню развития

стран, определяемых как объект влияния, но и в худшем случае способны серьезным образом подорвать их культурные и материальные устои страны. Как отмечает А.В. Лукин, «деятельность большинства структур глобального гражданского общества, имеющего западные корни, направлена на немедленное осуществление в любой точке земного шара тех прав и свобод, которые в данный исторический момент считаются естественными общественным или элитным мнением Запада» [1].

Серьезной проблемой для МНПО является проблема финансирования, которая фактически означает, насколько независимыми могут быть данные структуры глобального гражданского общества [3]. Получая средства из государственных бюджетов или из фондов, финансируемым государством, МНПО вряд ли могут быть самостоятельными в проведении собственной политики.

Литература

- [1] Лукин А.В. Возможна ли другая демократия? // Полис. — 2014. — № 1. — С. 10–27.
- [2] Никонов В.А. Глобализация и государство / Тезисы выступления на IX Ассамблее СВОП [Электронный ресурс]. — URL: <http://svop.ru/files/meetings/m023913379353182.pdf> (дата обращения: 15.06.2016).
- [3] Пушкарева Г.В. Глобальное гражданское общество // Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 59–70.
- [4] Резолюция ЭКОСОС 1996/31 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.un.org/documents/ecosoc/res/1996/eres1996-31.htm> (дата обращения: 08.06.2016).
- [5] Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам о правовом статусе неправительственных организаций в Европе [Электронный ресурс]. — URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805d534d (дата обращения: 10.06.2016).
- [6] Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. — М., 2005. — 416 с.
- [7] Соловьев А.И. Глобальное управление / под ред. А.И. Соловьева. — М.: Инфра-М. 2007. — 256 с.
- [8] Тункин Г.И. Международное право: наследство XX века // Российский ежегодник международного права. — СПб., 1994. — 189 с.
- [9] Baudrand V.P. Les elements des de la mondialisation. — Paris, 2002. — 224 p.
- [10] Gordenker L., Weiss T.G. Pluralizing Global Governance: Analytical Approaches and Dimensions, T.G. Weiss and L. Gordenker (Eds.), NGOs the UN and Global Governance. — Boulder, 1996. — Pp. 17–47.
- [11] Keck M.E., Sikkink K. Transnational Advocacy Networks in International and Regional Politics // International Social Science Journal. — 1999. — No. 51. — Pp. 89–101.
- [12] Robert O. Keohane and Joseph S. Nye Jr. Power and Interdependence in the Information Age // Political Development/ Science & Technology. — 1998. — Pp. 81–94.
- [13] Robinson J. Human Rights and Fundamental Freedoms in the Charter of the United Nations. — N.Y., 1946. — 221 p.

AVDALYAN Andranik Vardanovich,
postgraduate student of the Faculty of Public Administration,
Department of Political Analysis,
Lomonosov Moscow State University
e-mail: andranik.avdalyan@gmail.com

THE ROLE OF INTERNATIONAL NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN MODERN POLITICAL PROCESSES

Modern political and social interaction presumes participation of international non-governmental organizations as well as national governments. INGOs due to their activity usually in a very specific area may possess relevant information for decision making process. To make the activity of the INGOs more efficient cooperation with the national governments is needed. But the issue is that the INGOs that work specifically in Russia get financial aid from governmental structures of Western countries, and their policy considers implementation of Western democratic patterns of interaction in non-Western country. Thus, author asserts that the democracy differs from society to society and whilst implementing democratic institutions national history and culture is to be considered.

Key words: international non-governmental organizations, democracy, globalization, national interests, global governance.

References

- [1] Lukin A.V. Vozmozhna li drugaja demokratija [Whether Another Democracy Possible?] // Polis. — 2014. — № 1. — Pp. 10–27.
- [2] Nikonov V.A. Globalizacija i gosudarstvo / Tezisy vystuplenija na IX Assamblee Globalization and the State [Abstracts speech at the IX Assembly SWAP SVOP] [Electronic resource]. — URL: <http://svop.ru/files/meetings/m023913379353182.pdf>
- [3] Pushkareva G.V. Global'noe grazhdanskoe obshhestvo / pod red. A.I. Solov'eva [Global Civil Society / ed. by A.I. Solovyov] // Leksikon. — Moscow: ROSSPEN, 2008. — Pp. 59–70.
- [4] Rezoljucija EKOSOS 1996/31 [Economic and Social Council Resolution 1996/31] [Electronic resources]. — URL: <http://www.un.org/documents/ecosoc/res/1996/eres1996-31.htm> (reference date: 0608.06.2016).
- [5] Rekomendacija Komiteta ministrov Soveta Evropy gosudarstvam-chlenam o pravovom statuse nepravitel'stvennyh organizacij v Evrope [Recommendation of the Council of Europe Committee of Ministers to member states on the legal status of NGOs in Europe] [Electronic resources]. — URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805d534d (reference date: 10.06.2016).
- [6] Rossijskaja nauka mezhdunarodnyh otnoshenij: novye napravlenija / pod red. A.P. Cygankova, P.A. Cygankova [The Russian Science of International Relations: New Directions / ed. by A.P. Tsygankov, P.A. Tsygankov]. — Moscow, 2005. — 416 p.
- [7] Solov'ev A.I. Global'noe upravlenie / pod red. A.I. Solov'eva [Global Governance / ed. by A.I. Solovyov]. — Moscow: Infra-M., 2007. — 256 p.
- [8] Tunkin G.I. Mezhdunarozhnoe pravo: nasledstvo XX veka [International Law: the Legacy of the XX Century] // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Russian Yearbook of International Law]. — St. Petersburg, 1994. — 189 p.
- [9] Baudrand V.P. Les elements des de la mondialisation. — Paris, 2002. — 224 p.
- [10] Gordenker L., Weiss T.G. Pluralizing Global Governance: Analytical Approaches and Dimensions, T.G. Weiss and L. Gordenker (Eds.), NGOs the UN and Global Governance. — Boulder, 1996. — Pp. 17–47.
- [11] Keck M.E., Sikkink K. Transnational Advocacy Networks in International and Regional Politics // International Social Science Journal. — 1999. — No. 51. — Pp. 89–101.
- [12] Robert O. Keohane and Joseph S. Nye Jr. Power and Interdependence in the Information Age // Political Development/ Science & Technology. — 1998. — Pp. 81–94.
- [13] Robinson J. Human Rights and Fundamental Freedoms in the Charter of the United Nations. — N.Y., 1946. — 221 p.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА И ИДЕОЛОГИЯ

УДК 32

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,
доктор политических наук, доцент, директор
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: bist-atiko@rambler.ru

УПРАВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНЫМИ ТАЛАНТАМИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Неотъемлемой составляющей эффективной государственной службы являются профессиональные кадры, способные стать базисом в управлении государством, обладающие навыками принятия эффективных решений в условиях неопределенности. Качественная реализация государственных функций предполагает необходимость привлечения молодых талантливых специалистов, которые обладают максимальным уровнем компетенций для этой работы, а также мотивацией на получение намеченного результата.

Ключевые слова: политология, политическое управление, проектирование, молодежные таланты, молодежный потенциал, государственная служба, эффективность, теория молодежного роста.

Проблема профессионального обеспечения ротации государственных служащих и сегодня остается одной из ключевых в системе государственной службы и кадровой политики. Современная модель государственного управления, реформирование государственной службы России, ее аппарата невозможны без грамотного обновления кадров, без профессионалов, владеющих инновационными технологиями, творчески мыслящих, способных в условиях санкций, кризисных ситуаций найти единственно правильное решение и обеспечить надлежащее качество жизни граждан.

Одним из эффективных направлений решения этой проблемы является, на наш взгляд, использование технологии «управление талантами», которая достаточно успешно используется в зарубежных странах в сфере бизнеса, но вполне может быть перенесена и на другие отрасли, в том числе — и на государственную службу.

Связь между эффективностью структуры организации и развитием человеческих ре-

сурсов была выявлена еще в 1970-х годах прошлого века. Однако само понятие для обозначения этой связи — «управление талантами» (англ. *Talent management*) вошло в практику стратегического управления человеческими ресурсами лишь в 1990-х годах и связано с именем Дэвида Уоткинса из компании Softscape, который впервые использовал его в своей статье 1998 года [14], а позже — в 2004 году развил этот термин в книге «Системы управления талантами». Управление талантами — это часть эволюции измерительных технологий таланта (англ. *the Evolution of Talent Management*); целенаправленная деятельность, направленная на создание в организации системы набора, развития, использования и удержания талантливых сотрудников, способных к достижению исключительных результатов в работе [4].

Причиной появления нового подхода к кадровой политике стал спрос рынка труда на исключительно компетентных, талантливых сотрудников. Его использовали для названия из-

менений в сфере управления HR¹, которые делали «акцент на управлении человеческим потенциалом или талантом».

Следует отметить, что существует несколько терминов этого процесса. Кратко охарактеризуем их.

Понятие «война за таланты» было введено в практику консультантами консалтинговой компании Mc.Kinsey&Company посредством лозунга: «Не организации выбирают сотрудников, скорее наоборот» [1]. Под термином «талант» они понимают совокупность способностей человека: присущих ему дарований, интеллекта, рассудительности, характера, умений, знаний, опыта и энергии, а также его склонностей к обучению и росту [9]. Российский ученый профессор А.Н. Митин определяет талант как определенную совокупность способностей, позволяющую получить некий продукт деятельности, который отличается новизной, высоким уровнем совершенства и общественной значимостью [2].

Дефиницию «талант управленческий» рассматривают и как комбинацию острого стратегического ума, эмоциональной зрелости, лидерских способностей, навыков коммуникабельности, предпринимательских способностей и интуиции, функциональных навыков, умения достигать поставленной цели, а также наличие способностей привлекать и вдохновлять других талантливых людей [9].

Рассуждая о понятии талантов в государственном секторе, можно обратиться к публикации по управлению талантами на государственной службе APS [12], в которой под талантом в государственном секторе имеют в виду сотрудника, чей потенциал в данный момент позволяет получать результаты выше, чем у большинства служащих. При этом под потенциалом понимается способность индивида преуспевать, находясь в ситуации сложности, неоднозначности, неопределенности, а также масштабов изменения в будущем.

При решении вопросов управления талантами в государственном секторе необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, прави-

тельства должны участвовать в борьбе за таланты, если они хотят привлечь и удержать компетентных сотрудников. С другой стороны, контекст государственного сектора характеризуется многочисленными правилами, предписаниями, нормами и ценностями, которые ограничивают гибкость современной кадровой политики государственного сектора. Это следует иметь в виду при проектировании системы управления талантами в контексте государственного сектора.

Исследования кадровых служб зарубежных государственных органов власти показывают, что талантливые сотрудники почти в два раза более ценны для учреждения, чем сотрудники среднего потенциала. При этом внедрение системы управления талантами в государственных учреждениях позволяет увеличить число ключевых постов, занятых талантливыми сотрудниками, с 15 до 65 % [8]. Кроме того, можно отметить, что наличие талантов на ключевых постах увеличивает производительность остальных сотрудников на 85 %, так как в своей работе они ориентируются на руководителя, консультируются с ним, получают поддержку от более эффективных служащих [8].

Зарубежными авторами подчеркивается, что определение таланта в организации зависит от контекста. Среди основных факторов выделяют: особенности учреждения, характер работы, специфика должностных обязанностей [6].

Важным шагом, который государственный орган должен сделать в рамках управления талантами, является определение ключевых компетенций сотрудников, имеющих решающее значение для успеха каждого служащего и, следовательно, государственной службы в целом.

Нидерландскими учеными [15] было выделено два подхода к управлению талантами, исходя из двух оснований — распространенность таланта и его изменчивость.

Изначально управление талантами было ориентировано на сотрудников, соответствующих необходимым организации критериям —

¹ HR (аббревиатура англ. слов *Human Resources*, дословно означает «человеческие ресурсы») — это название корпоративных служб, в чью задачу входит подбор персонала, его оценка и другие аспекты управления персоналом. К hr-службе относятся кадровые агентства, различные тренинговые компании.

будь то результативность, потенциал, наличие необходимого биографического опыта, соответствие корпоративным ценностям. Как следствие, базовая практика системы состояла в сегментации персонала — его разделении на ряд групп в зависимости от того, насколько каждый сотрудник соответствует этим критериям. Вершина — пул HiPo (англ. *High Potential* — высокопотенциальные сотрудники), далее второй дивизион и, наконец, «остальные». Именно эта практика изначально отличала ТМ от традиционной работы с персоналом (HRM): специалисты по управлению талантами работают не со всеми, а только с исключительными сотрудниками (эксклюзивный подход). Так, пул HiPo крупнейших североамериканских компаний включает в себя в среднем 10% сотрудников [7]. Отсюда следует, что эксклюзивный подход к управлению талантами можно назвать сегментирующим и элитарным.

Следует отметить, что такой подход характерен в большей степени для западной системы ценностей, сфокусированной на индивидуализме и соперничестве [13].

Методами данного подхода являются выявление и привлечение талантов, а не их развитие у всех сотрудников.

В начале последнего десятилетия в организационной практике стали появляться системы управления талантами, направленные на работу со всеми сотрудниками (инклюзивный подход) (см. рис. 1).

Наиболее яркий пример применения инклюзивного подхода в государственном секторе — практика систематического обучения в администрациях Сингапура [10] и система развития госслужащих Индии [11].

В отдельных странах (Сингапур, Индия и др.) талантливые сотрудники подняли государственную службу (и не только) на высокий уровень, здесь отношения между населением и государственными органами основаны на взаимном доверии. Поэтому с каждым годом растет спрос на таланты.

Необходимость конкурентоспособного, ответственного персонала на государственной службе отмечает в своих трудах Е. Охотский: «Государственный аппарат, устроенный на принципах демократии и публично-правово-

Рисунок 1 — Подходы к управлению талантами [15]

го императивного регулирования, нуждается в специалистах, для которых профессия — не только должность и место для ординарного зарабатывания денег, а призвание, место для честного и достойного служения обществу» [3].

Способность привлекать и удерживать человеческие ресурсы требуемой квалификации является одним из ключевых факторов успеха госорганов. Уровень развития того или иного государственного органа, его имидж, организационная культура привлекают человеческие ресурсы, а также позволяют удерживать сотрудников, уменьшая текучесть талантливых кадров. Существует ряд методов, которые государственные органы могут использовать для определения критериев отбора или оценки талантливых сотрудников. Как правило, полагаться только на один метод недостаточно.

Модернизация российского государства напрямую связана с улучшением качества государственного управления. Без решения указанной задачи наша страна обречена на дальнейший регресс, проигрыш на мировой арене. Вполне очевидно, что без формирования честного и эффективного государственного управления, пользующегося уважением у населения, невозможно вывести страну из той тупиковой ситуации, в которой она пребывает в настоящее время.

Особенностью подбора кадров в российском государственном секторе является то, что он нередко ведется по «принципу» личной преданности, по признакам землячества, приятельских отношений; ключевые должности нередко занимают родственники и «свои люди». Вследствие этого далеко не все чиновники соответствуют требованиям, предъявляемым к государственным должностям, и к власти приходят те, для кого главная цель — собственный интерес, престиж и получение властных полномочий.

В этих условиях талантливые люди, способные и желающие служить своей стране, вынуждены выбирать иной профессиональный путь, уходить в частный бизнес. И это приводит к еще большему ослаблению государственного аппарата.

Регулярное практическое взаимодействие с государственными служащими, как правило, формирует неблагоприятный облик чиновника

в глазах граждан. Главным следствием «кадрового голода» на государственной службе выступает недостаток в сотрудниках, ориентированных на результат, а не на процесс, и использующих при этом новые методы и подходы в работе.

Вместе с тем, как об этом пишет А. Шахбазов, проблемой привлечения, продвижения и удержания талантов успешно занимались в России еще при Петре I. Его целью было превратить Россию в европейское государство. Петр I решил классическую задачу управления талантами следующим образом: поставил правильных людей на правильные должности в правильное время в соответствие со стратегическими целями. Но как он определил этих людей и откуда их взял? Петр I понимал: существующий государственный аппарат (менеджеры) не способен решать поставленные задачи и не обладает соответствующими управленческими и профессиональными компетенциями (навыками). Переучивать существующий аппарат (как военный, так и чиновный) он посчитал неэффективным и сформировал так называемый резерв талантов (англ. *talent pool*). Источником формирования и той средой, из которой отбирались таланты (англ. *talent*), стала дворянская молодежь. Причиной этого было наличие у молодого дворянства следующих компетенций: желание учиться; желание сделать карьеру; желание изменить страну; патриотизм и преданность Петру. Но одного потенциала к развитию недостаточно, требуются еще профессиональные компетенции, навыки межкультурного взаимодействия. И Петр I отправляет этих потенциально талантливых, или Hi-Po (как иногда их именуют в современной литературе), учиться в Европу, а также создает новую систему образования в России. Выражаясь современным языком, системным образом занимается обучением и развитием талантов. В итоге Россия «прорубила окно в Европу» [5].

Если идти по этому пути и усовершенствовать процедуры отбора, сделать сведения о конкурсах общедоступными, а систему продвижения — транспарентной, то это в значительной степени сократит дефицит кадров. В этом смысле традиционные меры — повышение зарплаты, установление социального

пакета, усиление престижа государственной службы — играют менее значимую роль.

Действующие чиновники придерживаются точки зрения, согласно которой нужно обеспечить максимально прозрачную систему карьерного роста и перемещения.

Одним из способов решения проблемы может быть применение практики оценочных мероприятий при приеме на государственную должность, а также применение более совершенных средств поиска и отбора специалистов (вертикальное лидерство, привлечение талантов), что позволило бы снизить дефицит профессиональных кадров в государственном секторе.

Привлечение молодых ярких, инициативных, талантливых, ответственных управленцев, которые способны решать масштабные и сложные задачи, требующие неординарного, творческого подхода, но с учетом прагматичных аспектов государственной службы и необходимости делегирования ответственности, позволит решить проблему «кадрового голода» на государственной службе и повысить эффективность государственного управления.

Для политического управления молодыми талантами в государственном секторе необходимо, на наш взгляд, разработать программу личностного развития государственного служащего на основе теории молодежного роста. Эта программа должна включать пошаговую систему индивидуального развития, которая будет основана на таких методах, как интегральная теория, исследование действием, экспериментирование и т. д.

Теория молодежного роста связана с практической деятельностью государственной службы, направлена на укрепление и развитие эмоционального интеллекта: 1) освоить

многозадачность; 2) сделать мышление нелинейным; 3) научиться действовать в необычных условиях и обстоятельствах.

При развитии нелинейного мышления рекомендуется выстраивать решение проблем с помощью построения блок-схем, язык которых относится к визуальным: он позволяет выйти на свой нелинейный тип мышления, исходя из восприятия мира. Представление информации подобным образом дает возможность ее упорядочить, поскольку язык блок-схем обладает специфическим свойством — элементы языка четко структурированы, выстроены в строгой последовательности и взаимосвязи. Представление решения какой-либо проблемы в виде взаимосвязанных частей способствует развитию системного и нелинейного мышления. Подача решения проблем в виде блок-схемы активизирует новые механизмы мышления и восприятия, соответственно, благоприятствует личностному развитию служащего, помогает просчитывать наперед несколько шагов, видеть перспективу и общую картину.

Теория молодежного роста сегодня выступает как данность, обязательный фундамент для каждого лидера. Осознающий, кто он, понимающий, что он хочет делать и как он готов проводить изменения — именно такой лидер востребован сегодня и будет успешен в будущем. Мир стремительно меняется, технологии развиваются, капитализация IT-компаний растет в геометрической прогрессии, и потребность в лидерах, готовых, помимо бесперебойности работы, обеспечить скорость внедрения изменений, растет. И если сегодня еще допустимо говорить об эксклюзивности развития талантов, то уже завтра актуальным будет инклюзивный подход.

Литература

- [1] Асылбекова Л.У., Белесова Н.А. Талант-менеджмент: критерии отбора талантов на государственной службе. — Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2014. — С. 3.
- [2] Митин А.Н. Управление переносит будущее в настоящее. — Екатеринбург: ИД «Уральская государственная юридическая академия», 2010. — 27 с.
- [3] Охотский Е.В. Государственный служащий: статус, профессия, призвание: учебно-методический комплекс. — М.: Экономика, 2011. — 15 с.
- [4] Ушева М.Н. Талант-менеджмент в современном управлении человеческими ресурсами // Маркетинг и менеджмент инноваций. — 2011. — Т. 2. — № 3. — 177 с.
- [5] Шахбазов А. Управление талантами. Западная блажь или будущее российского бизнеса [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.psych.ru/library/2608>

- [6] *Buttienset D., Hondeghem A.* Talent management in the Flemish public sector. Positioning the talent management approach of the Flemish government [Electronic resource]. — URL: <http://pyramides.revues.org/885>
- [7] *Church A. H., Rotolo C.T., Ginther N.M., & Levine R.* How are Top Companies Designing and Managing Their high-potential programs? A follow-up talent management benchmark study // *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. — 2015. — No. 67(1). — P. 17.
- [8] Government of Newfoundland and Labrador, Public Service Secretariat, Developing an Integrated Talent Management Program: A Human Resource Management Framework. — The Government, St John's, Newfoundland and Labrador, 2008. — 10 p.
- [9] *Michaels Ed.* The War for Talent. — Boston: Harvard Business Review Press, 2001. — 17 p.
- [10] *Osman-Gani A.* Human Capital Development in Singapore: an Analysis of National Policy Perspectives // *Advances in Developing Human Resources*. — 2004. — No. 6 (3). — P. 276.
- [11] *Rao T.* Human Resource Development as National Policy in India // *Advances in Developing Human Resources*. — 2004. — No. 6 (3). — P. 288.
- [12] Talent Management Guide. Commonwealth of Australia. APSC. January 2015 [Electronic resource]. — URL: <http://www.apsc.gov.au/publications-and-media/current-publications/talent-management-guide>
- [13] *Tansley C.* What Do We Mean by the Term "Talent" in Talent Management? // *Industrial and commercial training*. — 2011. — No. 43(5). — Pp. 266–274.
- [14] *Watkins David.* Lightyear — an Application Framework for Talent Management That Acts as a Central Feedback Center for all Organizational Functions [Electronic resource]. — URL: <http://www.hr-director.ru/article/63663-pril-3-15-m4-talantlivye-sotrudniki>
- [15] *Woerkom M. van.* Workshop Sterke Punten heeft effect / *M. van Woerkom, M. Dirksen, M.C. Meyers and etc.* // *Tijdschrift Positive Psychologies*. — 2015. — No. 1. — P. 75.

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,

*Doctor of Political Sciences, Assistant Professor, Director
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa
e-mail: bist-atiko@rambler.ru*

DEPARTMENT OF YOUTH TALENTS IN THE CIVIL SERVICE

An integral component of an effective civil service professional staff are capable to become a basis in government, having the skills to make effective decisions under conditions of uncertainty. Quality implementation of public functions involves the need to attract young talented professionals who possess the highest level of competence for the job, as well as the motivation to get the intended result.

Key words: *political science, political management, design, youth talent, youth potential, public service, efficiency, theory of youth development.*

References

- [1] *Asylbekova L.U., Belesova N.A.* Talant-menedzhment: kriterii otbora talantov na gosudarstvennoj sluzhbe [Talent Management: Criteria for Selection of Talent in the Public Service]. — Astana: Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, 2014. — P. 3.
- [2] *Mitin A.N.* Upravlenie perenosit budushhee v nastojashhee [Management Carries the Future Now]. — Ekaterinburg: PH "Ural State Law Academy", 2010 — P. 27.
- [3] *Okhotski E.V.* Gosudarstvennyj sluzhashhij: status, professija, prizvanie: Uchebno-metodicheskij kompleks [Civil Servant: Status, Profession, Vocation: Educational-methodical complex]. — Moscow: Economica, 2011. — P. 15.
- [4] *Usheva M.N.* Talant-menedzhment v sovremennom upravlenii chelovecheskimi resursami [Talent Management in Modern Human Resource Management] // *Marketing i menedzhment innovacij* [Marketing and Management of Innovations]. — 2011. — Vol. 2. — No. 3. — 177 p.
- [5] *Shakhbazov A.* Upravlenie talantami. Zapadnaja blazh' ili budushhee rossijskogo biznesa [Talent Management. Western Folly or the Future of Russian Business] [Electronic resource]. — URL: <http://www.psycho.ru/library/2608>

- [6] *Buttienset D., Hondeghem A.* Talent management in the Flemish public sector. Positioning the talent management approach of the Flemish government [Electronic resource]. — URL: <http://pyramides.revues.org/885>
- [7] *Church A. H., Rotolo C.T., Ginther N.M., & Levine R.* How are Top Companies Designing and Managing Their high-potential programs? A follow-up talent management benchmark study // *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. — 2015. — No. 67(1). — P. 17.
- [8] Government of Newfoundland and Labrador, Public Service Secretariat, *Developing an Integrated Talent Management Program: A Human Resource Management Framework*. — The Government, St John's, Newfoundland and Labrador, 2008. — 10 p.
- [9] *Michaels Ed.* *The War for Talent*. — Boston: Harvard Business Review Press, 2001. — 17 p.
- [10] *Osman-Gani A.* Human Capital Development in Singapore: an Analysis of National Policy Perspectives // *Advances in Developing Human Resources*. — 2004. — No. 6 (3). — P. 276.
- [11] *Rao T.* Human Resource Development as National Policy in India // *Advances in Developing Human Resources*. — 2004. — No. 6 (3). — P. 288.
- [12] *Talent Management Guide*. Commonwealth of Australia. APSC. January 2015 [Electronic resource]. — URL: <http://www.apsc.gov.au/publications-and-media/current-publications/talent-management-guide>
- [13] *Tansley C.* What Do We Mean by the Term "Talent" in Talent Management? // *Industrial and commercial training*. — 2011. — No. 43(5). — Pp. 266–274.
- [14] *Watkins David.* *Lightyear — an Application Framework for Talent Management That Acts as a Central Feedback Center for all Organizational Functions* [Electronic resource]. — URL: <http://www.hr-director.ru/article/63663-pril-3-15-m4-talantlivye-sotrudniki>
- [15] *Woerkom M. van.* Workshop Sterke Punten heeft effect / *M. van Woerkom, M. Dirksen, M.C. Meyers and etc.* // *Tijdschrift Positive Psychologies*. — 2015. — No. 1. — P. 75.

УДК 32:1(100)(091)

ГЛИНСКАЯ Ирина Юрьевна,
доктор политических наук, доцент
кафедры рекламы и бизнес-коммуникаций
Российского университета дружбы народов, г. Москва
e-mail: irina_glinskaya@mail.ru

РОЛЬ СИМВОЛА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена значению символа в имиджевой коммуникации. Автор анализирует такие понятия как политический символ и миф, которые лежат в основе имиджа государства. Формируя имидж государства, необходимо учитывать символы, которые отражают его главные ценности. Рассматривая имидж государства как часть бренда, можно сформировать у зарубежной аудитории восприятие ее национальной индивидуальности, тем самым, сделав ее привлекательной и для инвестиций, и для туризма, и для культурных обменов. При этом необходимо учитывать миссию России как промежуточного звена, связывающего Восток и Запад и формирующего единое евро-азиатское экономическое пространство.

Ключевые слова: символ, коммуникация, миф, имидж, имиджевое пространство, бренд.

Символика имеет огромное значение как для формирования имиджа лидера, партии, так и для государства в целом. «Символы показывают нам все, что было и что будет, притом в неизменной форме», пишет французский исследователь символов Марк Сонье [1]. Символы создаются людьми для облегчения коммуникативного поведения.

Символом может быть только тот термин, имя, изображение, которое обладает определенным добавочным значением к своему обычному смыслу. По мнению социального психолога Л.А. Степновой, «тот, кто владеет символами, определяющими в данный момент общественные чувства, в значительной мере овладевает дорогой в политику» [9]. Символы являются посредниками между сущностью явлений, смыслом и его образом, идеями, находящимися за пределами чувственного восприятия, с одной стороны, и отражением предметов и явлений действительности при их непосредственном воздействии на органы чувств, с другой. Согласно китайской философии сражаются не люди, не армии, не государства и даже не идеи, сражаются символы. По мнению О. Шпенглера, «символы суть чувственные единства, глубочайшие, неделимые, непредна-

меренные впечатления определенного значения», а язык символов — это «единственный универсальный язык, изобретенный человечеством, единый для всех культур во всей истории... который нужно понимать, если хочешь понять смысл мифов, сказок и снов» [14].

По словам А.Ф. Лосева, символ — модель бесконечных порождений, субстанционально тождественных с самой моделью. О такой конструирующей особенности символа мыслитель пишет: «Символ является такой оригинальной и вполне самостоятельной идейно-образной конструкцией, которая обладает огромной смысловой силой, насыщенностью, смысловой заряженностью или творческой мощью и общностью, чтобы без всякого буквально-го или переносного изображения определенных моментов действительности в свернутом виде создавать перспективу для их продолжительного или даже бесконечного развития уже в развернутом виде или в виде отдельных единичностей» [5, с. 57].

Конструирующие возможности символа как модели бесконечного разнообразия в отношениях к окружающему миру А.Ф. Лосев показывает на примере мифа. Миф, как живое разумное существо, беспределен по своим возмож-

ностям. «Ведь человеческая фантазия может любые несравнимые и несоизмеримые элементы действительности поставить в закономерный и непреложный ряд. И этот ряд подчинить какой-нибудь еще небывалой модели» [5, с. 128].

Опираясь на работы таких авторитетных ученых, как А.Ф. Лосев, К. Леви-Строс, Ю. Лотман, Р. Барт, можно сказать, что мифологическое мышление присуще современному человеку. Миф не остался в прошлом, миф постоянно живет рядом с человеком. Не замечаем его мы лишь потому, что он столь же реален, как и все вокруг. В этом главная особенность символической деятельности, поскольку она претендует на статус реальной. Сложность мифа справедливо отмечается, в частности, Е.М. Мелетинским в монографии «Поэтика мифа»: «Мифология постоянно передает менее понятное через более понятное, неуловимое через уловимое и особенно более трудноразрешимое через менее трудноразрешимое» [7]. Следовательно, миф насквозь символичен.

Широкое многоплановое толкование символа связано, прежде всего, с именем Э. Кассирера. Человек — «животное символическое» (*animal symbolicum*). Так определяет человека Э. Кассирер, который в своей трехтомной «Философии символических форм» [4] утверждал, что основу человеческого существования составляют операции с искусственно созданными образованиями, а именно — символами. Таким образом, специфически человеческой формой деятельности является знаково-символическая деятельность. Она и составляет, по его мнению, основу и содержание человеческой культуры. И она же составляет сущность человека.

Таким образом, основным принципом исследования для Э. Кассирера является рассмотрение духовной жизни преимущественно как символической. Человека он видит как «символическое животное», а к символическим формам относит не только язык, но и миф, религию, искусство, науку. Кассирер считал, что всю историю человечества можно проанализировать через призму этих символических форм. М. Мамардашвили в лекциях о Прусте [6] замечал, что истина не приходит сама и мгно-

венно и не тогда, когда ее ищут, тем более, — во внешнем мире. Подлинная реальность, в его понимании, это переключение сознания с внешнего мира на свои собственные состояния. Это он называл «жизненным путем», т. е. творчеством, созиданием.

Одним из феноменов постиндустриального общества становится так называемое символическое потребление. Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» говорит о характерологических (избыточных), знаковых потребностях, имея в виду ту «тотально идеалистическую практику», которая за известным порогом уже не имеет ничего общего с удовлетворением потребностей или с принципом реальности [2].

Многосмысловая структура символов подсказала П. Бурдьё идею о том, что главный капитал постиндустриального общества — символический, под которым социолог понимает сложную констелляцию ресурсов образования, престижа, публичного влияния, репутации, известности, общественного признания и т. д. Если в условиях виртуальной экономики, например, финансовый капитал можно «сколотить» и «разметать в пух и прах» в мгновение ока, то для приобретения символического капитала надо затратить часть человеческой жизни. Но и используют его длительно. Символический капитал, вобравший в себя все многообразие социокультурных различий, становится решающим фактором в определении позиции человека в социальном пространстве.

Символикой насыщено все социальное пространство и все поведение человека. Речь идет не только о «внешних» символах — флагах, эмблемах и прочем, а о «внутренней» символической, которая содержится в деятельности и в ткани познавательных и иных образов, связанных с языком в широком смысле. Эти символические системы порождают больше «дивидендов», чем было «инвестировано» концептуальным капиталом. То есть символ отражает ситуацию, которая не успела вылиться в конкретные знания, образы и т. д.

Э. Фромм делит символы на три типа:

1. «Условные», где отсутствует внутренняя связь между самим символом и тем, что он символизирует.

2. «Случайные», где связь между событием и символом устанавливает сам человек.

3. «Универсальные», где существует внутренняя связь между символом и тем, что он обозначает, и эта связь в отличие от предыдущих символов воспринимается всеми людьми одинаково. «В основе универсальных символов — свойства нашего тела, ощущений и разума, характерные для каждого человека и, таким образом, не ограниченные одним индивидом или группой людей. Хотя значение некоторых символов может быть различным в разных культурах, в то же время они имеют сходство, поскольку восходят к основным ощущениям и эмоциям, которые испытывают все люди» [13].

Последнее свойство можно использовать как основу для формирования имиджа государства.

Специалисты полагают, что политический символ многофункционален. Он выполняет определенный ряд функций в политической среде:

- идентификационную;
- информационно-коммуникативную;
- мобилизационную;
- функцию политической социализации;
- манипулятивную.

Роль политических символов заключается в том, чтобы побуждать целевые и контактные аудитории к действию, и прежде всего они направлены на эмоциональное восприятие. В подобной трактовке политическую символику можно рассматривать как инструмент реализации политической власти, а именно сильным методом психологического воздействия. Имидж, по мнению Г.Г. Почепцова является «организацией коммуникативного пространства для воспроизводства желаемых впечатлений, шифруемых в образах и символах» [8].

Как правило, политические символы являются несложными по своей структуре образными знаками. Специалисты считают, что символы (знаки), имеющие горизонтально-вертикальную структуру (например, крест) производят впечатление статичности, консерватизма и надежности. Те, которые ставят акценты на диагонали (например, свастика, стрелы фаланги, серп) олицетворяют собой наступательный и боевой дух, мобильность. Символы, которые олицетворяют ожидания и потребности общества, прочно оседают в сознании масс.

Одним из ярчайших примеров является символика немецкого национал-социализма. «Фашистская свастика, арийский миф, идея третьего рейха, лидер-символ обрели абсолютное влияние в общественном сознании немцев. В данной ситуации произошла артикуляция коллективных, национальных желаний в политической символике» [3]. Массовое сознание фашистской Германии восприняло эти символы как призыв к действию.

При формировании имиджа государства необходимо учитывать символы, которые отражают его главные ценности. Главными символами государства являются его флаг, герб и гимн. С 1923 года символ пятиконечной звезды стал использоваться в гербе СССР. Пять лучей звезды, помещенной в верхней части герба СССР — символ пяти континентов, где идет борьба между трудом и капиталом. На гербе современной России изображен «четырёхугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья. Орел увенчан двумя малыми коронами и — над ними — одной большой короной, соединенными лентой. В правой лапе орла — скипетр, в левой — держава. На груди орла, в красном щите, — серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьем черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона» [12]. Двуглавый орел, имеющий три короны — это оберег или символ власти. В греческо-ортодоксальной церкви двуглавый орел — символ Иоанна, стоящий над двойственностью пространства и времени. Орел у древних руссов был символом Бога Перуна, осуществлявшим связь с духовным миром. Он считался управителем, воителем, громовержцем. Это древнерусский ведический символ, но двуглавый орел был заимствован из Византии Софьей Палеолог. Существует современная трактовка двуглавого орла — одна голова, которого смотрит на запад, а другая — на восток. Орел держит скипетр и державу — символы монаршей власти. В центре изображение Георгия Победоносца, убивающего дракона, как символ непобедимости. Эти символы появились еще во время правления царя Алексея Михайловича.

ча в 1667 году. Три короны над орлом означают Сибирское, Казанское и Астраханское царства.

Как государственные символы герб и флаг были утверждены в 1993 году указами Президента России. Государственный флаг, олицетворяющий суверенитет государства, представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос: верхней — белого, средней — синего и нижней — красного цвета. Отношение ширины флага к его длине 2 : 3» [11]. Впервые в России такой флаг появился во время правления Петра Великого и существовал до 1917 года. После распада СССР многие символы советского государства потеряли свое значение и были заменены на новые. Со сменой строя символы изменяются или частично трансформируются, как это произошло в России, когда гимн сохранил музыкальное сопровождение, но текст был изменен с учетом новых реалий. В новом гимне появились слова-символы, отражающие национальный характер государства: держава, великая слава, народная мудрость, отчизна, хранимая Богом земля.

Символическая композиция — это набор графических и звуковых элементов, объединенный смысловым содержанием, с учетом культурно-исторической специфики. Важно, чтобы были учтены культурные традиции государства и психологические феномены их восприятия при создании его символов. Цвета флага удачно сочетаются для психологического восприятия — красный цвет повышает активность, подталкивает к решительным действиям, белый — символизирует чистоту и мир, синий ассоциируется с гармонией и покоем, толерантными отношениями. Следует сказать, что красный и красивый имел одно и то же значение в древней Руси (красная девица, Красная площадь); белый — связан с белокаменной и первопрестольной Москвой, а также с божественной мудростью, синий — с небом, водными просторами.

Как считает известный специалист в области геральдики Г.А. Туник, «государственный герб и Государственный флаг Российской Федерации знаменуют собой обретение государством не только определенных внешних форм, что важно само по себе как этап в завершении

становления государственности, но и внутреннего содержания, подчеркивающего стратегию в реализации политического курса, в преемственности историко-культурных традиций российского народа, проживающего в данном государстве» [10].

Россия — многонациональное государство, поэтому для формирования имиджа необходимо учитывать те символы, которые являются общими для многих этносов и благодаря этому выполняют этноинтегрирующие функции. Среди них — простор, который ассоциируется со свободой, волей, раздольем, а также с широтой русской души; река, которая всегда считалась кормилицей (Волга-матушка); дорога как символ перемен; солнце как свет, радость, олицетворение правды, истины; дерево (белая береза, кудрявая рябина, зеленая елочка); медведь как символ добродушия, богатырской силы.

Основой для формирования имиджа в России являются существующие уже символы. Символические атрибуты российских брендов — купола церквей, широкие просторы полей, березы, Волга, матрешка, балалайка, народные промыслы, воин-освободитель — совмещаются с символами советской эпохи, такими как красное знамя, звезда и др. (например, красное знамя Российской армии, телеканал «Звезда»). Однако многие советские символы перестали действовать в нынешних условиях.

Формируя имидж современной России, необходимо не только использовать уже существующие символы, но и создавать новые как средство единения народа на основе базовых ценностей. Для формирования имиджа государства необходимо учитывать те символы, которые являются общими для многих народностей и способствуют объединению нации. Наша страна вела национально-освободительные войны на протяжении многих веков, поэтому любовь к родной земле, традициям, корням может объединить представителей всех народностей и всех поколений. В условиях информационной войны, которую ведут западные СМИ против России в связи с событиями на Украине, патриотическая идея сплачивает и объединяет российский народ. Патриотизм — это основа для формирования национального имиджа России. Главная задача специалистов по имиджу — убедить население России по-

верить в ее позитивный имидж. В этом случае имидж, как актор коммуникации, является социальным мифом о стране. Имидж — это отчасти мифологизированный, привлекательный, устойчивый, ориентированный на заданные цели, комплексный конструкт, воздействующий на эмоциональную сферу людей и закрепляющийся в их сознании, направляющий их поведение и определяющий их выбор. Он не подлежит прямому измерению, его можно определить только по отношениям, проявляющимся в общении, деятельности, выборе. В связи с этим необходим мониторинг восприятия России в странах, которые определяют глобальную имиджевую политику.

Международный имидж оказывает воздействие и на политические процессы, протекающие в самом государстве: позитивный имидж способствует усилению конкурентоспособности страны, негативный имидж может использоваться оппозиционными силами как один из аргументов в критике руководства и проводимой им политики. Ценность России для информационной эры заключается, прежде всего, в оригинальном взгляде на мир, в национальной культуре, нестандартном мироощущении, высоком интеллекте нации, поэтому необходимо наращивать попытки создания и распространения собственных метатехнологий для

вхождения России в глобальное информационное пространство в качестве равноправного участника. Миссия России — предотвратить угрозы противостояния между Западом и Востоком, поддерживая баланс их интересов. Вместе с тем, России предназначено стать еще и промежуточным звеном, связывающим две цивилизации, т.е. главной участницей формирования единого евроазиатского экономического пространства, способствовать укреплению межкультурных связей. Опираясь на реализацию программы создания брендов регионов, Россия уже сегодня имеет все шансы позиционировать себя как одно из ведущих государств Евразии, а затем и мира. Для этого необходимо проводить информационные кампании как в российских, так и в западных СМИ по пропаганде российских ценностей, всех достижений страны. Необходимо сделать упор на позитивные результаты внутренней и внешней политики, не скрывая при этом и проблем, существующих в обществе, что укрепит положение России как страны, которая ведет разумную политику по отношению к странам ближнего и дальнего зарубежья, уважает свою историю, развивает свой научно-технический потенциал, сохраняет свое культурное богатство, совершенствует образование, и самое главное, верит в свое будущее.

Литература

- [1] Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. — М., 2000. — С. 10.
- [2] Бодрийяр Ж. Система вещей. — М., 1995. — С. 168.
- [3] Горелов И.Н., Енгальчев В.Ф. Безмолвной мысли знак: рассказы о невербальной коммуникации. — М., 1991. — С. 98.
- [4] Кассирер Э. Философия символических форм. — М., 2002.
- [5] Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. — М., 1995. — С. 57, 128.
- [6] Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). — М., 1995.
- [7] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — М., 1976. — С. 169.
- [8] Почепцов Г.Г. Имиджелогия. — М., 2002. — С. 575.
- [9] Степнова Л.А. Социальная мифология и проблемы современного социального мышления. — М., 1999.
- [10] Туник Г.А. Формирование современной российской геральдики в условиях политической модернизации. — М., 2008. — С. 24.
- [11] Указ Президента Российской Федерации от 11.12.1993 № 2126 «О государственном флаге Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5011>
- [12] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ (в ред. от 09.07.2002 № 2-ФКЗ, от 30.06.2003 № 1-ФКЗ) «О государственном гербе Российской Федерации» // Российская газета. — № 244. — 2000. — 27 дек.
- [13] Фромм Э. Душа человека. — М., 1992. — С. 188.
- [14] Шпенглер О. Закат Европы. — М., 1993. — С. 183, 231.

GLINSKAYA Irina Yurievna,

Doctor of Political Sciences, Associate Professor
Department of Advertising and Business Communications
Russian Peoples Friendship University, Moscow
e-mail: irina_glinskaya@mail.ru

THE ROLE OF THE SYMBOL IN THE PROCESS OF FORMATION THE IMAGE OF THE STATE

The article deals with the importance of symbol in image communication. The author analyses the concept of political symbol and myth, which are the basis of the state image. Forming the image of the state, it is necessary to take into account the symbols that reflect its core values. Considering the image of the state as part of the brand, you can create foreign audience perception of the state identity, thus making it attractive for investment, tourism and cultural exchanges. It is necessary to realize that the mission of Russia is in linking the East and the West and forming common Eurasian economic space.

Key words: symbol, communication, image, myth, image space, brand.

References

- [1] Bauer B., Dymotts I., Golovin S. Enciklopedija simvolov [Encyclopedia of Characters]. — Moscow, 2000. — P. 10.
- [2] Jean Baudrillard. Sistema veshhej [System of Things]. — Moscow, 1995. — P. 168.
- [3] Gorelov I.H., Engalychev V.F. Bezmolvnoj mysli znak: rasskazy o neverbal'noj kommunikacii [Silent Thoughts Sign: Stories about Non-verbal Communication]. — Moscow, 1991. — P. 98.
- [4] Kassirer Je. Filosofija simvolicheskikh form [Philosophy of Symbolic Forms]. — Moscow, 2002.
- [5] Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The Problem of Character and Realistic Art]. — Moscow, 1995. — Pp. 57, 128.
- [6] Mamardashvili M.K. Lekcii o Pruste (psihologicheskaja topologija puti) [Lectures on Proust (Psychological Topology of Path)]. — Moscow, 1995.
- [7] Meletinsky E.M. Pojetika mifa [The Poetics of Myth]. — Moscow, 1976. — P. 169.
- [8] Pocheptsov G.G. Imidzhelogija [Imageology]. — Moscow, 2002. — P. 575.
- [9] Stepnova L.A. Social'naja mifologija i problemy sovremennogo social'nogo myshlenija [Social Problems of the Modern Mythology and Social Thought]. — Moscow, 1999.
- [10] Tunick G.A. Formirovanie sovremennoj rossijskoj geraldiki v uslovijah politicheskoy modernizacii [The Formation of the Modern Russian Heraldry in the Context of Political Modernization]. — Moscow, 2008. — P. 24.
- [11] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 11.12.1993 No. 2126 «O gosudarstvennom flage Rossijskoj Federacii» [Presidential Decree dated November 12, 1993 No. 2126 "On the State Flag of the Russian Federation"] [Electronic resource]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5011>
- [12] Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 25.12.2000 No. 2-FKZ (v red. ot 09.07.2002 No. 2-FKZ, ot 30.06.2003 No. 1-FKZ) "O gosudarstvennom gerbe Rossijskoj Federacii" [The Federal Constitutional Law dated December 25, 2000 No. 2-FCL (ed. dated July 09, 2002 No. 2-FCL dated June 30, 2003 No. 1-FCL) "On the State Emblem of the Russian Federation"] // Rossijskaja gazeta [The Russian newspaper]. — No. 244. — 2000. — 27 December.
- [13] Fromm E. Dusha cheloveka [Human Soul]. — Moscow, 1992. — P. 188.
- [14] Shpengler O. Zakat Evropy [Decline of Europe]. — M., 1993. — Pp. 183, 231.

УДК 32.001:81

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна,

кандидат филологических наук, доцент,
Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: bist-atico@rambler.ru

ГАЛИМОВА Ольга Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент,
Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: bist-atico@rambler.ru

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна,

кандидат культурологии,
Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: bist-atico@rambler.ru

РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессом манипуляции массовым сознанием в условиях информационного общества, а также технологии и приемы управления общественным мнением в различных сферах человеческой жизни.

Ключевые слова: речь, коммуникативная культура, средства массовой информации, манипулирование, стратегии, психология масс.

Демократические преобразования, происходящие в России, потребовали переосмысления значимости слова, развития коммуникативных способностей человека. Сегодня как никогда теоретическое гуманитарное знание запрашивается обществом и каждый член общества нуждается в широкой образованности, в овладении речевой культурой, позволяющей эффективно организовать свое дело, отстаивать свое мнение и идеалы, устанавливать контакт с другими людьми и воздействовать на них.

Среди многочисленных дефиниций культуры, известных в мировой литературе, наиболее приемлемым, на наш взгляд, является определение этого понятия, данное А. Швейцеров: «Культура — совокупность прогресса человека и человечества во всех областях и на-

правлениях при условии, что этот прогресс служит духовному совершенствованию индивида как прогрессу прогрессов» [15, с. 95].

Не вызывает сомнения, что культура основана на истинной духовности и вбирает в себя высшие нравственные ценности. Не случайно уже в рамках культурной антропологии значительное место отводилось аксиологическому аспекту, формированию личностных качеств человека, в том числе и коммуникативных. Из древности, от Аристотеля, пришло в гуманитарные науки и определение человека по одному из основных признаков, отличающих его от других живых существ, — тем, что он одарен словом, способностью говорить, общаться.

Культура языка и речи, культура общения и поведения (то есть то, что составляет коммуникативные качества личности) являются

элементами гуманитарной культуры, уровень которой в современном обществе, к сожалению, оставляет желать лучшего. Даже в самых высоких общественных кругах, даже на радио и телевидении мы нередко наблюдаем полное неумение вести диалоги, дебаты, дискуссии; неспособность построить монолог, произнести речь в разных жизненных ситуациях. Однако ведь давно известно, что «вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит... Язык человека — это его мировоззрение и его поведение. Как говорит, так, следовательно, и думает» [7, с. 410].

Вместе с тем человек не просто говорит о том, что думает. Его речь предназначена для другого или других и, следовательно, воздействует на собеседника (собеседников) или слушателей. Проблема речевого воздействия на граждан, особенно на молодежь как наиболее неустойчивую категорию в силу своих возрастных особенностей [9, с. 159–171], и манипулирование их сознанием представляется сегодня особенно актуальной, поскольку речевая манипуляция является одним из способов управления людьми, их поступками и решениями. Не случайно говорят о том, что словом можно не только спасти или убить, но и «полки за собой повести», а отсюда следует, что коммуникативные действия в конечном счете являются одним из факторов обеспечения национальной безопасности государства.

Речевое манипулирование может осуществляться как в межличностном общении, так и в массовой коммуникации. Реклама, предвыборные политические кампании, идеологическая пропаганда — сферы, в которых речевое манипулирование направлено на формирование у массовой аудитории тех или иных убеждений, стереотипов сознания, выгодных для манипулятора.

Безусловно, решающая роль в этом отводится СМИ. В условиях активного развития коммуникационной среды в медиaprостранстве средства массовой информации — нередко намеренно — предлагают своей аудитории модели как речевого, так и социального поведения, при этом далеко не всегда объективно отражая картину мира. К сожалению, функции

воздействия, убеждения все чаще вытесняют остальные функции речи, в результате чего средства массовой информации постепенно начали превращаться в средства массового воздействия [12].

Когда речь идет о феномене речевого манипулирования, обычно используют такие понятия, как «персуазивность» и «суггестивность» [6]. Персуазивность (персуазия) (от лат. *persuadere* — уговаривать) обозначает воздействие автора устного или письменного сообщения средствами языка на сознание его адресата с целью убеждения в чем-то, призыва к совершению или несвершению им определенных действий.

Коммуникативный процесс, называемый персуазивным, представлен такими ситуациями, в которых люди сознательно продуцируют сообщения, нацеленные на то, чтобы вызвать определенное поведение реципиента (группы реципиентов) или повлиять на его точку зрения. Суггестивность (от лат. *suggerere* — внушать) — включение внушения в сообщаемую информацию в скрытом, замаскированном виде. Также суггестивность характеризуется неосознанностью, незаметностью, произвольностью его усвоения. Ослабленный контроль (отсутствие контроля) со стороны сознания при получении информации — отличительное свойство суггестивности от персуазивности. В.Е. Чернявская в своей работе «Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия» рассматривает речевые манипуляции как особый тип персуазивного речевого воздействия. Речевая манипуляция нацелена на то, чтобы вызвать то или иное отношение/действие адресата именно в интересах отправителя сообщения, не обязательно совпадающих с интересами адресата. При этом адресат часто не распознает эту коммуникативную установку на управление его поведением или мнением [14].

Влияние на систему убеждений людей является имманентным свойством речевой коммуникации. Воздействие всегда реализуется в общении, как при самых слабых формах «ненавязливой» коммуникации [13, с. 229–245], к которым может быть отнесено, например, фатическое общение (имеющее установку на речевой контакт, поддержание с себе-

седником речевых и социальных отношений, на их регулирование и рассчитанное на поиск сочувствия, сопереживания, солидаризации), так и в случае явного манипулирования общественным сознанием (пропаганде).

Идеоречевой цикл, в котором реализуется процесс речевой коммуникации, проходит через ступени инвенции («изобретение мыслей», выбор темы), диспозиции (расположение мыслей в определенном порядке, композиция речи), элокуции (выражение речи: выбор слов, смысловая и структурная связанность речи, фигуры речи, ее произнесение), последовательно охватывая все этапы мыслеречевой деятельности человека от коммуникативного замысла до его вербализации. Эти три ступени идеоречевого цикла составляют доктрину риторики и помогают автору ответить на основные вопросы: что сказать? где сказать? как сказать?

Сегодня мы можем говорить о том, что настало время, о котором писал когда-то В.И. Вернадский в своем дневнике: «Когда есть ряд человеческих обществ и в этих обществах, государствах, в одних широко дана возможность мыслящим единицам высказывать, обсуждать и слагать свое мнение, в других такая возможность доведена до *minimum*'а — то первое общество гораздо сильнее и счастливее вторых обществ» [3]. Однако оказалось, что наше общество не готово «быть счастливым», ибо выяснилось: говорящему достаточно сложно выбрать не только тему для выступления, но и преподнести ее таким образом, чтобы она оказала воздействие на слушателей. Так, если раньше инвенция определялась извне, исключая участие оратора в выборе темы, то в условиях отсутствия жесткой цензуры говорящий сам несет ответственность как за «изобретение мыслей», так и за организацию содержания и структуры коммуникации.

Командно-директивные формы взаимодействия, жестко регламентированные модели отношений, сложившиеся в нашей стране, привели к тому, что люди стали утрачивать способность соотносить слова с действительностью, привыкать «прятаться» за них, не придавать сказанному никакого значения. Вместе с тем, по словам выдающегося отечественного философа XX века Н.А. Бердяева, «слова имеют

огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве. Слова действуют как самостоятельные силы, независимо от их содержания. Мы привыкли произносить слова и слушать слова, не отдавая себе отчета в их реальном содержании и их реальном весе. Мы принимаем слова на веру и оказываем им безграничный кредит» [2, с. 220].

Сформированный школой «исполнительский» тип мышления, жесткий контроль за мыслями (как бы не подумать о чем-либо неправильно, вразрез с большинством, не оказаться «белой вороной») не позволяли человеку свободно выражать себя в речи.

Люди привыкли передавать чужие мысли чужими словами. А отсюда — деградация коммуникативной культуры общества: бедность словарного запаса, отсутствие речевой эрудиции, традиция действовать строго по образцу или в соответствии с инструкцией, что и как в какой ситуации говорить и делать. Совершенно очевидно, что нашему обществу еще следует учиться свободно и в то же время грамотно и корректно выражать свои мысли публично.

Слабое владение коммуникативными навыками не столь безобидно, как это может показаться: оно нередко приводит к неумению выразить себя, к непониманию, неточному восприятию сказанного или прочитанного, мешают индивиду занять свое место в социуме. Более того, еще со времен античности одной из основных задач, стоящих перед говорящим, было побудить слушателей к принятию какого-либо решения или даже к определенному действию. Это означает, что от умения общаться во многом зависит, какое речевое воздействие окажет говорящий на собеседника и к какому действию он его подтолкнет своей речью. Следовательно, общественное сознание можно формировать, если грамотно использовать коммуникативные, и в частности речевые, средства.

Не случайно, говоря о современной риторике, выделяют следующие ее особенности: 1) она существует как наука о речевом воздействии; 2) выступает как теоретическая и практическая наука; 3) разделяется на две основные ветви: публичное речевое воздействие и межличностное речевое воздействие

(искусство убеждать в диалоге); 4) убеждение осуществляется преимущественно не логическими способами, а эмоционально-психологическими, с учетом особенностей собеседника и аудитории.

Соответствие речи коммуникативным задачам (целесообразность речи) всегда подчинено постулату убеждения «другого» и формируется, хотя и для каждой конкретной цели конкретным образом, но всегда в последовательной реализации идеоречевого цикла — от подбора аргументов до стилистической обработки текста. Вся риторика — от центральной схемы до малейших стилистических рекомендаций — пронизана поиском решений этой сверхзадачи коммуникации — убеждению «другого».

Современные манипуляторы используют множество средств, способов и приемов манипуляции массовым поведением, в том числе и в политике. Так, Институт анализа пропаганды США, подводя итоги накопленного опыта, предложил следующий разбор «методов убеждения», а точнее, манипулирования поведением людей:

– «Определение». Идеи, личности, объекты сопрягались с характеристиками (положительными или отрицательными в зависимости от обстановки), которые принимались бы людьми без обсуждений. Так, например, средства массовой информации рисовались как «защитники» всех без исключения — богатых и бедных, рабочих и бизнесменов.

– «Блестящая всеобщность». Описывая какие-то события, в которых необходимо получить поддержку аудитории, применялись «добродетельные слова» («коалиция чувств», «подавляющее большинство», «общественное мнение»).

– «Рекомендация». Нужное положение вкладывается в уста личности, пользующейся популярностью в определенных группах (известный журналист, адвокат, актер, проповедник и т. п.). Они обращались к аудитории как «Я один из вас. Я поддержанный народом избранник» и т. п.

– «Подтасовка карт». Возможность и оправданность применения точного и неточного, логического и нелогического заявления во имя возбуждения интереса аудитории. Например, призыв — «Одержим победу!». Создав труд-

ность в решении какой-то проблемы, аудиторы предлагают выход, для которого необходимо, чтобы «все вскочили в одну лодку», т. е. одобрили предложенный рецепт. Так аудитория оказывается пленницей манипуляций [16].

По мнению С. Горина, наиболее популярны для манипуляции сознанием следующие стратегии [4, гл. 5]:

- Трюизм — утверждение, которое находится в строгом соответствии с действительностью; банальная истина («люди могут покупать», «люди могут подписывать договоры», «люди могут заключать сделки»).

- Предположение — использование фраз, в которых наличие какого-нибудь предмета, явления или поведения очень искусно предполагается. Например, вопрос: «Марсиане зеленые или голубые?» заставляет рассуждать о цвете марсиан, а наличие марсиан заведомо берется за истину.

- Команды, скрытые в вопросах — вопросы, на которые можно получить ответ «да» или «нет», но которые предусматривают действие или более развернутый ответ. Слова типа «знаете», «понимаете» являются ловушками для сознания. («Интересно, Вы уже знаете, что наше предложение выгодно для Вас?», «Вы уже знаете, какой товар у нас приобретете?»).

- Использование противоположностей — то, что происходит, вы связываете с тем, что вам нужно, чтобы оно происходило, с помощью оборота «чем... — тем...». («Чем дольше Вы выбираете товар, тем свободнее Вы делаете выбор». «Чем внимательнее Вы изучаете документ, тем легче Вам будет его подписать»).

- Предоставление всех выборов. Если в ложном выборе вы искусственно ограничиваете число возможных вариантов поведения, то в предоставлении всех выборов вы перечисляете все варианты, но и здесь есть тонкость: вы несловесно подчеркиваете тот выбор, который нужен вам.

В свою очередь, Д.В. Ольшанский в работе «Психология масс» среди основных социально-психологических эффектов, которые массовая коммуникация оказывает на человека, называет «эффект ореола» и «эффект бумеранга» [10].

Основываясь на общих механизмах психологии масс, «эффект ореола» связан с вклю-

чением у аудитории суггестивной зависимости в восприятии коммуникационных сообщений. Эти сообщения и стоящие за ними коммуникаторы всегда воспринимаются в ореоле того массового отношения, которое существует применительно к тем или иным средствам массовой коммуникации.

Обычно под словами «эффект ореола» в современной массовой коммуникации имеют в виду то «голубое свечение», которым отличаются телеэкраны и которое как бы передается наиболее часто мелькающим на телеэкране персонам. В традиционной социальной психологии под «ореолом» понимается распространение авторитета, популярности конкретного лидера или же какого-то обобщенного символа на их наиболее доверенных последователей и сторонников. Из повседневной жизни известно: человек, узнаваемый внешне по его частым появлениям на телеэкране, неизбежно воспринимается простыми людьми как «начальник». Причина такого восприятия заключается в том, что массовая коммуникация действительно является массовой не только в чисто количественном, но и в качественном смысле. Средства массовой информации для массового сознания как раз и оказываются новыми божествами, даже обладающими собственными нимбами [11, с. 306].

Действительно, если раньше в рекламе, транслируемой СМИ, чаще всего участвовали неизвестные актеры, то сегодня тенденции менялись. Известные люди выступают неким гарантом, знаковой фигурой продуктов, услуг или идей (социальная реклама на канале «Россия» с участием Ф. Бондарчука, Валерии и т. д., не говоря уже о многочисленной рекламе шампуня, майонеза, краски для волос, дезодоранта, того или иного банка).

Если к механизму этого эффекта обратиться с семиотической точки зрения, необходимо вспомнить структуру значения знака, которая включает:

- номинат (сам знак, или имя),
- денотат (обозначенная «вещь»),
- сигнификат (обозначенное понятие об этой «вещи»; отражение в человеческом сознании свойств соответствующего денотата — постоянных или временных, абсолютных или относительных),

– коннотат (обозначенную оценку понятия или «вещи»).

Известный человек представляет нам некую сигнификативную информацию, дающую представление о денотате, посредством которой в сознании потребителя формируется необходимое представление об этом предмете. Иначе говоря, эффективность воздействия зависит от тщательно отобранной сигнификативной информации и ее соответствия демонстрируемой реалии. Участие знаковой фигуры, как правило, олицетворяющей социально-позитивную деятельность, в этом плане является удачным решением. Ее выбор связан с таким важным для любой культуры понятием, как символ. Символ — особая коммуникационная модель, интегрирующая индивидуальные сознания в единое смысловое пространство культуры. Его функция связана с «интеграцией коллективного сознания в рамках единого смыслового пространства» и с «предельной индивидуализацией смысловых «миров» [1, с. 155–161].

Символы заключают в себе определенные значения, в которых сфокусированы особенности конкретной культуры. Следовательно, известные спортсмены в нашем сознании становятся символами победы, мужества; актеры — успеха, красоты, молодости; политики — будущего, уверенности в завтрашнем дне, а синтез «спортсмен + певец + актер + государственный деятель» — это просто «находка». Безусловно, что этот «символический флер» распространяется на все, что их окружает: политические идеи, гастрономические пристрастия, шампунь, духи и т. п. Попутно хотелось бы отметить, что «переплавка в единое целое» уже нашла свое отражение и в рекламе: с экранов телевизоров голливудские звезды, профессиональные топ-модели, мировые чемпионы предлагают товары известных брендов. Зритель, уверенный в качестве товара, так как «результат на лицо», не задумываясь, отправляется за ним в подземный переход или на соседний рынок с желанием приобщиться к неизведанной высокой культуре.

Противоположен по своему действию «эффект бумеранга». Он основан на контрсуггестивных механизмах, способствующих освобождению индивидуального или группового со-

знания от влияния психологии масс. Современный «эффект бумеранга» проявляется в том, что масса телезрителей, «перекормленная» одним и тем же персонажем, начинает вначале тихо, молча ненавидеть его, затем отказывать ему в доверии в социологических опросах и, наконец, откровенно бунтовать, тайно голосуя против него на выборах [11, с. 308–310].

Данный перечень эффектов можно было бы продолжить, однако главное очевидно — эффекты оказывают влияние на человека, хотя их результат и не всегда предсказуем. «Это объясняется тем, что намерения коммуникатора и желания аудитории довольно часто не совпадают и каждый из них имеет собственные социальные связи в обществе» [8].

С. Кара-Мурза утверждает, что «пресса (и вообще СМИ) сыграла важнейшую роль в процессе «толпообразования» в западном обществе, человек массы, продукт мозаичной культуры, был в значительной степени создан прессой». В работе «Манипуляция сознанием» [5] ученый, анализируя дискурс СМИ, утверждает, что любое сообщение заведомо упрощается и что основными принципами организации дискурса являются:

- упрощение и стандартизация;
- утверждение и повторения;
- дробление и срочность;
- сенсационность.

По мнению А. Моля [8], уровень понятности, соответствующий коэффициенту интеллектуальности, всегда примерно на 10 пунктов ниже среднего показателя. Затем, благодаря утверждению и многократному повторению, в сознании потребителей информации закрепляются определенные стереотипы. Они,

в свою очередь, подавляют необходимость и способность к адекватной оценке происходящего и выступают как прямое руководство к действию. Разделение, фрагментирование, разрывание, постоянное обновление информации приводят к непониманию, неосведомленности, апатии, безразличию, поскольку человек просто не в состоянии осмыслить и понять увиденное или услышанное. И, наконец, важная информация, исходя из представлений так называемых «лидеров мнений», нужное время удерживается в эфире, отвлекая на себя все внимание зрителей.

Характеризуя социодинамику культуры, А. Моль утверждает, что «культура берет свое начало в средствах массовой коммуникации в широком смысле, включая воспитание и межличностные отношения» [8]. Однако направленность информации в системах массовой коммуникации отличается односторонностью, при которой зритель/слушатель/читатель, как правило, только осуществляет прием сообщения, но не отвечает на него. И с этим нельзя не согласиться.

Подводя итоги сказанному, еще раз подчеркнем, что в гражданском обществе центром всего является человек. А эффективная реализация и самореализация личности предполагает в том числе и овладение коммуникативной культурой во всех ее проявлениях. Формирование общественного сознания — процесс длительный и сложный, требующий совместных усилий государственных органов, СМИ, общественных организаций и образовательных учреждений. От его успешного решения зависит поступательное развитие демократического общества.

Литература

- [1] Аверинцев С.С. София-Логос: словарь. — 2-е изд., испр. — Киев: Dux i Litera, 2001. — С. 155–161.
- [2] Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. — М., 1918 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.odinblago.ru/dusha_rossii
- [3] Вернадский В.И. Пережитое и передуманное. — М.: Вагриус, 2007. — 72 с. (Серия «Мой XX век».)
- [4] Горин С. А вы пробовали гипноз? (Практическое руководство по применению гипнотических психотехник в бизнесе и медицине, рекламе и пропаганде, торговле и повседневной жизни). — Гл. 5. — СПб., 1985.
- [5] Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. — М.: Алгоритм, 2005. — 685 с.
- [6] Ковешникова М.Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования [Электронный ресурс]. — URL: <file:///D:/%D0%94%D0%BB%D1%8F%20%D1%81%D0%BA%D0%BO%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%BO%D0%BD%D0%B8%D1%8F/recheyaya-manipulyatsiya-i-priemy-rechevogo-manipulirovaniya.pdf>
- [7] Лихачев Д. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. — Л.: Сов. писатель, 1989. — 608 с.

- [8] Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр. — 3-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 416 с.
- [9] Нигматуллина Т.А. Медиакоммуникативные характеристики гражданско-политической активности молодежи в Республике Башкортостан: региональное исследование // Коммуникология. — 2014. — Т. 8. — № 6. — С. 159–171.
- [10] Ольшанский Д.В. Психология масс. — СПб.: ИД «Питер», 2002. — 368 с.
- [11] Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М.А. Василика. — М.: Гардарики, 2003. — 471 с.
- [12] Сулейманова Ш.С. Медиаполитика в современном российском обществе: учеб. пособие. — М.: Этносоциум, 2013. — 142 с.
- [13] Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Вопросы социальной теории. — 2007. — Том I. — Вып. 1. — С. 229–245.
- [14] Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — 128 с.
- [15] Швейцер А. Благоговение перед жизнью. — М.: Прогресс, 1992. — 576 с.
- [16] [Электронный ресурс]. — URL: <http://works.doklad.ru/view/089zogQUNPI.html>

WELTS Rakhil Yakovlevna,

*Candidate of Philology, Assistant Professor,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of labor and social relations, Ufa
e-mail: bist-atiko@rambler.ru*

GALIMOVA Olga Vladimirovna,

*Candidate of Philology, Assistant Professor,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of labor and social relations, Ufa
e-mail: bist-atiko@rambler.ru*

KHOROSHAVTSEVA Olga Petrovna,

*Candidate of Cultural Studies,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of labor and social relations, Ufa
e-mail: bist-atiko@rambler.ru*

VERBAL COMMUNICATION AS A WAY OF FOSTERING PUBLIC AWARENESS

The article deals with issues related to the process of manipulating with the mass consciousness in the information society, also with technology and management techniques of public opinion in the various spheres of human life.

Key words: *speech, communicative culture, media, manipulation, strategy, psychology of the masses.*

References

- [1] Averincev S.S. Sofija-Logos: slovar' [Sofia-Logo: dictionary]. — 2nd ed. — Kiev: Dux i Litera, 2001. — Pp. 155—161.
- [2] Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii: Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti [The Fate of Russia: Experiments on the Psychology of War and Nationality]. — Moscow, 1918 [Electronic resource]. — URL: http://www.odinblago.ru/dusha_rossii
- [3] Vernadsky V.I. Perezhitoe i peredumannoe [The experience and redefining]. — Moscow: Vagrius, 2007. — 72 p. (Series "My twentieth century".)
- [4] Gorin S. A vy probovali gipnoz? (Prakticheskoe rukovodstvo po primeneniju gipnoticheskikh psihoteknik v biznese i medicine, reklame i propagande, torgovle i povsednevnoj zhizni) [Did you Try to Hypnosis? (Practical

Guide on the Use of Hypnotic Psychotechnics in Business and Medicine, Advertising and Promotion, Commerce and Everyday Life)]. — Part 5. — St. Petersburg, 1985.

[5] *Kara-Murza S.* Manipuljacija soznaniem [Manipulation of consciousness]. — Moscow: Algorithm, 2005. — 685 p.

[6] *Koveshnikova M.N.* Rehevaja manipuljacija i priemy rehevogo manipulirovaniya [Speech Manipulation Technics and Voice Manipulation] [Electronic resource]. — URL: file:///D:/%D0%94%D0%BB%D1%8F%20%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F/rehevaya-manipulyatsiya-i-priemy-rehevogo-manipulirovaniya.pdf

[7] *Likhachev D.* Zametki i nabljudeniya: iz zapisnyh knizhek raznyh let [Remarks and Observations: from the Notebooks of Various Years]. — Leningrad: Soviet writer, 1989. — 608 p.

[8] *Mole A.* Sociodinamika kul'tury [Sociodynamics Culture / transl. from the franch. — 3rd ed]. — Moscow: Publishing House of the LCI, 2008. — 416 p.

[9] *Nigmatullina T.A.* Mediakommunikativnye harakteristiki grazhdansko-politicheskoy aktivnosti molodezhi v Respublike Bashkortostan: regional'noe issledovanie [Media Communicative Characteristics of Civil and Political Activity of the Youth in the Republic of Bashkortostan: regional study] // *Kommunikologija* [Communicology]. — 2014. — Vol. 8. — No. 6. — P. 159—171.

[10] *Olshansky D.* Psihologija mass [Psychology of Masses]. — St. Petersburg: Publishing house "Piter", 2002. — 368 p.

[11] *Osnovy teorii kommunikacii: uchebnik* [The Basics of Communication Theory: textbook / ed. by prof. M.A. Vasilik. — Moscow: Gardariki, 2003. — 471 p.

[12] *Suleymanova Sh.S.* Mediapolitika v sovremennom rossijskom obshhestve: ucheb. posobie [Media Policy in a Modern Russian Society: tutorial]. — Moscow: Etnosotsium, 2013. — 142 c.

[13] *Habermas J.* Teorija komunikativnogo dejstvija (fragmenty) [Theory of Communicative Action (fragments)] // *Voprosy social'noj teorii* [Questions of Social Theory]. — 2007. — Vol. I. — Is. 1. — Pp. 229–245.

[14] *Chernjavskaja V.E.* Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rehevogo vozdejstvija: ucheb. posobie [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence: tutorial. — 2nd ed]. — Moscow: FLINT: Science, 2012. — 128 p.

[15] *Schweitzer A.* Blagogovenie pered zhizn'ju [Reverence before Life]. — Moscow: Progress, 1992. — 576 p.

[16] [Electronic resource]. — URL: <http://works.doklad.ru/view/O89zogQUNPI.html>

УДК 32.001(470)

БЕНИНА Лариса Ивановна,
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и политологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
e-mail: Larisa.benina@mail.ru

ДИНАМИКА ИДЕЙНЫХ УСТАНОВОК ЛЕВЫХ СИЛ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается сложный и противоречивый процесс трансформации идейных установок левого движения в современной России. Отмечается, что в идеологии российских левых партий прослеживается переход на реформистские социал-демократические позиции, а главной целью провозглашается национальная консолидация, государственное возрождение России, противодействие геополитической экспансии Запада.

Ключевые слова: левое движение, идейные установки, политические традиции, левый патриотизм, левый консерватизм.

Левая мысль в новейшей России формировалась на основе двух идейно-политических и культурных традиций: собственного марксистско-ленинского наследия и внешних идеологических воздействий. Сама идея возвращения к российской традиции была вызвана к жизни проигрышем «холодной войны» и травмирующим самосознанием российских граждан контактом с западной цивилизацией. Проводимые либеральные реформы, оказавшиеся очень болезненными для российского общества, одновременно сделали доступными для относительно широких слоев интеллигенции, ранее считавшиеся ревизионистскими концепции русской и западноевропейской общественной мысли — идеи «евразийства», национал-большевизма, «консервативной революции», «Франкфуртской школы», неотроцкизма, теорию А. Грамши. Переосмысление марксистских взглядов происходило на основе знакомства с названными идейными течениями, которые идеологи левого движения стремились встроить в контекст российской политической культуры и пореформенных социально-экономических преобразований, резко повысивших градус разобщенности и конфликтности в обществе.

Еще в ходе трансформационных процессов эпохи «перестройки» во второй половине

1980-х гг. подверглись эрозии именно те политические ценности, на которых основывалась советская государственность, такие как коллективизм, пролетарский интернационализм, патриотизм [16]. Поскольку «свято место» (то есть ценностное ядро политического менталитета) «пусто не бывает», этот идеологический вакуум в 1990-е годы стал заполняться постулатами либерализма [13]. Реакцией на проникновение в страну ранее чуждого российскому менталитету западного образа мыслей, на внутривнутриполитическую нестабильность и утрату Россией геополитического статуса великой державы стали актуализация в сознании представителей левой оппозиции идеи «порядка», овладевшей со временем массами, поиски так называемой «национальной идеи», активизация интереса к «первоосновам» российской государственности [11], попытки возродить и сохранить исконно российские ценности и идеалы [12]. Подобную смену приоритетов можно назвать «консервативной революцией» в левом движении. На политическом уровне произошло разделение консервативной идеологии на «монархический» консерватизм, направленный на реставрацию монархического правления, и «коммунистический» консерватизм, ностальгировавший по недавнему прошлому [18].

В постсоветской России левую оппозицию, как и всю отечественную политическую систему, отличала высокая фрагментация, характеризующаяся многообразием партийных программ и политических теорий [3]. Вместе с тем, можно попытаться выделить ее основные установки. Так, подавляющее большинство российских теоретиков и политиков левого толка перешли на умеренные социал-демократические позиции, отвергая курс на насильственное свержение власти с целью реализации социалистического идеала, пропагандируя постепенное возрождение социализма в рамках пореформенных социально-политических структур. Предполагалось преобразование общества путем постепенного завоевания позиций в органах исполнительной и законодательной власти (примером является «красный пояс» губернаторов, представлявших лево-патриотическую оппозицию), а также создания «народных предприятий». При этом в лево-патриотической пропаганде делался чрезмерный упор на консервативные морально-этические нормы, зачастую архаичные народные традиции без учета современного уровня развития производительных сил, степени урбанизации и образованности населения. Нередко слабо сформулированный концепт «русской духовности» ставился едва ли не во главу угла предлагаемых левыми силами социальных преобразований.

На рубеже XX и XXI веков «левые» в Российской Федерации не только оказались вынуждены заново выработать собственную теоретическую базу и обосновывать свою политическую позицию, но зачастую они были слабо различимы на фоне разномастного оппозиционно-патриотического движения. Отсутствовала даже их внятная идейная идентификация, а такие политические категории граждан, как «патриоты», «коммунисты», «левые», зачастую воспринимались в обществе как синонимы, появился даже уничижительный термин «красно-коричневые». Во многом это было обусловлено и тем, что в России после ликвидации советской системы только начинался процесс становления современной политической лексики [1].

В силу этого важным фактором становления КПРФ в качестве авангардной оппозиционной организации в Российской Федера-

ции, способной объединить вокруг себя как левые, так и консервативные оппозиционные группы, стала разработка ее идеологами собственной теоретической концепции, адекватно отражающей современные российские реалии. Кроме того, серьезной задачей партии стало создание нового языка политической коммуникации, который бы существенно модернизировал превратившийся в набор догматических положений советский марксистско-ленинский лексикон, помог коммунистам более доходчиво для последователей сформулировать свои программные положения, дать ответ на раздававшуюся в их адрес критику со стороны либерально ориентированных СМИ. Задача усложнялась тем, что марксистская традиция и ее базовые установки на концептуальном уровне противостояли не только либеральной системе ценностей, но и правым моделям европейского социал-реформизма, а также возрожденному русскому консерватизму и национализму. В этот период были осуществлены первые переводы на русский язык нео-марксистской и троцкистской литературы, недоступной для массового читателя в советский период. Для того чтобы сгладить явные идеологические нестыковки, из классического марксизма заимствовались, прежде всего, положения, не противоречащие консервативно трактуемой русской идейной традиции, в частности, коллективистские установки.

Идейные позиции российских левых за 25 постсоветских лет подвергались заметным колебаниям, но политический курс их ведущих организаций осуществлялся с учетом признания того факта, что в современной России осуществление социалистической революции не реально как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе, а, следовательно, предпочтителен эволюционный социал-демократический путь развития. Нередко в адрес Г.А. Зюганова раздавалась критика со стороны ортодоксов за его фразу о том, что Россия «исчерпала лимит на революции», но ряд объективных и субъективных аспектов развития левых сил в Российской Федерации свидетельствовал в пользу данного критикуемого утверждения. К подобным выводам лидеров «левых», в частности, привело осознание того факта, что в результате шоковых рыночных ре-

форм 1990-х гг. их социальная база резко сократилась в связи с ослаблением позиций рабочего класса, значительная часть которого, потеряв работу, была люмпенизирована либо пополнила ряды мелких предпринимателей-«челноков». Учитывая данные реалии, даже радикальное руководство «Российской коммунистической рабочей партии» стало выступать за использование конвенциональных методов политической борьбы и за расширение сферы влияния партии в первую очередь легальными средствами.

В постсоветский период в российском левом движении объективно отсутствовала идеологическая основа, способная превратить классические левые идеи в авангардное направление общественной мысли. Марксизм с его подчеркнута интернационалистскими установками оказался не способен выполнить эту консолидирующую функцию в условиях, когда вопрос сохранения национальной идентичности становился ключевым для большинства российских национально-ориентированных политических сил. В целом на рубеже XX и XXI вв. в России все проблемы социального, культурного, политического порядка рассматривались представителями левых партий прежде всего с точки зрения патриотического императива, а русский/российский патриотизм стал идеологическим основанием левой мысли и практики. Развиваясь в рамках спектра патриотической оппозиции, левые партии стали ориентироваться на ценности национальной консолидации, в связи с чем тема русского и державного возрождения стала для них одной из центральных, проявляясь в лозунгах и программных установках. Стремление к сохранению собственного культурного мира, обращение к русско-православному цивилизационному достоянию, попытки, опираясь на классическую русскую мысль, осознать свою социокультурную общность, поиск национальной идентичности в противовес насильственной вестернизации стали определяющими для идеологов левого направления.

Перед российскими «левыми» стояла задача оправдания советского прошлого, синтеза идей социализма и национального возрождения. Для реализации концепции «возрождения России как великой державы» необходим был

отказ от подчеркивания классовых антагонизмов в пользу общенационального внеклассового единства. Российский левый патриотизм превратился в идеологическое течение и политическое движение, суммировавшее негативную реакцию части российского социума на западное влияние и обнаружившее определенный потенциал для противостояния новой либеральной элите.

В научных кругах, сочувствующих левой оппозиции, был сформулирован тезис о том, что «на евразийском геополитическом пространстве четко обозначился запрос на создание модели общественно-политического устройства и экономического развития с опорой на антилиберальные национально-консервативные ценности» [14]. Исходя из этого, в идеологической платформе КПРФ последовательно декларировался тезис о необходимости реорганизации евразийского геополитического пространства путем формирования «Евразийского союза» постсоветских государств, который был бы в состоянии отстоять их общие интересы и эффективно противостоять давлению со стороны Запада. Необходимость жесткого противодействия западному влиянию обосновывалась не только экономическими, но и культурно-цивилизационными мотивами.

Российские коммунисты, по инерции сохраняя верность «букве» марксизма, не могли открыто провозглашать принцип социального партнерства и отмечали существование классовых противоречий в постсоветском государстве. В этом смысле марксистские установки находились в состоянии идейной конфронтации не только с либеральной догматикой, но также представляли собой альтернативу монархическому консерватизму и русскому национализму. Тем не менее, в рамках общего для левых и консервативно-патриотических сил курса на национальную консолидацию, предполагалась необходимость адаптации марксизма к взглядам союзников по «антилиберальному фронту». Из классических социалистических учений заимствовались прежде всего те положения, которые, по мнению «левых» теоретиков, не противоречили изобретаемой ими лево-консервативной идеологии.

На теоретическом уровне лидерами КПРФ, в первую очередь Г.А. Зюгановым, была осу-

ществлена реабилитация православия как значимой части российского культурного и духовного наследия. Было признано, что оно является мощным фактором национального сплочения в противостоянии «коллективному Западу» и российским либералам-западникам. Одной из отличительных черт теории Г.А. Зюганова было отождествление идеалов социализма и социальных концепций православия. Он пытался трактовать православие как доктрину, имеющую в своей основе социалистическую идею, и придавал большое значение религиозно-теоретическому обоснованию своих социально-экономических взглядов. В то же время для него было характерно признание свободы вероисповедания и убеждений.

Так, по мнению Г.А. Зюганова, «в основе русской идеи лежат две основные ценности — российская духовность, которая немыслима без православного мироощущения, осознания своего истинного назначения на земле, и российская державность, государственность» [9]. Более того, согласно позиции лидера КПРФ, возникновение Советского Союза как первого в мире социалистического государства является следствием «неутолимой жажды справедливости, от века присущей нашему народу», а приверженность общественной собственности также является следствием «природы национального характера россиян» [9]. Опровергая утверждения тех, кто считает Октябрьскую революцию «случайной», «искусственной», Г.А. Зюганов указывает на то, что «советское общество стало естественным наследником многовековой российской цивилизации» [8].

Однако религия, являвшаяся духовным стержнем консервативных доктрин и основным средством их легитимации, не способна стать абсолютным и полноценным фундаментом российской социалистической мысли. Кроме того, провозглашая своей целью национальное единство, «левые» не могли не учитывать наличия в составе населения страны значительного числа представителей других конфессий, преимущественно мусульман, которые вряд ли положительно воспримут опору популярной политической партии на постулаты и ценности лишь одной религии. Наиболее последовательное распространение «православная идея» в России смогла получить, пре-

жде всего, в рамках русского национализма, исторически выступавшего в качестве одного из наиболее эффективных способов консолидации масс.

Подобная трансформация теории и практики устраивала далеко не всех членов партии. Покинувшие ряды КПРФ сторонники ортодоксального марксизма отмечали в качестве причины своего выхода из партии такие ревизионистские тенденции в ее идеологии, как «слияние «белого» и «красного», «общинность, соборность, народность», великодержавность, отказ от интернационализма, заигрывание с церковью» [6]. Согласно их оценке, «играя на оскорбленных социальных и национальных чувствах русского народа, это направление серьезно дискредитирует коммунистическое движение и создает питательную почву для заражения его национал-коммунизмом» [6]. На более глубоком теоретическом уровне «критика слева», с позиции традиционной марксистской идеологии осуществлялась А.В. Бузгалиным, В.А. Вазюлиным, Б.Ю. Кагарлицким [2]. В качестве базовых основ идеологии КПРФ данными авторами отмечались:

- этатизм — стремление к сильному государству, контролирующему через аппарат государственной бюрократии производственные и социальные структуры. Интересы народа полностью отождествляются с интересами государства;

- патернализм — опека государства над населением, опора на распределительные принципы в экономической политике;

- антилиберализм — отрицание таких традиционных либеральных ценностей, как первичность индивидуальной свободы и прав человека, толерантность, экономический и политический плюрализм;

- великодержавность — стремление к глобальному лидерству и расширению территории страны, вплоть до восстановления обновленного СССР;

- изоляционизм — дистанцирование от политического, экономического, культурного влияния «Запада».

С точки зрения Г.А. Зюганова, у нашей страны есть только две альтернативы: распад и исчезновение — с одной стороны, и возрождение на социалистической основе — с дру-

гой [7]. Так как, по его мнению, православие и социализм в российском обществе развиваются параллельно, то, расчленив страну, Запад уничтожит также и русскую православную церковь, которая является, по определению лидера КПРФ, пятой, духовной властью в России. Церковь терпеливо окармливала наш народ в течение всей его истории, и теперь, вместе с КПРФ она должна способствовать возрождению государства, включающему в себя: 1) нравственное оздоровление общества; 2) отражение духовной агрессии со стороны Запада; 3) обеспечение России государственной властью, способной решать насущные проблемы. Одолеть обрушившуюся на страну беду можно только при активном участии православной церкви, с помощью ее веского, авторитетного слова [10].

Но в полной мере сотрудничество государства и церкви развернется тогда, когда КПРФ на основе народного волеизъявления придет к власти и начнет последовательно выполнять программу выстраивания симфонии государства и церкви. Русская православная церковь де-факто получит статус национальной религии и станет одним из главных гарантов народного единства [10]. Государство будет обязано предоставлять церкви все необходимые условия для нравственного воспитания и духовного просвещения общества, включая бесплатный эфир на государственном радио и телевидении.

В подобном ключе рассматривается положение России идеологами и более ортодоксальной Российской коммунистической рабочей партии — Российской партии коммунистов. Распад СССР трактуется ими как результат внешней агрессии, в результате чего Россия оказалась в положении угнетенной страны, полностью истребить которую — сверхзадача Запада. Партийный сайт этой организации оценивает современную ситуацию следующим образом: «Сегодня в России мы имеем дело с диктатурой нео-буржуазии, которая осуществляется в форме президентской и парламентской власти Российской Федерации. По сути своей эта диктатура компрадорская, мелкобуржуазная. Она управляется отечественными олигархами и западными банками, спецслужбами, транснациональными корпорациями и масонскими центрами...» [19]. По мнению од-

ного из лидеров РКРП-РПК Б. Ячменева, «Мировое правительство... при помощи российской буржуазии закрепляет свое господство как средство уничтожения русского и других коренных народов России, СССР» [17].

В целом леворадикальным движениям, стоящим на позициях сталинизма, таким как РКРП-РПК и СКП-КПСС, присущи такие характерные признаки, как:

- отстаивание правильности всех теоретических установок и практических мероприятий сталинского периода, включая репрессии 1930-х и 1950-х годов;

- трактовка критики в адрес И.В. Сталина лично и его политики как проявления антикоммунизма, антисоветизма и антипатриотизма;

- тезис о необходимости возвращения к сталинской системе управления в современной России.

Отрицательные социальные последствия либеральных реформ, осуществляемых в течение последних 25 лет по логике своей должны были бы оказать стимулирующее воздействие на развитие российского левого движения. Однако заложенная в Конституции России 1993 года модель взаимодействия «ветвей власти», не позволяющая парламентской оппозиции реально влиять на политический курс, негативно сказалась на авторитете левых партий в России. КПРФ, даже будучи в конце 90-х годов представлена в правительстве и имея солидную фракцию в Государственной Думе, оказалась неспособной практически осуществлять свою партийную программу, поскольку политика правительства на практике зависит не столько от его состава, сколько от позиции президента.

Учитывая данные политические реалии, КПРФ заняла левоцентристские идеологические позиции. Суть ее партийной платформы можно свести к стремлению соединить экономические лозунги социал-демократии и государственного патернализма, идеи интернационализма с традициями державности и патриотизма [5]. С одной стороны, партийные теоретики ввели в оборот термин «оккупационный режим», обозначая на дискурсивном уровне непримиримую позицию в отношении постсоветского либерального государства. С другой стороны — вся практическая политика пар-

тии была направлена на прагматичное встраивание в политически и идеологически чуждую ей «демократическую систему». Именно КПРФ наиболее последовательно призывала истеблишмент к формированию широкой левоцентристской коалиции из левых сил и «партии власти». Компартия фактически выступала за стабильность политической системы, стремясь лишь способствовать оптимизации существующего социально-политического строя.

«Левый патриотизм» неизбежно эволюционировал «вправо». Левые патриоты, представленные главным образом руководством КПРФ, фактически оказались ориентированы на элитарную систему политической власти (то есть реальную власть в руках меньшинства), эгалитарную (социально направленную) экономику и эгалитарную внешнюю политику (справедливое место России в мире). По мнению одного из критиков КПРФ с «левых» позиций, «наиболее распространенной ошибкой прогрессивных политических сил современной России является стремление решить социальные проблемы, порожденные элитаризмом, путем замены антинародной бюрократической системы на такую же бюрократическую систему, но только функционирующую в интересах народа» [4].

С приходом к власти Президента В.В. Путина патриотический образ был успешно освоен истеблишментом [15], что наряду с усилением консолидации правящей элиты способствовало размыванию идейной идентификации левых сил. Тем не менее, левое движение в этих условиях продемонстрировало свою устойчивость и остается важным актором политического процесса в современной России.

Рассмотрев динамику идейно-теоретических установок левого движения в современной России, можно сделать следующие выводы:

Литература

[1] *Бенина Л.И.* Проблемы коммуникации между массовым и элитарным слоем политической культуры в современной России // *Международный научно-исследовательский журнал*. — 2016. — № 2–1 (44). — С. 66–68.

[2] *Вазюлин В.А.* «Большой проект» Г.А. Зюганова с точки зрения марксиста (о «Манифесте НПСР») // *Марксизм и современность*. — 1999. — № 1–2. — С. 66–74.

[3] *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Политический тандем как инструментарий российской модернизации // *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. — 2012. — № 1 (13). — С. 9–15.

[4] *Герасимов И.* После капитализма [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kprf.ru/projects/left/internal/26170.html> (дата обращения: 10.04.2015).

1. Левое движение в современной России возникло как реакционно-консервативная сила в ответ на либерально-рыночные трансформации, начавшиеся еще в период «перестройки» конца 1980-х гг. Оно носило, прежде всего, реставрационный характер, было направлено на противодействие первой волне приватизации и опиралось на широкую коалицию социальных и политических сил, включая часть старой советской бюрократии. Его стержнем выступала идея реставрации социализма.

2. В идеологии российских левых партий прослеживалась идея, согласно которой их первоочередными задачами является не классовая борьба, а решение общенациональной задачи государственного возрождения России, противодействия геополитической экспансии Запада, а социализму в их трактовке присущи ценности национал-патриотизма и этатизма.

3. Анализ теоретических работ и материалов прессы, посвященных исследованию социалистического движения в современной России, позволяет сделать вывод о том, что КПРФ представляет собой российский вариант социал-реформистской партии западноевропейского типа. Признаками таких партий являются: 1) категоричный отказ от революционных форм борьбы, «исторический лимит» на которые в России исчерпан; 2) использование парламентских методов политической борьбы; 3) реформистские способы влияния на правительственную политику (через законоотворчество в парламенте); 4) лозунг народовластия вместо власти определенного класса; 5) избегание использования и противопоставления понятий социализм — капитализм; 6) призыв к национальной консолидации, политика социального партнерства.

- [5] Головченко В.И. Идеологические основы КПРФ и «Справедливой России»: особенности и перспективы // Власть. — 2009. — № 3. — С. 74–75.
- [6] Заявление о необходимости создания новой марксистско-ленинской Коммунистической партии [Электронный ресурс]. — URL: <http://vkpb-zapad.narod.ru/res3.htm> (дата обращения: 20.04.2015).
- [7] Зюганов Г.А. Глобализация и судьба человечества. — М.: Молодая гвардия, 2002. — С. 224.
- [8] Зюганов Г.А. Октябрь и современность. — М.: Информ-знание, 1997. — С. 85.
- [9] Зюганов Г.А. Россия — Родина моя. Идеология государственного патриотизма. — М.: ИТРК РСПП, 1996. — С. 348.
- [10] Зюганов Г.А. Святая Русь и Кощеево царство: Основы русского духовного возрождения. — М.: Б.и., 2003. — С. 14.
- [11] Иликаев А.С. Тьма и Свет славянского Олимпа // Бельские просторы. — 2011. — № 12. — С. 151–156.
- [12] Иликаев А.С. Эти сказки и легенды, с их лесным благоуханием // Бельские просторы. — 2008. — № 6. — С. 116.
- [13] Лукманов Х.Х., Иликаев А.С. О суверенной демократии: опыт критического прочтения одной политико-правовой доктрины // Правовое государство: теория и практика. — 2010. — № 2 (20). — С. 5–9.
- [14] Санкт-Петербургские ученые помогают партии. В связи с подготовкой к Пленуму ЦК КПРФ по национальной политике состоялось первое заседание экспертной группы РУСО и Петровской академии [Электронный ресурс]. — URL: <http://kprf.ru/rusk/121181.html> (дата обращения: 24.03.2015).
- [15] Сулейманов А.Р. В поисках теоретико-методологической основы модернизации // Вопросы политологии. — 2012. — № 3 (7). — С. 49–53.
- [16] Сулейманов А.Р. Проблема институционализации национальной идеи в федеративной России // Вопросы политологии. — 2014. — № 1 (13). — С. 96–106.
- [17] Торбасов О. Чудовище центризма — РКРП-РПК [Электронный ресурс]. — URL: http://komsomol.narod.ru/anti-tyul/Jesuitic_order-new.htm (дата обращения: 04.04.2015).
- [18] Фролова И.В. Ценности современного российского общества: на пути к новой парадигме // Экономика и управление. — 2010. — № 1. — С. 54.
- [19] [Электронный ресурс]. — URL: www.rkrp-rpk.ru

BENINA Larisa Ivanovna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Department of Philosophy and Political Science

Bashkir State University, Ufa

e-mail: Larisa.benina@mail.ru

DYNAMICS IDEOLOGICAL ASSUMPTIONS OF THE LEFT FORCES IN MODERN RUSSIA

The article deals with a complex and contradictory process of ideological transformation of installations of the left movement in modern Russia. It is noted that in the ideology of the Russian left parties observed the transition to the reformist social-democratic position, and the main goal proclaimed national unity, state revival of Russia, opposition to the geopolitical expansion of the West.

Key words: *left movement, ideological tenets, political tradition, patriotism, left, left conservatism.*

References

- [1] Benina L.I. Problemy kommunikacii mezhdu massovym i jelitarnym sloem politicheskoj kul'tury v sovremennoj Rossii [Communication Problems between Mass and Elite Layer of Political Culture in Modern Russia] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. — 2016. — No. 2-1 (44). — Pp. 66–68.
- [2] Vazyulin V.A. "Bol'shoj proekt" G.A. Zjuganova s tochki zrenija marksista (o "Manifeste NPSR") [G.A. Zyuganov's "Great Project" from the Standpoint of a Marxist (the "Manifesto PPAR")] // Marksizm i sovremennost' [Marxism and Modernity]. — 1999. — No. 1-2. — Pp. 66–74.
- [3] Gaiduk V.V., Suleymanov A.R. Politicheskij tandem kak instrumentarij rossijskoj modernizacii [The Political Tandem as a Tool of Russian Modernization] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2012. — No. 1 (13). — Pp. 9–15.

[4] *Gerasimov A.* Posle kapitalizma [After Capitalism] [Electronic resource]. — URL: <http://www.kprf.ru/projects/left/internal/26170.html> (reference date 10.04.2015).

[5] *Golovchenko V.I.* Ideologicheskie osnovy KPRF i "Spravedlivoj Rossii": osobennosti i perspektivy [The Ideological Foundations of the Communist Party and "Fair Russia": Features and Prospects] // *Vlast' [Power]*. — 2009. — No. 3. — Pp. 74–75.

[6] *Zajavlenie o neobходимosti sozdaniya novej marksistsko-leninskoj Kommunisticheskoj partii* [Statement on the need to create a new Marxist-Leninist Communist Party] [Electronic resource]. — URL: <http://vkpb-zapad.narod.ru/res3.htm> (reference date 20.04.2015).

[7] *Zyuganov G.A.* Globalizacija i sud'ba chelovechestva [Globalization and the Fate of Mankind]. — Moscow: Molodaja gvardija, 2002. — P. 224.

[8] *Zyuganov G.A.* Oktjabr' i sovremennost' [October and Modernity]. — Moscow: Inform-znanie, 1997. — P. 85.

[9] *Zyuganov G.A.* Rossija — Rodina moja. Ideologija gosudarstvennogo patriotizma [Russia — My Motherland. The Ideology of State Patriotism]. — Moscow: ITRK RSPP, 1996. — P. 348.

[10] *Zyuganov G.A.* Svjataja Rus' i Koshheevoo carstvo: Osnovy russkogo duhovnogo vrozozhdenija [Holy Russia and Koshchey's Kingdom: Fundamentals of Russian Spiritual Revival]. — Moscow: B.i., 2003. — P. 14.

[11] *Ilikaev A.S.* T'ma i Svet slavjanskogo Olimpa [Darkness and Light of Slavic Olympus] // *Bel'skie prostory [Bielski Expanses]*. — 2011. — No. 12. — Pp. 151–156.

[12] *Ilikaev A.S.* Eti skazki i legendy, s ih lesnym blagouhan'em [These Tales and Legends, with Their Fragrance of Forest Expanses] // *Bel'skie prostory [Bielski Expanses]*. — 2008. — No. 6. — P. 116.

[13] *Lukmanov H.H., Ilikaev A.S.* O suverennoj demokratii: opyt kriticheskogo prochtenija odnoj politiko-pravovoj doktriny [About Sovereign Democracy: the Experience of a Critical Reading of a Political and Legal Doctrines] // *Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika [State of Law: Theory and Practice]*. — 2010. — No. 2 (20). — P. 5–9.

[14] *Sankt-Peterburgskie uchenye pomagajut partii. V svjazi s podgotovkoj k Plenumu CK KPRF po nacional'noj politike sostojalos' pervoe zasedanie jekspertnoj grupy RUSO i Petrovskoj akademii* [St. Petersburg scientists have helped the party. In connection with the preparation of the Plenum of the Central Committee of the Communist Party's national policy, the first meeting of the expert group RUSO and Peter's Academy] [Electronic resource]. — URL: <http://kprf.ru/rusk/121181.html> (reference date 03.24.2015).

[15] *Suleymanov A.R.* V poiskah teoretiko-metodologičeskoj osnovy modernizacii [In search of Theoretical and Methodological Foundations of Modernization] // *Voprosy politologii [Questions of Political Science]*. — 2012. — No. 3 (7). — Pp. 49–53.

[16] *Suleymanov A.R.* Problema institucionalizacii nacional'noj idei v federativnoj Rossii [The Problem of the Institutionalization of the National Idea in Federal Russia] // *Voprosy politologii [Questions of Political Science]*. — 2014. — No. 1 (13). — P. 96–106.

[17] *Torbasov O.* Chudovishhe centrizma — RKRP-RPK [Beast Centrism — RKRP-PKK] [Electronic resource]. — URL: http://komsomol.narod.ru/anti-tyul/Jesuitic_order-new.htm (reference date 04/04/2015).

[18] *Frolova I.V.* Cennosti sovremennoego rossijskogo obshhestva: na puti k novej paradigme [The Values of a Modern Russian Society: towards a New Paradigm] // *Ekonomika i upravlenie [Economy and Management]*. — 2010. — No. 1. — P. 54.

[19] [Electronic resource]. — URL: www.rkrp-rpk.ru

УДК 32

ГОЛОВКО Юлия Марковна,
кандидат исторических наук, докторант кафедры
национальных и федеративных отношений
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва
e-mail: fom16@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА «РОССИЙСКОЙ МЕЧТЫ» ДЛЯ МОЛОДЕЖИ ИЛИ СУЩЕСТВУЕТ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ В АКЦИЯХ ПРОТЕСТА?

Социальные движения — одна из форм и движущих сил исторического процесса. Но одновременно этот процесс сам есть макросоциальное движение, в котором сегодня политика играет все возрастающую роль. Поэтому все уровни и формы массовых социальных движений — локальные, национальные и транснациональные — могут быть как агентами, так и контрагентами глобального политического процесса. Протестные движения в этом смысле — не исключение. В данной статье рассматриваются основные принципиальные основы протестного движения в России, которые непосредственным образом воздействуют на молодежное сознание. В связи с этим предстоит развенчать миф о том, что в России государство и гражданское общество являются антагонистам.

Ключевые слова: молодежь, государство, гражданское общество, протест, «цветные революции», политическая регионалистика и этнополитика.

Многочисленные акции протеста, прокатившиеся по стране после выборов депутатов Государственной Думы в декабре 2011 г., снова актуализировали задачу изучения природы протестных настроений и выбора россиянами допустимых форм выражения своего несогласия с реализуемой политикой, деятельностью ключевых факторов, сложившейся реальностью в целом [6]. Основным трендом развития протестной активности населения в течение последних 10 лет была как содержательная, так и территориальная локализация акций. Несмотря на то, что многие из них имели значительный общественный резонанс, не стоит их объединять в единое массовое движение. Исключением стали события января 2005 г., вызванные монетизацией льгот. Многочисленные митинги и шествия заставили власть частично пересмотреть принятые решения, учесть мнение населения.

Массовые протесты отчетливо проявили внутренние противоречия российской политической системы, о которых ранее можно было

судить по локальным всплескам общественного недовольства. Рост общественной активности в ответ на неэффективность государственной институтов и прямые злоупотребления коррумпированной, сросшейся с крупным бизнесом исполнительной власти, подчинившей себе судебную и законодательную ветви, принимает формы открытого политического протеста.

Произвол чиновников и правоохранительных органов, начало нового экономического кризиса в 2014–2015 гг. рождает чувство неуверенности в завтрашнем дне, неопределенности жизненных перспектив, повышает напряжение в обществе. Невозможность защитить свои интересы в суде, непроницаемость власти, ее безразличие или враждебность к общественным инициативам ведет к возникновению неразрешимых конфликтов и постоянно создает взрывоопасные ситуации. Так серия предвыборных скандалов — от «рокировки» до травли ассоциации «Голос» — на фоне растущего недовольства спровоцировало про-

тестное голосование, обратило внимание на результаты выборов и работу наблюдателей, обострило отношение к привычным фактам нарушений и фальсификаций и, в конечном итоге, вылилось в многотысячные акции протеста в Москве и крупных российских городах. По мере того как эмоции будут находить выход, волна протеста будет ослабевать и на какое-то время акции могут прекратиться.

Существующих связей и предыдущего опыта взаимодействия между оппозиционными политиками, гражданскими активистами, журналистами, культурными деятелями оказалось достаточно, чтобы направить стихийно поднимающуюся волну общественного протеста в мирное русло. «Общественное пространство столицы (и в меньшей степени других крупных городов) оказалось структурированным, готовым к образованию новых связей и объединения и организационных структур ad hoc (для этого случая), взявших на себя функцию упорядочивания протестной активности. Можно говорить о трех-четырех линиях развития протестного движения: наблюдение, политический протест, гражданский протест [4]. В декабре 2014 г. дефицит доверия к протестным лидерам восполнили присоединившиеся к движению популярные неполитические фигуры, но уже к сентябрю писатели и поэты начали уступать место в «рейтинге» вождей оппозиции наиболее активным оппозиционным политикам, заработавшим авторитет благодаря организации протестных акций. Появился второй и третий эшелон политических лидеров. В этом смысле альтернативой путинскому режиму сегодня является не какой-то один «суперлидер» или единственная «мегаструктура», но пестрое, конкурентное, публичное политическое поле» [9].

Массовый приток людей в протестное движение, их участие в подготовке мероприятий и наблюдении за выборами, сборе средств на проведение протестных акций, вхождение в Оргкомитет и другие структуры известных неполитических фигур привело к тому, что лидеры протеста оказались под общественным контролем. Необходимость подотчетности федеральных политиков и протестных лидеров общественным структурам является одной из объединяющих идей всего движения, которое, таким образом, носит выраженный антиавто-

ритарный характер. Так, Алексей Навальный вынужден был умерить националистическую риторику, Сергей Удальцов публично заявил о пересмотре своего отношения к Сталину, политики из «Солидарности» — организаторы первого митинга — уступили часть своих полномочий по устройству мероприятия сначала журналистам, а затем и гражданским активистам из Мастерской протестного действия. Объединение и совместная работа политиков тоже отчасти результат повышенного общественного внимания [4].

Абсолютное большинство опрошенных лидеров и обычных участников протестного движения согласны с тем, что никакие перемены сверху в России невозможны. Сложился консенсус о том, что перемены могут произойти только под давлением снизу. Но в России у протестного движения недостаточно сил, чтобы повлиять на решение властей об изменении своей политики. Власти на сегодняшний день обладают существенными финансовыми и информационными ресурсами, аппаратом пропаганды, насилия и управления. И главное, российская власть по-прежнему опирается на широкие общественные слои: политическую элиту и бюрократию, значительную часть бизнеса, правоохранительные органы, бюджетников, которые голосовали на выборах за «Единую Россию» и Путина. Поддержка населения во многом условна и вынуждена, система не монолитна, но по-прежнему сильна. Для того, чтобы добиться уступок со стороны власти потребуются поддержка широких общественных слоев, в том числе тех, кто сегодня поддерживает путинский режим.

На сегодняшний день одной из главных проблем протестного движения является отсутствие четкой программы действий. Необходима «дорожная карта», в которой были бы прописаны конкретные выполнимые цели и задачи, к осуществлению которых можно приступить уже сейчас, взаимные обязательства лидеров и рядовых участников движения.

Шаг протестного движения — это не год, а его цикл или волна. Эти циклы и волны детерминируются как своей внутренней динамикой, так и ее контекстом. Сегодня государство всецело определяет структуру политических возможностей любого протестного движения. Эти

движения в столице и на периферии разнятся по своей мотивации, составу и направленности [11]. Ситуация может измениться в двух случаях: если борьба элит достигнет критической точки и если мировой экономический кризис (или глобальная катастрофа) серьезно подорвут основы существующего социального порядка. Последнее, однако, отнюдь не означает, что структура политических возможностей для демократически ориентированных протестных движений обязательно расширится.

«Год протеста» закончился весьма своеобразным, хотя и известным в истории политическим размежеванием. Сегодня диверсифицированное протестное меньшинство (столица) противостоит социально и географически разобщенному, но консолидированному бедностью и бесправием «раздаточному» большинству (периферия), которое опасается любых реформ.

Этот год ясно обозначил возможности и ограничения сетевой формы этого движения. Да, мобилизовать людей, собрать деньги для проведения митингов и шествий с помощью сетей было можно. Более того, катастрофические события спланируют людей ради спасения других людей независимо от их социальной или профессиональной принадлежности. Но вот вести ежедневную работу с населением, со всеми его слоями, убеждать людей в правильности той или иной политической программы, вести плодотворную дискуссию с группами интересов посредством сети было невозможно. Да и действовать им самим без лидеров, которых они видят вживую, а не через экран компьютера, тоже оказалось невозможным, хотя никто не отрицает важности сетевых форм информации (сайтов, блогов, форумов). Да и созданный координационный совет более озабочен процедурными вопросами, нежели разработкой стратегии и тактики движения в новых условиях. Тем не менее потенциал интернет-протеста далеко не исчерпан [11].

Тактически представляется сомнительной точка зрения, в соответствии с которой сначала нужно провести «честные выборы», а потом решать остальные задачи. Политзаключенных нельзя освободить посредством митингов. Сначала надо добиться главного результата — изменения отношения власти к протестному

движению и оппозиции в целом. Затем должен появиться коллективный гражданский актор (координационный совет или др.), с которым власть согласилась бы взаимодействовать. В ходе этого взаимодействия должны быть сконструированы его технологии и алгоритмы. Параллельно должно быть создано общественное телевидение (или перепрограммировано существующее) с тем, чтобы оно стало площадкой для взаимодействия власти и оппозиции. Свободные СМИ — вещь обоюдоострая, но без них не бывает демократии.

На сегодняшний день протестные движения продолжают набирать силу. Западные СМИ пишут об агрессии России в отношении Украины. И хотя в феврале 2015 г. были подписаны «февральские договоренности» относительно войны в Украине, наиболее одиозные украинские СМИ говорят о том, что «февральские договоренности» являются малодушием, давлением Российской Федерации и давлением Запада [3].

В последнее время новостные порталы пестрят заголовками о переброске военной техники и военнослужащих НАТО в страны Балтии — Литву, Латвию, Эстонию. Польша — не исключение.

Еще в начале марта 2015 г. в Эстонию прибыл танковый взвод и два взвода десантников США, а в Латвию переброшено 150 военнослужащих и 20 единиц военной техники, в том числе пять танков «Абрамс».

Все это происходит под видом участия в предстоящих учениях НАТО на территории этих стран, а также укрепления стабильности в регионе на фоне украинских событий и «угрозы, исходящей от России» [2].

А если сравнить нынешнюю активность США и Североатлантического альянса с тем, что происходило 3–4 года назад, то можно проследить четкую аналогию в их действиях, с той лишь разницей, что тогда не было событий на Украине, и Россия занимала позицию стороннего наблюдателя.

К слову, «Военно-политическое обозрение» уже тогда било тревогу, увидев реальную сущность деятельности США и НАТО в странах Балтии, где, по сути, все эти годы у границ Беларуси и России создавался плацдарм для нападения.

Уже ни у кого не возникает сомнений в том, что у западных границ Союзного государства сегодня создаются авиационная и сухопутная группировки войск НАТО. По-видимому, дело может дойти и до юго-западных границ, когда Альянс во главе с США разберется с Украиной.

Не вдаваясь глубоко в подробности четырехгодичной давности, можно отметить, что еще в 2011 году «Военно-политическое обозрение» акцентировало внимание на том, что в Балтийском регионе разворачивается реальная стратегическая группировка войск (сил), которая под видом мероприятий оперативной подготовки отрабатывает сценарий крупномасштабной войны в Европе. Не вызывало сомнений и то, что группировка войск НАТО в ходе ежегодных учений будет только увеличиваться, а политики Польши и стран Балтии в ответ на совместные российско-белорусские маневры «Запад» и «Щит Союза», будут переживать по поводу надвигающейся «угрозы с Востока». А США будут им потворствовать, выискивая любой предлог, чтобы доказать, что такая угроза есть и исходит она от России.

Причем даже поверхностный анализ проведенных учений НАТО показал, что все они, несмотря на различие в заявленных целях, были взаимосвязаны и проводились по единому замыслу. Они ежегодно повторялись и, как правило, под одними и теми же названиями. Более того, сценарием всех этих маневров предусматривалась отработка вопросов ведения военных действий против России и Белоруссии [10].

А если обобщить ряд фактов и событий, вырисовывается следующая картина — альянс планомерно осуществил освоение театра военных действий в Восточно-Европейском регионе с одновременным оборудованием территории и совершенствованием инфраструктуры прибалтийских стран в интересах приема и размещения крупных контингентов войск.

И процесс этот не только не останавливается до сих пор, но более того — набирает обороты. Подтверждением служит продолжающееся наращивание военной активности в регионе с проведением крупномасштабных военных учений, развертыванием элементов ПРО, созданием авиационной и сухопутной группировок войск.

Главным и решающим элементом технологии цветных переворотов является внешнее давление. Это давление без всяких «но» является силовым. Исходит оно из США. При таком взгляде легко ответить на вопрос, почему в России «цветная революция» обречена на поражение.

Версия о том, что у нашей оппозиции нет достойных лидеров — весомый аргумент, но не решающий. Интереснее и важнее вопрос, почему нет такого лидера? Ведь талантов и личностей в России всегда было достаточно.

Версия о том, что Путин гораздо более сильный лидер, чем у соседей — тоже весомый, но не решающий аргумент. Здесь главное не то, что он сильнее как личность, а то, что за ним стоит гораздо больше народа. Когда в стране расклад политических сил половина на половину, то достаточно переманить несколько процентов населения, чтобы легализовать захват власти путем новых выборов-перевыборов. В нашей стране, где за Путина подавляющее большинство [8], им придется ошельмовать десятки процентов избирателей — это никакой технологии не под силу.

Версия о том, что мы научены опытом этих революций в соседних странах — хорошая версия. Можно провести очень хорошую аналогию с прививками от болезней. Гораздо проще предотвратить заражение оранжевой болезнью, чем потом вернуть больного в мир фактов и здравого смысла. Однако, это лекарство на практике оказалось гораздо менее эффективным, чем казалось умозрительно. Это подтверждает неожиданная массовость болотных выступлений. Думается, что наша власть как раз чрезмерно уповала на эту «прививку», потому была уверена, что ничего похожего у нас быть не может. И потому болотный удар оказался неожиданным и сильным [5].

«Цветные революции» не являются следствием объективных причин. Наоборот, они происходят и побеждают вопреки им. Победа таких революций обусловлена лишь наличием активной внешней силы, которая многократно мощнее свергаемой власти. Причем речь идет, прежде всего, о военной силе. Военная сила подкрепляет и усиливает экономические санкции, в т. ч. принудительно вовлекая в экономи-

ческую войну все прочие страны-соучастники. Мы же, благодаря ядерному оружию, являемся для США равновеликим соперником. Экономическими санкциями нам можно нанести большой ущерб, но они не вынудят власти России сдаться.

Российская власть в состоянии обуздать цветную лже-революцию, может безбоязненно использовать свое право и обязанность по защите государственного строя, по защите власти, избранной народом. Потому митинги будут проходить у нас в рамках закона. Мы не побоимся применить силу к любым нарушителям закона. Захватить власть в нашей стране можно только через победу на выборах.

Для того, чтобы спрогнозировать будущее России по поводу возможности проведения «цветной революции» или активизации протестного движения в полном объеме, необходимо учитывать уровень политической культуры и политического сознания населения. Можно предположить, что в массовом сознании российского общества (в отличие от обществ западного типа) логический тип политического мышления менее распространен, чем «ненаправленное» образное мышление, когда «человек живет в мире иллюзий, потому что иллюзии помогают ему переносить убожество реальной жизни».

По мнению А.С. Ахиезера и И.Г. Яковенко в России сложилась уникальная ситуация, при которой в рамках одного общества сосуществуют два альтернативных типа политического сознания. «С одной стороны, административная, бюрократическая ментальность политической элиты, которая выросла в той же самой стране, пронизана токами архаического сознания, но доросла до понимания необходимости государства... С другой стороны, массовое сознание низовых слоев, сохранивших почти нетронутые архаические представления о мире. Этот слой, напрочь лишенный понимания необходимости большого общества, не только не понимает, но и отказывается принять подлинную природу государства. Человек низовой культуры... трактует большое общество по моделям родной деревни. И предписывает государству идеалы, взятые из архаического родного быта... Специфика русской истории и русской цивилизации состоит в этой парадоксальной двуслойности

культуры» [1]. Указанные авторы, верно подметили патриархально-подданический характер массовой политической культуры в России, сочетающий в себе пиетет перед властью с недоверием к ней и нежеланием каким-либо образом участвовать в ее осуществлении.

Политический истеблишмент вынужден заботиться о более широком вовлечении масс в политику хотя бы ради активизации электорального участия [7]. Для преодоления массовой политической апатии государству необходимо учитывать массовые настроения и не противоречить ожиданиям народа, а также вести пропаганду с учетом политической традиции, глубоко укоренившихся в массовом сознании (например, традиционная «вера в доброго царя» и нелюбовь к чиновникам).

В переломные моменты истории, когда происходит «ломка менталитета», новые веяния лучше усваивает молодежь и социальные слои, связавшие свою жизнь с новыми общественными отношениями. Со временем таких людей будет все больше. За двадцать лет уже выросло новое поколение, не жившее при советской власти. Еще через 20 лет их дети, скорее всего, будут верить уже в другие мифы — в какую-нибудь новую «русскую мечту». Эта трансформация мифологии произойдет естественным путем со сменой поколений.

Проанализировав перспективы применения технологии «цветных революций» в России, можно сделать следующие выводы:

1. Запад, прежде всего США, реализует масштабные внешнеполитические проекты посредством «цветных революций». Это происходит через применение «мягкой силы».

2. В России в настоящее время сложились определенные условия, связанные с очередными трудностями в экономике, необходимые для инспирирования «цветной революции» и попытки внешних сил инициировать в нашей стране «цветную революцию» вполне возможны.

3. В этих условиях выработка наиболее эффективных методов противодействия попыткам осуществления «цветной революции» является важным шагом для обеспечения безопасности страны.

4. Анализ опыта предшествующих «цветных революций» показывает, что в периоды, предшествующие «цветной революции» для устра-

нения условий ее возникновения необходимо применять различные методы: нормативно-правовые, административные информационные, экономические и силовые.

5. Важную роль в этой ситуации могут сыграть лояльные по отношению к власти массовые общественные движения, которые бы поддерживали правящую партию. Так, организованное протестное движение вызвало ответные действия властей, которые вынуждены были мобилизовать население на акции в поддержку Путина, массовыми «стояниями» и громкими публичными высказываниями по политическим и общественным вопросам откликнулись сторонники церкви. Однако отсутствие четкой программы действий является на сегодняшний день одной из главных проблем протестного движения.

6. Организаторы протестного движения должны согласовать свои цели и представления с целями и представлениями потенциа-

льных участников. Затем описать ее в понятных терминах. После этого, когда социальное движение уже стало известным, происходит привлечение наиболее активных людей, которые будут работать в этом движении относительно постоянно. У движения может быть много сторонников, которые поддерживают его идеи, но они относительно пассивны. Такие люди обеспечивают движению общую поддержку. Лишь около 10% людей, симпатизирующих движению, систематически принимают участие в его акциях. Именно из этих людей формируется костяк движения. Это люди, которые организуют коллективные акции. Судьба движения во многом зависит от их активности. Толпа может стать одним из главных оружий в руках организаторов протестного движения, что в свою очередь опасно. Грамотное использование механизмов управления толпой, приведет организаторов протестного движения к достижению целей и интересов, в том числе к захвату власти.

Литература

- [1] Ахиезер А.С., Яковенко И.Г. Что же такое общество? // Общественные науки и современность. — 1997. — № 3. — С. 33.
- [2] Бакушев В.В., Гайдук В.В. Украинский кризис: уроки для России и партнеров // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2014. — № 3–4 (8–9). — С. 80–90.
- [3] Билецкий А. Запад — сдаст Украину ради бюргерского благополучия // АртПолитИнфо [Электронный ресурс]. — URL: <http://artpolitinfo.ru/andrey-biletskiy-zapad-sdast-ukrainu-radi-byurgerskogo-blagopoluchiya/> (дата обращения: 10.02.2015).
- [4] Волков Д. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестник общественного мнения. — 2012. — № 3–4 (113). — С. 147–148.
- [5] Дудчак А. Украина: оторвать от России любой ценой // Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период: сб. статей Международного авторского коллектива [Электронный ресурс]. — URL: http://www.invissin.ru/books/MURDER_DEMOCRACY_operation_CIA_post_Soviet_period/ (дата обращения: 11.01.2015).
- [6] Мамонов М. Протестное движение в России и российское общественное мнение: декабрь 2011 — май 2012 // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспектива». — 2012. — 11 июня. — URL: http://www.perspektivy.info/book/protestnoje_dvizhenije_v_rossii_i_rossijskoje_obshhestvennoje_mnenije_dekabr_2011__maj_2012_2012-06-11.htm (дата обращения: 18.02.2015).
- [7] Нигматуллина Т.А. Политические настроения российской молодежи как индикатор демократии // Перспективы науки. — 2013. — № 8. — С. 209–213.
- [8] Опрос ФОМ. В. Путин: рейтинг, отношение, оценки работы. Индикаторы отношения к главе государства [Электронный ресурс]. — URL: <http://fom.ru/politika/10946.11/04/2015>. Дата обращения: (11.04.2015).
- [9] Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. — 2012. — № 2. — С. 56.
- [10] Сорокина Г. НАТО подготовилось к крупномасштабной войне против России? // Аналитика: Каталог статей, 2012 [Электронный ресурс]. — URL: http://antinato.ucoz.ru/publ/analitika/nato_podgotovilos_k_krupnomasshtabnoj_vojne_protiv_rossii/2-1-0-15 (дата обращения: 12.02.2015).
- [11] Яницкий О. Протестное движение 2011–2102 гг.: некоторые итоги // Власть. — 2013. — № 2. — С. 18–19.

GOLOVKO Yulia Markovna,
Candidate of Historical Sciences, Doctoral Candidate
of the National and Federal Relations Chair,
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow
e-mail: fom16@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES "RUSSIAN DREAM" FOR YOUTH OR IS THERE A NEED TO PARTICIPATE IN THE PROTESTS?

Social movements — one of the forms and the driving forces of the historical process. But at the same time, this process is itself a macrosocial movement in which current policy is playing an increasing role. Therefore, all levels and forms of mass social movements — local, national and transnational — can be both agents and contractors of the global political process. The protest movement in this sense — is no exception. This article discusses the basic fundamental principles of the protest movement in Russia, which directly affect the youth consciousness. In this connection, it will debunk the myth that the Russian government and civil society are antagonists.

Key words: young people, the state, civil society, protest, "color revolutions" political regionalism and ethnic policies.

References

[1] Akhiezer A.S., Yakovenko I.G. Chto zhe takoe obshchestvo [What is Society?] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Science and Modernity]. — 1997. — No. 3. — P. 33.

[2] Bakushev V.V., Gaiduk V.V. Ukrainskiy krizis: uroki dlja Rossii i partnerov [Ukrainian Crisis: Lessons for Russia and Partners] // Evrazijskij Sojuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij [Eurasian Union: issues of international relations]. — 2014. — No. 3–4 (8–9). — Pp. 80–90.

[3] Biletsky A. Zapad — sdast Ukrainu radi byurgerskogo blagopoluchija [West — surrender for the sake of Ukraine] // ArtPolitInfo [Elektronnyj resurs] [ArtPolitInfo] [Electronic resource]. — URL: <http://artpolitinfo.ru/andrey-biletskiy-zapad-sdast-ukrainu-radi-byurgerskogo-blagopoluchija/> (reference date: 02.10.2015).

[4] Volkov D. Protestnoe dvizhenie v Rossii glazami ego liderov i aktivistov [Protest Movement in Russia through the Eyes of Its Leaders and Activists of Public Opinion] // Vestnik obshchestvennogo mnenija [Bulletin of Public Opinion]. — 2012. — No. 3–4 (113). — Pp. 147–148.

[5] Dudchak A. Ukraina: otorvat' ot Rossii ljuboj cenoy [Ukraine: tear away from Russia at any cost] // Ubijstvo demokratii: operacii CRU i Pentagona v postsovetiskij period: sb. statej Mezhdunarodnogo avtorskogo kolektiva [The Killing of Democracy: the Operation of the CIA and the Pentagon in the Post-Soviet Period: articles of the International team of authors] [Electronic resource]. — URL: http://www.invisin.ru/books/MURDER_DEMOCRACY_operation_CIA_post_Soviet_period/ (reference date: 01.11.2015).

[6] Mamonov M. Protestnoe dvizhenie v Rossii i rossijskoe obshchestvennoe mnenie: dekabr' 2011 — maj 2012 [Protest Movement in Russia and the Russian Obshchestvennoe mnenie: December 2011 — May 2012] // Setevoe izdanie Centra issledovanij i analitiki Fonda istoricheskoy perspektivy "Perspektiva" [Network edition Research Center analysts and Historical Perspective Foundation "Perspective"]. — 2012. — June 11. — URL: http://www.perspektivy.info/book/protestnoje_dvizhenije_v_rossii_i_rossijskoje_obshchestvennoje_mnenije_dekabr_2011__maj_2012_2012-06-11.htm (reference date: 02.18.2015).

[7] Nigmatullina T.A. Politicheskie nastroyeniya rossijskoj molodezhi kak indikator demokratii [The Political Mood of the Russian Youth as an Indicator of Democracy] // Perspektivy nauki [Prospects of Science]. — 2013. — No. 8. — Pp. 209–213.

[8] Opros FOM. V. Putin: rejting, otnoshenie, ocenki raboty. Indikatory otnosheniya k glave gosudarstva [FOM survey. Vladimir Putin: rate, ratio of performance. Indicators related to the head of state] [Electronic resource]. — URL: <http://fom.ru/politika/10946.11/04/2015> (reference date: 04.11.2015).

[9] Ponomareva E.G. Sekrety "cvetnyh revoljucij". Sovremennye tehnologii smeny politicheskikh rezhimov [Secrets of "Color Revolutions". Modern Technologies Change of Political Regimes] // Svobodnaja mysl' [Free Thought]. — 2012. — No. 2. — P. 56.

[10] Sorokin G. NATO podgotovilos' k krupnomasshtabnoj vojne protiv Rossii? // Analitika: Katalog statej, 2012 [NATO prepared for a large-scale war against Russia? // Analytics: Catalogue of articles, 2012] [Electronic resource]. — URL: http://antinato.ucoz.ru/publ/analitika/nato_podgotovilos_k_krupnomasshtabnoj_vojne_protiv_rossii/2-1-0-15 (reference date: 02.12.2015).

[11] Janicki A. Protestnoe dvizhenie 2011–2102 gg.: nekotorye itogi [Protest Movement 2011–2102: Some Results] // Vlast' [Power]. — 2013. — No. 2. — P. 18–19.

УДК 323.1

АМИНОВ Ильдар Ринатович,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры государственного права Института права
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет, г. Уфа
e-mail: aminov76@mail.ru

МАТЕРИАЛЬНЫЕ И НАДМАТЕРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В современном обществе наряду с процессами глобализации и урбанизации растут риски региональных конфликтов. В основе любого регионального конфликта лежат факторы, обусловленные экономическими, политическими, социальными причинами неравномерного распределения доли общественных благ между социальными группами региона. В тоже время для возникновения конфликта решающую роль играют надматериальные факторы, которые могут быть использованы как региональной элитой, так и внешними силами для дестабилизации регионального пространства.

Ключевые слова: регион, риск, федерализм, конфликт, консенсус, этнос, конфессия.

Актуальность статьи обусловлена возросшим значением стабильности конфликтно-консенсусной ситуации внутри регионов, обуславливающей стабильное развитие государства. С ростом элементов информационного общества, усилением динамики коммуникационных связей растет и значение надматериальных факторов риска развития деструктивных процессов.

В риске внутрирегиональных конфликтов, как и в любом риске, по мнению Ульриха Бека, нашла «выражение существенная компонента будущего. Она основывается частично на продлении обозримых в настоящее время вредных воздействий в будущее, частично на всеобщей утрате доверия или на предполагаемом «возрастании риска» [6]. Незначительные события сегодня могут завтра стать серьезной проблемой. На риск дестабилизации воздействует одновременно несколько факторов, которые условно можно разделить на материальные и надматериальные, связанные с ценностями сообществ.

Мы считаем, что в основе любого регионального конфликта лежат объективные социально-экономические причины.

1. Экономический фактор. В любой стране развитие регионов происходит неравномер-

но. Есть регионы со сложившимися производственными комплексами или развитым сельским хозяйством, благоприятными для развития туризма природными условиями. Есть регионы, охваченные депрессией по причине отсутствия природных ресурсов, реструктуризации экономики страны или изменения климата. Если регион имеет меньшее, по сравнению с другими регионами страны экономическое развитие, если имеет место рост уровня безработицы, прежде всего, среди специалистов высокой квалификации, отсутствие перспектив для материального и морального развития жителей региона, то в совокупности эти объективные факторы могут привести к тому, что региональное сообщество ощущает себя «несправедливо обделенным» по отношению к национальному центру или соседним регионам. К экономическому фактору риска можно отнести также и воздействие крупных корпораций, работающих в данном регионе. Деятельность корпораций по снижению издержек и росту прибыли находится в противоречии со стремлением жителей региона к развитию социальной сферы и сохранению окружающей среды. Руководство корпорации может играть на противоречиях между частью жителей — работников корпорации и жителей региона,

заняты другой деятельностью. К экономической группе факторов риска дестабилизации относится и межрегиональная конкуренция. Неравномерность развития регионов: лучшие стандарты жизни, более высокий уровень оплаты труда, лучшие климатические условия или большая инвестиционная привлекательность приводят к миграции населения в более развитые регионы, что еще более увеличивает неравномерность развития. Надо принимать во внимание, что в первую очередь уезжают наиболее образованные и активные жители, которые могли бы принести данному региону наибольшую пользу. При невнимании к данным процессам может резко снизиться уровень компетентности жителей, что еще более усилит депрессивные тенденции в данном регионе.

2. Социальный фактор. Зачастую фактор ухудшения социальной среды связан с экономическим развитием. Но в некоторых случаях мы наблюдаем ухудшение положения отдельных социальных групп и на фоне общего экономического роста. В информационном обществе это группа индустриальных рабочих предприятий с устаревшей номенклатурой товаров или устаревшей технологией, не выдержавших конкуренцию со стороны глобальных корпораций. Даже при условии дотаций от национального, наднационального или глобального центра напряжение в регионе будет сохраняться. Сецессионные настроения могут быть и в наиболее успешном с экономической точки зрения регионе. Некоторые сообщества Квебека, Каталонии считают, что «кормят неудачников». Стоит также напомнить, что в конце 80-х годов такие настроения присутствовали практически во всех регионах СССР.

3. Политический фактор. В государстве, независимо с федеративным или унитарным устройством, Центр забирает себе ряд полномочий и ресурсов для их осуществления. В тоже время в регионах формируется своя промышленная, финансовая, а также политическая элита, связанная с сообществами региона. Противоречие элит «центр» — «регион» может не проявляться в стабильное время, но в период кризиса может усилиться [3].

Желание элиты получить больше ресурсов, прежде всего в системе управления, стимули-

рует опору на сецессионные силы региона с использованием исторического, этнического или конфессионального фактора для мобилизации части населения на различные протестные акции. Опасность политического фактора еще и в том, что мнение политически-ориентированных групп, как правило, не отражают, либо отражают не в полной мере желания и потребности всего общества. Апеллируя к ценностям и символам части сообществ, используя нематериальные факторы, группа элит инициирует гражданскую активность, выдавая ее за желание всего общества, сама же оставаясь вне публичного поля.

Как ни парадоксально, но чем менее выражены объективные материальные причины риска по отношению надматериальным, тем более велик риск дестабилизации региона. Конечно, в основе любого социально-политического процесса лежат объективные материальные причины, обуславливающие деятельность различных социальных групп в их взаимосвязи. Но сами по себе материальные издержки сегодняшнего дня могут быть осознаны лишь как временные, не экстраполируемые в будущее, в то же время как осознанный негативный символ — несут высокую степень риска. К надматериальным факторам относятся:

1. Фактор исторического наследия. За века обозримого исторического прошлого всегда можно найти эпизод, оставшийся в коллективном сознании как негативный или позитивный [4]. Диалектика исторического развития данного региона отражается во взгляде на настоящее. «Мы могли бы жить лучше, если бы...». Далее может следовать любой исторический факт. Для начала деструктивных процессов нет разницы, произошел этот факт в недавнем прошлом или тысячу лет назад. Коллективное сознание воспринимает символ события в том виде, в котором он отразился в коммуникационном коде под влиянием ценностей сообщества. Объективные факты реального исторического события тут роли не играют. Сообщество в любом случае из всей массы фактов воспримет только те, которые соответствуют их ценностям, и отринет факты их ценностям противоречащие [1].

Это происходит по ряду причин. Во-первых, воздействие на общество любого историче-

ского события не однозначно позитивное либо негативное. Так же как реальную личность не всегда возможно идентифицировать как «героя» или «злодея». Окончательный вердикт общество ставит через некоторое время. Чем более активно сообщество, тем более эта точка зрения ближе к конвенциональному общественному признанию.

Во-вторых, историческое событие воспринимается как символ — симулякр, основанный на ценностях сообщества.

В-третьих, историческое событие можно представить как причину сегодняшнего состояния дел. При этом классическая ошибка логики «post hoc ergo propter hoc» [После этого = значит из-за этого] воспринимается в прямом смысле, как наиболее предпочтительное обоснование вины стороннего лица в сегодняшнем состоянии.

В-четвертых, если мы говорим о риске, как об экстраполяции сегодняшних тенденций в будущее, то по отношению к историческому факту актор находится в будущем и любое событие можно экстраполировать на настоящее время. В связи с чем риск дестабилизации резко возрастает.

2. Этнический фактор. Регионы возникли по большей части как гомогенные моноэтнические образования на основе места компактного проживания племен и племенных союзов. Глобализационные процессы повысили мобильность населения, а возникающие по различным причинам миграционные волны, в реальности разрушили региональную моноэтничность. Само по себе проживание людей различных этносов на территории одного района не несет дополнительных рисков, но только тогда, когда у большинства политически активного населения этнические ценности не превалируют над интересами общества в целом [7]. В этом случае время совместного проживания большого значения не имеет. Могут смениться несколько поколений, пройти десятки лет совместного проживания разных этносов на одной территории, и за несколько месяцев может вспыхнуть межэтнический конфликт, переходящий в гражданскую войну либо в «холодное» многолетнее противостояние. При этом часть жителей, представляющих более многочисленный этнос, позициониру-

ет себя как «местные», «коренные», тогда как меньшинство определяется как «пришлые». Процесс может стать и обратным, когда со временем «пришлые» становятся влиятельной силой. Примером может служить поселения албанцев на Косовом поле (Косово) во второй половине XX века. Изначально это были поселенцы из Албании на землях, оккупированных фашистской Италией. Малочисленные вначале албанцы стали численным большинством, а затем и мощной сепаратистской силой, образовав в итоге собственное государство на оккупированных территориях Сербии. По данным известного исследователя, руководителя Центра по изучению современного балканского кризиса Института Славяноведения РАН Е.Ю. Гуськовой [10] процесс сецессии был поддержан США и Европейским союзом и окончился полным захватом региона албанцами, изгнанием десятков тысяч сербов, убийствами и грабежами.

Надо признать, что межэтнические конфликты в конце XX — начале XXI века приобрели особую остроту и сопровождаются крайней жестокостью по отношению к мирному населению [5]. Все это происходит на фоне открытой поддержки одной из сторон более крупными странами, решающими свои внешнеполитические локальные или глобальные задачи. Этнический фактор играет роль и в процессе национального строительства, которое предполагает для элит перераспределение ресурсов в пользу бывшего региона — признанного или непризнанного государства, а для части обществ — надежду на открытие новых социальных лифтов, позволяющих занять более высокое положение в обществе при меньшей конкуренции. При этом возможно использование такого инструмента как политическая медиация [9], позволяющего добиваться стабилизации деструктивных процессов мирными средствами.

3. Религиозный фактор. Футурологи XX века считали, что к началу XXI в. человеческое общество будет практически полностью секуляризованным и религиозное сознание будет характерно для абсолютного меньшинства населения. В течение всего XX в. количество верующих людей постоянно снижалась. Однако, в начале XXI в. наблюдается рост доли рели-

гиозных людей [12]. При этом темпы прироста в России даже выше, чем в мире в целом. За период с 2001 по 2012 год количество людей, причисляющих себя к православным, выросло с 50 до 70%, а к исламу — с 4 до 7%. Значительно снизился процент людей, считающих себя нерелигиозными, и до уровня статистической погрешности снизилось число людей, затруднявшихся ответить. В то же время российская исследовательская структура «Ромир» проводила опрос на ту же тематику в январе 2012 г. на территории России в рамках проекта Gallup International/WIN «Глобальный Барометр Надежды и Отчаяния» [13]. В результате исследования выявлено, что доля религиозных людей в России составляет около 55% от числа опрошенных, и с начала XXI в. снизилась на 2%, а доля атеистов выросла на ту же величину [11].

Столь значительная разница результатов исследований двух столь уважаемых и профессиональных исследовательских центров состоит в различии самоидентификации человека как представителя религиозной общины и как исповедующего определенную религию. Существует определенное отграничение между этими ценностями, связанное с ростом образования и благосостояния. Примицание к одной из конфессий в динамично меняющемся информационном обществе становится существенным вопросом увеличения коммуникационных связей человека за счет стабильно существующего сообщества со сложившейся символикой, коммуникационными кодами, идеями и идеалами. Этот феномен впервые был выявлен Максом Вебером в работе «Die protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus» (Протестантская этика и дух капитализма). Изучая особенности жизни американских переселенцев протестантского вероисповедания, он выявил, что принадлежность к определенной конгрегации дает возможность воспользоваться моральной поддержкой общины при ведении финансовой и хозяйственной деятельности. По мнению М.Г. Бреслера в данном случае проявлялась «сетевая солидарность, которая не подразумевает непосредственного получения благ после акта взаимопомощи, также «как и банкир в Северной Америке в XIX веке помогал

безвестному ремесленнику или фермеру, не ожидая получения каких-либо благ от известных и зажиточных членов той же конгрегации. Но вступив в сетевую коммуникацию в сетевом сообществе, он способствовал его [сообществу] развитию и получал блага... в виде роста доверия [к нему самому и его банку] и социального капитала» [8]. Принадлежность к сообществу, к религиозной общине усиливает коммуникационные связи и возможности сетевой солидарности, что особо проявляется, например, в мусульманских и иудейских религиозных общинах, где процесс взаимопомощи и взаимодействия членов общины описан и регламентирован традициями и обычаями, имеющими в ряде стран силу закона. Стоит упомянуть о «мусульманском кредите» или о традиции безусловного предоставления шанса на работу члену иудейской общины. Конечно, и вопрос кредитования, и вопрос трудоустройства в современном обществе не зависят только от самоидентификации человека или его укорененности в религиозной общине. Но при прочих равных условиях работник — член религиозной общины надеется на некие преференции от работодателя — члена того же сообщества.

Итак, самоидентификация в качестве члена религиозного сообщества повышает коммуникационные возможности человека и позволяет воспользоваться сетевой солидарностью, что крайне важно в период трансформации социального пространства. Но немаловажно и наличие в религии определенного набора легко воспринимаемых символов, кодов, а также формальных законов, позволяющих сузить необходимость выбора, что также позволяет интенсифицировать информационный обмен, прежде всего в религиозных сообществах, что интерпретируется в публицистической литературе как «заполнение духовной пустоты».

Этим мы объясняем парадоксальную ситуацию роста доли людей с религиозной самоидентификацией, коррелирующую с ростом информационного общества, развитием информационно-коммуникационных технологий и повышением уровня образования. Понимание трансформации коммуникационного процесса можно распространить и на

другие надматериальные факторы риска — исторический и этнический, так как все нематериальные факторы взаимосвязаны [2]. Преобладание одного из них является следствием вариативности конкретного процесса в конкретном месте. Так упомянутые события в Ферганской долине, также как и в Косово, были спровоцированы в первую очередь этническим фактором, сецессионные процессы в Шотландии и Каталонии активизированы фактором исторического наследия, а гражданская война в Сирии идет под влиянием религиозного фактора.

Надматериальные факторы риска дестабилизации регионального пространства управляемы с помощью современных информационных технологий. Анализируя различные этно-политические конфликты мы приходим к выводу, что основная причина роста риска этно-политического конфликта обусловлена невниманием, пренебрежением центральной власти к надматериальным факторам риска, блокированием или снижением динамики информационного обмена в коммуникационной сети как внутри региона, так и по стране в целом.

Литература

- [1] *Аминов И.Р.* Критика структурного функционализма в урегулировании этнополитических конфликтов // Этносоциум и межнациональная культура. — 2014. — № 7. — С. 122–128.
- [2] *Аминов И.Р.* О фундаменте национальной безопасности России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2015. — № 2 (27). — С. 56–62.
- [3] *Аминов И.Р.* Роль СМИ в урегулировании этнополитических конфликтов // Этносоциум и межнациональная культура. — 2014. — № 11 (77). — С. 16–22.
- [4] *Аминов И.Р.* Факторы региональной устойчивости межэтнических взаимодействий в республике Башкортостан // Вестник Башкирского университета. — 2015. — Т. 20. — № 2. — С. 691–695.
- [5] *Аминов И.Р.* Этнический фактор в современной России: проблемы национальности и языка // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2015. — № 1. — С. 116–121.
- [6] *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 383 с.
- [7] *Бреслер М.Г.* Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества. — Уфа: РИЦ БашГУ. 2014. — 174 с.
- [8] *Бреслер М.Г.* Социальная солидарность в информационном обществе // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 2 (69). — С. 178–179.
- [9] *Гайдук В.В.* Политическая медиация в этнокультурном и религиозном многообразии // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2015. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <http://etnopolitolog.ru/index.php/ru/soderzhanie-vypuskov/1-28-2015>
- [10] *Гуськова Е.Ю.* Балканские дороги и шальное бездорожье. — Saarbrucken: Lambert Academic Publishing, 2012. — 614 с.
- [11] Мир становится менее религиозным: международный опрос Gallup International/WIN в рамках исследования «Глобальный Барометр Надежды и Отчаяния» // Sociologos .ru [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Mir_stanovitsya_menee_religioznym_mezhdunarodnyj_opros_gallup_international_win
- [12] Религиозная вера в России // Levada.ru. — 2011. — 26 сент. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.levada.ru/2011/09/26/religioznaya-vera-v-rossii/>
- [13] *Терновая Л.О., Гайдук В.В.* Правовые новации и политическое поведение в свете глобального индекса надежды и отчаяния // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 10 (65). — С. 176–179.

AMINOV Ildar Rinatovich,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

Department of Public Law Institute of Law

Bashkir State University, Ufa

e-mail: aminov76@mail.ru

MATERIAL AND OVER THE MATERIAL RISK FACTORS OF REGIONAL ETHNO-POLITICAL CONFLICTS

In modern society, along with the processes of globalization and urbanization are growing risks of regional conflicts. At the heart of any regional conflict are factors caused material economic, political and social causes of the unequal distribution of the share of public goods between the social groups in the region. At the same time for conflict are crucial over the material factors that can be used as a regional elites and external forces to destabilize the regional space.

Key words: *region, risk, federalism, conflict, consensus, ethnicity, religious denomination.*

References

[1] *Aminov I.R. Kritika strukturnogo funkcionalizma v uregulirovanii jetnopoliticheskikh konfliktov [Criticism of Structural Functionalism in the Settlement of Ethno-political Conflicts] // Etnosocium i mezhnacional'naja kul'tura [Etnosocium and Ethnic Culture]. — 2014. — No. 7. — Pp. 122–128.*

[2] *Aminov I.R. O fundamente nacional'noj bezopasnosti Rossii [On the Foundation of National Security of Russia] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2015. — No. 2 (27). — C. 56–62.*

[3] *Aminov I.R. Rol' SMI v uregulirovanii jetnopoliticheskikh konfliktov [The Role of Media in the Settlement of Ethno-political Conflicts] // Etnosocium i mezhnacional'naja kul'tura [Etnosocium and Ethnic Culture]. — 2014. — No. 11 (77). — Pp. 16–22.*

[4] *Aminov I.R. Faktory regional'noj ustojchivosti mezhetnicheskikh vzaimodejstvij v respublike Bashkortostan [Factors of Regional Stability Interethnic Interactions in the Republic of Bashkortostan] // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]. — 2015. — V. 20. — No. 2. — Pp. 691–695.*

[5] *Aminov I.R. Jetnicheskij faktor v sovremennoj Rossii: problemy nacional'nosti i jazyka [The Ethnic Factor in Modern Russia: Problems of Nationality and Language] // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij [Questions of National and Federal Relations]. — 2015. — No. 1. — P. 116–121.*

[6] *Beck U. Obshhestvo riska: Na puti k drugomu modernu / per. s nem. V. Sedel'nika, N. Fedorovoj [Risk Society: towards a Different Modern / transl. from german by B. Saddlers, N. Fedorova]. — M.: Progress-Tradition, 2000. — 383 p.*

[7] *Bresler M.G. Social'nye seti i setevye soobshhestva informacionnogo obshhestva [Social Networks and Online Communities in the Information Society]. — Ufa: Publishing Center of the Bashkir State University, 2014. — 174 p.*

[8] *Bresler M.G. Social'naja solidarnost' v informacionnom obshhestve [Social Solidarity in the Information Society] // Evrazijskij juridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]. — 2014. — No. 2 (69). — Pp. 178–179.*

[9] *Gaiduk V.V. Politicheskaja mediacija v jetnokul'turnom i religioznom mnogoobrazii [Political Mediation in the Ethno-cultural and Religious Diversity] // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij [Questions of National and Federal Relations]. — 2015. — No. 1 [Electronic resource]. — URL: <http://etnopolitolog.ru/index.php/ru/soderzhanie-vypuskov/1-28-2015>*

[10] *Guskov E.Yu. Balkanskie dorogi i shal'noe bezdorozh'e [Balkan Road and Crazy off-road]. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. — 614 p.*

[11] *Mir stanovitsja menee religioznym: mezhdunarodnyj opros Gallup International/WIN v ramkah issledovanija "Global'nyj Barometr Nadezhdy i Otchajaniya" [The world is becoming less religious: an international survey of Gallup International / WIN in the study "Global Barometer of Hope and Despair"] // Sociologos.ru [Electronic resource]. — URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Mir_stanovitsya_menee_religioznym_mezhdunarodnyj_opros_gallup_international_win*

[12] *Religioznaja vera v Rossii [The Religious Belief in Russia] // Levada.ru. — September 26, 2011 [Electronic resource]. — URL: <http://www.levada.ru/2011/09/26/religioznaya-vera-v-rossii/>*

[13] *Ternovaya L.O., Gaiduk V.V. Pravovye novacii i politicheskoe povedenie v svete global'nogo indeksa nadezhdy i otchajaniya [Legal Innovations and Political Behavior in the Light of the Global Index of Hope and Despair] // Evrazijskij juridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]. — 2013. — No. 10 (65). — Pp. 176–179.*

УДК 329

ГИЛЬМАНОВ Виль Венерович,
аспирант ГБОУ ВО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан», г. Уфа
e-mail: Vil90@list.ru

ПАРТИИ КАК МЕХАНИЗМЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ И ЛИДЕРОВ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ И РЕЖИМАХ С КОНКУРЕНТНЫМИ ВЫБОРАМИ

Предложена классификация моделей партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в различных политических системах и режимах, обозначены факторы, структурировавшие появление различных моделей партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в демократических политических системах и режимах, обозначены общие признаки партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в демократических политических системах и режимах с многопартийными и конкурентными выборами.

Ключевые слова: партии, рекрутирование, правящие элиты, лидеры, модели партий, факторы формирования моделей партий, механизмы рекрутирования.

Мы полагаем, что в структурировании моделей партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров главную роль играют тип политической системы, тип политического режима, тип партийной системы и характер выборов (конкурентный/не конкурентный/с ограничениями конкуренции).

На основе этих критериев возможно выделение групп моделей партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров, складывавшихся в рамках политических систем и режимов различных типов.

При этом для конкретной группы политических систем и режимов, как правило, характерно наличие не одной модели партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров, а нескольких модификаций базовой модели, причинами появления которых являются различия в электоральных институтах (избирательные нормы, системы), в характере партийной системы (однопартийная либо многопартийная), в характере политического режима и его приоритетных задачах, в организационных моделях партий, в свою очередь, обусловленных социальными и социо-культур-

ными факторами формирования и функционирования партий [3, с. 432].

На основании этих критериев можно выделить:

– модели партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в демократических плюралистических системах с выборной конкуренцией в борьбе за власть, подчиненной конституционно закрепленным нормам и процедурам; в зависимости от организационной модели партии в этой группе моделей можно выделить: модель «кадровой партии» как механизма рекрутирования правящих элит и лидеров, модель «массовой партии», модель «народной партии»; в свою очередь, такие факторы как тип избирательной системы и тип партийной системы обусловили появление следующих модификаций партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров внутри моделей «кадровой», «массовой» и «народных» партий: модель «кадровой партии» в условиях двухпартийности, а также в условиях многопартийности, при выборах по системе большинства (США, Великобритания, консервативные партии во Франции); модель

«массовой партии» и модель «народной партии» в условиях многопартийных систем и выборов по пропорциональной системе; модель доминирующей партии в условиях многопартийных систем и смешанных избирательных систем (Япония);

– модели партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в недемократических системах советского типа с отсутствием конкурентных выборов, включая модель партии как механизма рекрутирования правящих элит и лидеров в режимах однопартийного правления (модель «партии-монополиста») и модель партии-рекрутера правящих элит и лидеров в формально многопартийных режимах (модель «партии-гегемона»);

– модели партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в модернизирующихся политических системах с гибридными политическими режимами (режимами соревновательного авторитаризма) [2, с. 231] с ограничением конкуренции в выборном процессе и с партийными системами с доминантной партией.

В развитых демократических государствах Европы и Северной Америки модели партий как механизмов рекрутирования политических элит и лидеров (модель «кадровой партии», модель «массовой партии», модель «народной партии» (современного варианта «партий-избирателей», партий-движений)) формировались естественным путем в среде гражданского общества в условиях сложившегося конституционного и институционального контекста либерально-демократических представительных политических систем для удовлетворения функциональных потребностей массовых и элитных акторов электорального процесса. Историческая эволюция этих моделей и появление новых разновидностей также осуществлялась «снизу» — по инициативе гражданских акторов политики, естественным путем адаптации партийных моделей к изменяющимся социальным и социо-культурным условиям общества.

Главным конституирующим фактором формирования моделей партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в условиях плюралистических демократических политических систем стран Западной Европы

и Северной Америки был фактор демократизма политической системы и режима, проявляющийся в разделении гражданского общества и государства, нейтралитете государства в электоральном процессе, выборном формировании власти и ее сменяемости, свободных выборах, свободе политических ассоциаций, и вытекающие из него практики острой конкуренции кандидатов, групп, партий за голоса электората на выборах.

Условия либерально-демократических политических систем обусловили появление моделей партий как механизмов рекрутирования политических элит и лидеров в форме автономных от государства «игроков» на электоральном рынке, в форме институционализированных гражданских посредников («брокеров») между «продавцами» политических услуг — кандидатами на выборные должности и «покупателями» — избирателями на электоральном рынке, в форме механизмов «приведения в соответствие предпочтений граждан и лидеров» [1, с. 231], отбирающих претендентов в элиту, исходя из их способности служить интересам граждан.

Автономная роль партий как рекрутеров правящих элит и лидеров с собственными интересами, стратегиями, ресурсами и роль посредника со стороны гражданского общества между избирателями и кандидатами в элиту — главная конституирующая характеристика всех партийных моделей рекрутирования правящих элит и лидеров в демократических, плюралистических политических системах с партийной выборной конкуренцией. Поэтому эти модели партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров можно назвать моделями «партий — автономных гражданских посредников между правящими элитами и избирателями».

Автономность электоральных стратегий партий в рекрутировании правящих элит и лидеров и посредническая роль партий между кандидатами и избирателями — следствия общественного самоорганизующегося способа их образования и функционирования, базовых конституционных принципов и политических практик либерально-демократической политической системы — разделения государства и гражданского общества, политической нейтральности

государства в выборном процессе, свободно-го характера выборов и равных ресурсных возможностей партий в выборах, главной роли избирателей как селектората в процессе выборов, зависимости достижения партиями своей главной цели — получения государственной власти — только от избирателей.

Кроме того, общими чертами партийных моделей рекрутирования правящих элит и лидеров в плюралистических системах с выборной конкуренцией в борьбе за власть являются следующие:

1) Относительно сбалансированное выполнение партиями всех своих системных функций как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров:

- формирования правящих элит и оппозиции через выборы с участием населения;

- обновления политической элиты и лидеров с целью улучшения их качеств, необходимых для управления государством и обществом;

- придания новых импульсов государственной политики в решении важных проблем развития государства и общества, в целях согласования общественных интересов и разрешения политических конфликтов;

- «создания и воссоздания после каждых выборов нормально функционирующей системы государственного и общественного управления» [4, с. 112];

- легитимации элит, лидеров-руководителей, органов государственной и местной власти и политической системы в целом;

- обеспечения связи между гражданами и элитами, лидерами;

- обеспечения подотчетности правящих элит и лидеров гражданам через выборную подотчетность (ответственность) самих партий перед гражданами за результаты своей рекруционной деятельности;

- обеспечения политической стабильности демократических политических систем.

2) Роль партий как главного механизма рекрутирования в рамках выборного канала при основной роли выборов в рекрутировании правящих элит и лидеров — государственных руководителей общенационального и субнационального уровней в ряду других каналов и способов попадания во власть.

Эта главная роль партий обеспечивается:

- институционализацией принципа открытой выборной конкуренции в форме партийной конкуренции в процессе формирования правящих элит и лидеров;

- укорененными историческими традициями и институционализированными политическими практиками партийности глав государств — президентов и премьер-министров;

- традициями партийного формирования состава правительства по итогам либо президентских, либо общенациональных парламентских выборов;

- значимой ролью парламентов в процессе принятия стратегических решений и выборным способом формирования депутатского корпуса;

- традициями партийного посредничества в подборе, выдвижении и продвижении кандидатов в элиту.

Роль посредника между избирателями и кандидатами в элиту в партийных моделях рекрутирования правящих элит и лидеров у западно-европейских и североамериканских партий складывается из отношений партий с соискателями властных должностей (кандидатами в элиту и на должности лидеров) и из партийных отношений с избирателями [5, с. 8–10]. Партийный посредник выгоден как кандидатам в элиту, так и избирателям.

Содержание партийных отношений с кандидатами — это услуги партии кандидатам по предъявлению их избирателям как партийных креатур и, таким образом, наделение кандидатов частью партийной репутации и имиджа; помощь кандидатам в продвижении партийным брендом, волонтерами и активистами; убеждение избирателей в профессиональных достоинствах кандидатов как представителей их интересов в системе власти и принятие на себя кандидатами обязанности перед партией реализовывать партийную предвыборную программу в случае избрания.

Содержание партийных отношений с избирателями — дача гарантий избирателям, что кандидаты, подобранные партиями, будут профессионально, эффективно и в интересах избирателей выполнять свои услуги по управлению государством и обществом, а также принятие партиями на себя политической ответ-

ственности за деятельность правящей элиты, рекрутированной партиями.

Ответственность партий перед избирателями за результаты своей рекрутерской деятельности — важная черта партийных рекрутерских моделей в демократических плюралистических системах с конкурентными выборами. Механизмом, обеспечивающим политическую ответственность партий-рекрутеров перед избирателями, является свободный, конкурентный характер выборов и механизм санкций со стороны избирателей по отношению к партиям в следующем электоральном цикле.

Каждая из партий-рекрутеров в демократических политических системах функционирует в условиях высочайшей конкуренции за поддержку избирателей и привлечение электорально привлекательных кандидатов. Условия жесткой конкуренции и вероятность последующих санкций со стороны избирателей при некачественном выполнении партиями рекрутерской функции заставляют партии, функционирующие по модели «автономного гражданского посредника»:

- отбирать кандидатов, разделяющих предпочтения граждан и обладающих необходимыми для выполнения своей работы навыками;

- использовать открытый характер рекрутирования и минимальное количество фильтров при отборе; подбирать партийных кандидатов из широкого бассейна рекрутирования; выдвигать от партии как кандидатов-членов партии, так и беспартийных; создавать при партиях и сотрудничать с большим числом «зонтичных» общественных организаций — профсоюзов, молодежных, женских — и включать членов этих организаций в состав партийных кандидатов;

- использовать в качестве критериев отбора профессиональные качества кандидата, умения коммуницировать с избирателями, понравиться им, дебатировать с оппонентами; Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон отмечают, что в отборе «наиболее важными факторами являются образование и опыт... Даже в левых партиях руководящие посты обычно занимают образованные специалисты, а не представители рабочего класса» [2, с. 307].

- использовать различные демократические внутрипартийные процедуры отбора

кандидатов, соединяющих выборы и кооптацию, а также конкурентные процедуры отбора кандидатов партиями типа открытых и закрытых праймериз, которые обеспечивают отбор наиболее конкурентоспособных и наиболее способных нравиться избирателям кандидатов;

- привлекать избирателей в качестве селектората для участия во внутрипартийных предварительных выборах кандидатов от партии.

Немаловажно, что в условиях свободных и конкурентных выборов и многопартийных систем роль механизма рекрутирования правящих элит и выборов реально играют несколько партий — от двух до семи-восьми, либо на общенациональном уровне эту роль выполняют две или «две с половиной партии», но на местном уровне и уровне провинций — эту роль крупные общенациональные партии делят с региональными партиями (Великобритания, ФРГ).

В демократических политических системах свою роль рекрутеров элит и лидеров партии реализуют в конкурентной борьбе и сотрудничестве друг с другом, что, накладываясь на многообразие избирательных систем и норм, объективно обуславливает множественность и разнообразие рекрутационных практик партий: электоральные союзы, соглашения по разведению партийных кандидатов по избирательным округам, формирование предвыборных коалиций и согласование коалиционных списков кандидатов, выдвижение кандидатов только в мажоритарных округах либо использование партиями рекрутационных практик и по мажоритарному сегменту, и по общенациональному округу.

В результате рекрутерской деятельности партий в развитых демократических политических системах правящие элиты регулярно обновляются, формируется полицентрический правящий класс — партийно и функционально структурированный, обладающий необходимыми профессиональными навыками для выполнения управленческих функций.

В свою очередь, общий ансамбль политических институтов демократических политических систем в виде сбалансированного разделения властей, конкурентных выборов, неза-

висимых СМИ, независимости судебной системы обеспечивает социальную ориентированность рекрутированных партиями элит и их подотчетность обществу.

Различия между модификациями модели «партии — автономного гражданского посредника» заключаются:

– в удельном весе выборных процедур и парламентских процедур в рекрутационной деятельности партии (в президентских республиках — большой удельный вес выборных процедур и процедур назначения президентом своей администрации из числа партийных сторонников, в парламентских республиках — и выборные, и парламентские, и процедуры назначения);

– в используемых процедурах отбора (в кадровых партиях — это одно и двухступенчатые процедуры отбора в форме закрытых внутрипартийных или открытых выборов с участием избирателей, в массовых партиях — это закрытые партийные процедуры отбора, часто кооптация);

– в различиях в партийных бассейнах рекрутирования, в различном характере связи кандидатов и партий, разной степени «проницаемости» партий для выходцев из низов общества (в кадровой модели кандидаты, как правило, институционально не связаны с партиями, при этом инициатива выдвижения исходит от кандидата, он предлагает свою кандидатуру партии, а партия на партийных кокусах, на праймериз отбирает, и одновременно партийные кадры работают с нотаблями, мотивируя их к избранию от партии, кадровые партии исторически продвигали во власть представителей элитных слоев общества и сейчас меритократический принцип отбора доминирует в партиях США и Великобритании); в массовой модели партии-рекрутера партия отбирает исключительно из членов партии и право выдвижения принадлежит партийным организациям низового уровня, собраниям членов партии различного уровня — от собрания низовой ячейки до партийного съезда; современные «партии избирателей» используют выдвижение как своих членов, так и беспартийных кандидатов, их бассейн рекрутирования кандидатов — элитные и средние слои общества, их электорат — средний класс;

– в роли и влиянии региональных отделений и низовых партийных организаций в подборе кандидатов и их выдвижении; в роли партийного аппарата в продвижении кандидатов в части составления партийных списков кандидатов, разбиения их на группы и привязке кандидатов к той или иной группе (в децентрализованных кадровых партиях главная роль в первичном подборе кандидатов у региональных организаций и низовых отделений, однако американские партии на окончательной стадии отбора выдвигающихся кандидатов уступают роль селектората избирателям и сторонникам; в британских партиях партия просто дает согласие кандидату на выдвижение под эгидой партии; в массовых партиях роль партийных организаций гораздо более существенна, чем в кадровых партиях, что проявляется в существенной роли региональных отделений и низовых партийных организаций в подборе кандидатов, их выдвижении на собраниях партийных ячеек, на партийных съездах, при этом в массовых партиях партийные списки кандидатов фактически составляет руководство партийного аппарата. При этом, как отмечает М. Дюверже, использование преференциальных избирательных систем позволяет несколько снизить влияние партийного аппарата на состав рекрутируемых партией потенциальных членов правящей элиты и повысить роль избирателей) [3, с. 435, 446].

– в роли партийных организаций в процессе продвижения кандидатов (в кадровых партиях партия отбирает и выдвигает, дает свой бренд, а финансирование кампании и продвижение кандидата — дело в самого кандидата и его команды; в массовых партиях — партия и отбирает, и выдвигает, и продвигает кандидата — разводит кандидатов по избирательным округам и оказывает кандидату программную, агитационную, информационную, организационную и финансовую помощь в ходе избирательной кампании, проводит массовые партийные мероприятия в поддержку кандидатов, учебу кандидатов и оказывает им политехнологическую помощь, партийный штаб играет центральную руководящую роль в избирательной кампании партии и кампаниях партийных кандидатов);

– в принципах составления партийных списков и критериях отбора кандидатов партиями (у кадровых партий главный критерий отбора — электоральная привлекательность кандидата, его способность победить, способность выполнять профессиональные функции члена правящей элиты; у массовых партий в критерии отбора входят: идеологическая общность партии и кандидата, приверженность кандидата партийной программе и взятие на себя обязанности ее отстаивать в случае избрания, «командность» кандидата — согласие «играть» по правилам партии, а принципом составления партийного списка является социальная представительность — для этого массовые партии часто используют квоты для женщин, молодежи; «партии избирателей» в качестве критериев отбора используют образование, опыт, способность победить в конкурентной борьбе).

Кроме того, существуют страновые разновидности партий как рекрутеров правящих элит и лидеров внутри «кадровой» модели партии-рекрутера, «массовой» модели партии-рекрутера, модели «народной партии».

Нужно отметить, что спецификой США является распространенность одной модели партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров — модели кадровой партии (в американской модификации «партии-избирательной машины»). В Великобритании существуют две британские разновидности модели партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров — модель Консерватив-

ной партии и модель Лейбористской партии с непрямым членством.

В то же время в странах континентальной Европы в пределах одной политической системы можно наблюдать случаи как однотипности модели партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров (модель «народной» партии в ФРГ, странах Бенилюкса, странах Северной Европы), так и одновременное существование различных моделей партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров.

Так в партийной системе Франции одновременно наличествуют партии, имеющие форму механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в виде модели массовой партии («левые») и в виде модели кадровой партии (консервативные «правые» партии).

Таким образом, политические системы западной демократии характеризуются разнообразием моделей партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров, адаптированностью этих моделей к социальным, социо-культурным, политическим и конкурентным условиям западных политий, «нацеленностью» партийных моделей на результат — формирование эффективных правящих элит и лидеров, способных профессионально и эффективно выполнять функции управления, согласовывать различные социальные и политические интересы в условиях гетерогенности общества и конфликтности интересов различных социальных групп.

Литература

- [1] Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 537 с.
- [2] Григорьева М. Институт выборов в авторитарных режимах: дискуссии в современной западной политической науке // Политическая наука. — 2012. — № 3. — С. 307–317.
- [3] Дюверже М. Политические партии. — М: Академический проект, 2002. — 560 с.
- [4] Исаев Б. Теория партий и партийных систем: учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 367 с.
- [5] Кац Р., Мэир П. Изменяющиеся модели партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий // Партии и выборы: Хрестоматия. — Ч. 1 — М.: ИНИОН, 2004. — 150 с.

GILMANOV Vil Venerovich,
postgraduate student,
the Bashkir Academy of Public Administration and Management
under Head of the Republic Bashkortostan, Ufa
e-mail: Vil90@list.ru

PARTY AS A MECHANISM OF RECRUITING THE RULING ELITE AND LEADERS IN DEMOCRATIC POLITICAL SYSTEMS AND REGIMES WITH COMPETITIVE ELECTIONS

The classification models of parties as a mechanism of recruitment of the ruling elites and leaders of different political systems and regimes, marked factors structured the emergence of various models of parties as a mechanism of recruitment of the ruling elites and leaders in a democratic political systems and regimes are identified common signs parties as a mechanism of recruitment of the ruling elites and leaders in democratic political systems and regimes with multiparty and competitive elections.

Key words: parties, recruitment, ruling elites, leaders, models of parties, factors of formation of models, a mechanisms of recruitment.

References

- [1] Almond G. Sravnitel'naja politologija segodnja: mirovoj obzor [Comparative Politics Today: a World Survey / G. Almond, J. Powell, C. Strom, R. Dalton]. — Moscow: Aspekt Press, 2002. — 537 p.
- [2] Grigoriev M. Institut vyborov v avtoritarnyh rezhimah: diskussii v sovremennoj zapadnoj politicheskoj nauke [Institute of Elections in Authoritarian Regimes: the Debate in Modern Western Political Science] // Politicheskaja nauka [Political Science]. — 2012. — No. 3. — Pp. 307–317.
- [3] Duverger's M. Politicheskie partii [Political Parties]. — M: Academic Project, 2002. — 560 p.
- [4] Isaev B. Teorija partij i partijnyh sistem: ucheb. posobie [Theory of Parties and Party Systems: tutorial]. — Moscow: Aspekt Press, 2008. — 367 p.
- [5] Katz R., Maier P. Izmenjajushhiesja modeli partijnoj organizacii i partijnoj demokratii: vozniknovenie kartel'nyh partij [Changing Patterns of Party Organization and Party Democracy: the Emergence of Cartel Parties] // Partii i vybory: Hrestomatija [Party and Elections]. — Part 1. — Moscow: INION, 2004. — 150 p.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

УДК 338.2(470)

ГАЙДУК Вадим Витальевич,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
эксперт Российского общества политологов,
e-mail: roprb2013@mail.ru

ЛУКЬЯНЦЕВ Андрей Сергеевич,
магистрант кафедры «Общая политология»
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
e-mail: lukyantsev.andrey@gmail.com

ЭКОНОМИКА И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ЧТО ГОД ТРИДЦАТЫЙ НАМ ГОТОВИТ? К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ 2030

Современная государственная политика России зачастую изобилует мыслями о победоносных решениях по различным проблемам: оборонно-промышленный комплекс, дипломатические отношения, но внутренний круг вопросов остается достаточно обширным. Социально-экономической сфере наносят серьезные удары как внутренняя несогласованность в видении будущего российской экономики, так и внешняя конъюнктура. Необходимость кардинальных перемен начертана серьезным проблемным полем, к тому же процесс долгосрочного планирования экономики в России подвергается серьезной критике за невозможность реализации многих положений. Не исключением стали Стратегии 2010, 2020 годов. В данной статье рассматривается коммуникационная повестка при разработке Стратегии 2030, так как информационное поле может выражать различные мнения и отношения политических акторов к принимаемому документу. В поле зрения авторов — определение будущности политических отношений в контексте стратегического планирования.

Ключевые слова: Стратегия 2030, Стратегия 2020, государственная экономическая политика, политические коммуникации, коммуникационный мейнстрим, делиберативная демократия, теория рационального выбора, неоинституционализм.

Могут ли люди планировать заблаговременно свою деятельность и совершать те поступки, которые они действительно хотят реализовать, а не следовать указаниям свыше и из ниоткуда? Вероятнее всего, что для каждого будет затруднительно дать ответ, так как с каждым днем становится труднее отождествлять конкретное событие, процесс и действие

с определенным человеком, локацией или эмоцией. Сегодня для нас скорее важны конкретные последствия, с которыми предстоит столкнуться в дальнейшем, при планировании следующих шагов. Соответственно такое положение дел характеризуется основополагающими ценностными ориентациями, системным видением тех или иных процессов. Зача-

стую мы смотрим назад и в стороны, как бы пытаюсь найти что-то одобряющее наши шаги в данном поле, так как процесс легитимации социального или политического действия происходит путем соприкосновения с такими категориями как «общественное мнение», «одобрение / неодобрение», «согласие / несогласие», «поддержка / блокирование» и др.

Особенности данного исследования позволят нам выявить, насколько временное взаимоотношение действий политических акторов, то есть будущность политического процесса в целом может зависеть от контекстуальных особенностей политических коммуникаций. В центре нашего внимания оказывается коммуникационная повестка дня, определяющая рамочные условия, в которых делается политика.

Если представить себе, что политическая деятельность сегодня будет возможна без всевозможных средств коммуникационного выражения, таких как средства массовой информации, Интернет сегмент, в частности социальные сети, то для нас само понимание политики представило бы ту сферу деятельности, которая укоренилась бы в ретроспективных тенденциях. Общественное обсуждение проблем в ходе публичных дебатов, голосование привычным образом, а если уходить еще дальше по времени — то вернемся к периоду прямого волеизъявления граждан, прямой, а не представительной демократии, что в итоге означало бы откат к античной модели реализации общественно-политической деятельности. В связи с этим можно говорить о том, что политический процесс сегодня — это сложная система опций, которая включает в себя множество системообразующих элементов, которые в свою очередь связываются через коммуникационную составляющую политической действительности.

Политическая повестка дня 2016 года по-прежнему изобилует докладами об успехах российской дипломатии на полях международных дискуссионных площадок: Украина, Сирия, Иран; вопросы обеспечения безопасности регионов, обладающих ядерным потенциалом и доставка гуманитарной помощи нуждающимся регионам: экологические проблемы и спортивные преграды. Все эти темы не сходят с но-

востных лент в настоящее время. Но при этом граждане России не должны в перманентной стадии думать о вопросах жизнеобеспечения в сирийских провинциях и других достаточно важных и глобальных дискурсах. Для обывателя вполне серьезными будут представляться темы, связанные с внутренней социально-экономической обстановкой, а точнее, что нас ждет завтра: какие будут цены на важнейшие продовольственные товары, лекарственные средства, топливо, стоимость услуг ЖКХ. В связи с этим важно понимание коммуникационных процессов, которые происходят внутри государства для более эффективного их решения.

Идеальное общество, описываемое Ю. Хабермасом, не может представлять сегодня, да и в ближайшем будущем, какое-то институциональное политическое образование, так как отсутствие независимого и относительно автономного гражданского общества не дает возможности качественно реализовывать дискурсивный аспект делиберативной демократии [12]. К тому же добавим, что сам по себе политический дискурс — это сложная по своей структуре коммуникации практика обращения идей, мыслей акторов политики, где каждый преследует собственные интересы. Они же, в свою очередь, далеки от идеализированного состояния, стремящегося к обеспечению «общего блага». Мы уже давно не живем во время Платона и Аристотеля, Т. Мора и Т. Кампанеллы, поэтому строить иллюзии о том, что в скором времени, а может быть и в прошлом (если говорить о ретроспективной утопии), мы сможем преодолеть существенные препятствия на нашем светлом пути и устремимся к новым, еще непокоренным, вершинам.

Совершенно отчетливо понимая, что нельзя добиться какого-либо идеализированного состояния политической общности, мы все же можем строить глобальные планы, стремиться к осознанию того, что в скором будущем появятся более отчетливые контуры государства, где каждый, или почти каждый, сможет жить в соответствии с представлениями о счастье и безмятежности.

Ясно, что политическая составляющая коммуникации в преддверии выборного цикла изобилует по-настоящему якобинскими

и марксистскими лозунгами о справедливости, равенстве и братстве, а также предоставлении всевозможного количества социальных благ, борьбе с угнетателями. Все это является хорошим коммуникационным средством, целью которого является максимальное сосредоточение внимания граждан на тех проблемах, которые их волнуют в первую очередь. Политические лозунги также имеют свойство растворяться в небытие, поэтому, по сути, ни одному современному демократическому государству не удается избавиться от якобинского коммуникационного «террора», его утопических взглядов [11]. Мы должны осознавать, что какими бы ни были наши идеализированные цели, они должны всегда быть более реалистичными, чем заветные мечты о всеобщем равенстве и справедливости. Сегодня важно исходить из контекста современной повестки дня: если в данный момент времени мы не можем каждому гражданину гарантировать максимальную стоимость услуг за ЖКХ по абсолютно приемлемым ценам для всех, то не стоит будоражить умы.

В рамках данной статьи перед нами стоит вполне конкретная задача — понять, возможно ли измерение политической коммуникации в аспекте определения будущности политической организации общества. Для того чтобы в наиболее репрезентативном виде представить решение поставленной проблемы, считаем возможным обратиться к кейсу грядущего принятия концептуальной карты на пути к «светлому будущему», имя которой Стратегия 2030 (Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года).

Первое, Д. Медведев в июле 2015 г. распорядился проработать вопрос создания рабочей группы, которая бы занялась разработкой нового плана будущего России, а именно Стратегии 2030. С этой целью «министр без портфеля» М. Абызов был наделен полномочиями по формированию группы экспертов, которая должна заняться «совместно с заинтересованными» министерствами подготовкой жизненно важного концептуального документа. Такое решение было принято по итогам проведения встречи в июле 2016 г. с участниками экспертного совета при Правительстве Российской

Федерации, посвященной развитию социально-экономического развития, финансового благосостояния.

Российское общество сегодня ждет от институтов власти и экспертного сообщества более-менее приближенного к истине проекта определения будущности отношений. Отмечается, что к концу 2016 г. должен быть подготовлен черновой вариант новой Стратегии. Но при этом в 2016 году в российской медиа-сфере мы не так часто слышим и видим информацию, которая касается определения перспективных аспектов работы экспертов. Видимо основная часть аналитиков, прогнозистов, журналистов сосредоточилась на обсуждении внешнеполитических успехов, а также грядущего Единого дня голосования 18 сентября.

Стратегия 2020, по замечаниям одного из авторов предыдущей версии прогностической карты В. Мау, является результатом «интеллектуального творчества экспертов», а вот вариант 2030 года — «это документ, прописанный в законе» [5]. Такое мнение приводит издание «Ведомости» в одном из июльских выпусков. Приведение аргументов в пользу обновленной версии 2030 года говорит о том, что новый и переработанный документ позволит непосредственным исполнителям, то есть чиновникам, преодолеть тот барьер, который был выстроен предшественниками — экспертами и «мечтателями о безоблачных небесах в России», писавшими Стратегию 2020.

Оценки действующих политических аналитиков и истеблишмента ограничиваются осторожным оптимизмом, так как сегодня просто нельзя переборщить и утонуть в изобилии экономического оптимизма, иначе ценность представляемого концептуального документа будет стремиться к нулю.

А. Улюкаев отмечает, что при правильной постановке целей и определении глобальных тенденций, рисков возможно избежать бесполезности, и тогда это планирование «позволит нам принимать верные решения и не принимать решения неверные» [8], — такие нетривиальные мысли были высказаны главой Минэкономразвития в ходе «Гайдаровского форума» в начале 2016 года. А. Силуанов говорит о том, что важно не наступить на грабли заново и не стремиться к изобретению велосипеда, так

как «сейчас необходимо принять продуманные меры в этом направлении и при этом избежать ошибок, допущенных при разработке стратегических документов прошлых лет» [7].

Второе, в мыслях главных экономистов России мы видим корни рационального мышления, чего, по всей видимости, иногда не хватало отраслевым финансовым группам до последнего времени. Применение на практике теории рационального выбора, а также вытекающей из нее модели неоинституционализма при формировании политической повестки дня является необходимым в условиях кризисного периода в структуре социально-экономических отношений.

Рационализаторский путь выстраивания новой российской мечты на ближайшие 14 лет, как видно, будет лишен излюбленных россиянами воздушных замков несбыточности. Справедливо будет сказать, что сама по себе внутренняя конъюнктура социально-политических отношений сегодня идет по пути самоочищения и стремления к внедрению в практику делиберативных (совещательных) процедур демократической политической системы. Гайдаровский форум 2016 года смог немного прояснить ситуацию, которая складывается вокруг разработки Стратегии: однозначно экспертами и топ-менеджерами российского государственного корпуса было признано, что ошибки при предыдущих планированиях были, и что обновленная версия подлежит корректировке с учетом временного показателя. Следующей дискуссионной площадкой, связывающей разработку программного документа, стал Красноярский экономический форум (КЭФ) 2016 года. Его основной темой стало стратегическое планирование экономики России до 2030 года.

Заместитель министра экономического развития Российской Федерации О. Фомичев отметил, что образ России 2030 будет сформирован не в стилистике «дежурного документа», а вполне правдоподобной концепции будущности экономики, политики, социальной ответственности государства. К тому же на КЭФ неоднократно обсуждалась мысль о том, что ревизионистская Стратегия будет включать в себя не только прогнозы и расчеты по экономике и финансам. Она затронет «задачи по

обеспечению высокого уровня общественной безопасности личности, безопасности общества и безопасности государства в целом» [6]. Как видно из заключения М. Абызова, вышедший истеблишмент собирается сделать упор на то, что не экономикой един российский народ. К этому добавляется колоссальный тренд обороны и безопасности, как внутренней (безопасность личности), так и внешней (государства). Не будем утверждать, что мы удивлены такой риторикой. Отнюдь, было бы странно, если бы концепт безопасности не озвучивался действующими представителями государственного корпуса, так как борьба с международным терроризмом, стремление к совершенствованию в эпоху реализации попыток изоляции России являются направлениями, которые мы охарактеризуем как *коммуникационный мейнстрим* [*мейнистрим — основное направление, отличающееся своей сосредоточенностью и устремленностью. При дословном переводе с английского mainstream — основное течение, то есть главная линия, стратегия*].

Коммуникационный мейнстрим 2016 года — это совокупность информации, которая максимально дистанцирует нас от сверхъестественного в политической повестке дня и возвращает нас к более приближенным реальностям: невыплата заработной платы, повышение тарифов ЖКХ, платежи за капитальный ремонт, ремонт и строительство дорог, продовольственные товары, лекарственные средства, продукцию сельского хозяйства. Подтверждением данного тезиса является тематика вопросов, задаваемых гражданами Российской Федерации Президенту В. Путину в ходе Прямой линии 2016 года. Естественно, путь будущности политических отношений в федеративном государстве определяется не только социальным настроением граждан, но и тем, как основные политические акторы реагируют на существующие вызовы современности. Таким образом сочетание коммуникационной повестки политики соотносится с определением доверия к власти, подходами к общественному обсуждению проблем и др.

Будущность политических отношений сегодня определяется принципами легитимации деятельности высшего истеблишмента по отношению к своим гражданам. В целом можно

заклучить Стратегию 2030 в контекст политического бренда, который является работающим инструментарием на конкурентоспособность, о чем свидетельствуют работы К. Динн и В. Олинс (Dinnie K, Olins W.) [10]. Для Ж. Делеза (Deleuze G.), вслед за Ж. Бодрийяром (Baudrillard J.), симулякр представляется определенным брендом, который является «изображением, лишенным сходства... подобия» [1].

Российские исследования в основном определяют «политический бренд» как некий диалог между потребителем и заказчиком. В ходе него политический продукт представляется символической конструкцией, то есть образом, обеспечивающим взаимодействие акторов политики [2]. «Политический бренд», как мы можем понять, есть система структурированного высвобождения образа политика и консьюзмеризации его свойств. Поэтому коммуникационный мейнстрим выстраивается вокруг политического бренда Стратегии 2030, который на данный момент уже олицетворяет собой документ, написанный «не для слова, а для дела», в который поверят граждане России.

В целом, говоря о коммуникационном аспекте создания и реализации Стратегии 2030, мы можем дать научно-экспертный прогноз, ответив на вопрос, чего нам ждать? В рамках данной статьи мы привели аргументацию, исходящую из нескольких методологических компонентов, согласно которым может быть проработана концептуальная версия социально-экономического развития России:

– Теория рационального выбора и неинституционализм. Выбор в пользу этих методологических направлений обусловлен социально-экономическим контекстом развития российского сообщества, так как пришло время государству брать на себя ответственность за принятие квалифицированных политических решений. Сегодня нельзя уповать на скачок цены на нефть и возврат к сырьевой экономике, к тому же в последние годы нас уверенно убеждают о том, что Россия должна слезть с «нефтяной иглы». Этим обусловлен поиск путей сокращения транзакционных издержек, а также соотношения игры с ненулевой суммой, где все заинтересованные акторы (государство и граждане) должны получить максимальную выгоду с минимальной потерей ре-

сурсов является если не необходимой, то рекомендуемой парадигмой. Важно максимально дистанцироваться от иррационального поведения и стремиться к овладению рациональным аппаратом принятия решения, поэтому «отключение» эмоционального фактора является жизненно важным аспектом. Решения в политике должны носить в себе нормативные основы в подходе к управленческому циклу, что является серьезным шагом для прихода к истине в вопросе стратегического планирования политики и экономики.

– Теория делиберативной (совещательной) демократии. Необходимость применения подобной теории кроется в том, что российское сообщество устремилось к максимальному удовлетворению своих социально-политических потребностей через вступление в многочисленные общественные советы при органах исполнительной власти как на уровне субъектов Российской Федерации, так и федерального центра. Добавим к этому, что и муниципалитеты подхватывают подобную ориентированность на максимальную открытость, что может позитивно отразиться на коммуникационном мейнстриме всех игроков политического рынка. Делиберативная демократия в представляемом нами контексте говорит о возможности презентации интересов. По мысли Й. Когена оценки должны опираться на интерпретацию потребностей и дополнительных политических установок [9]. В связи с обозначенным тезисом не лишним будет обратиться к идеям К. Риппе, который утверждает следующее: «Понятие делиберативной демократии укоренено в интуитивном идеале демократической ассоциации, в котором оправдание правил и условий ассоциации происходит посредством публичного аргумента и рефлексии между равными гражданами» [13].

На основе вышеуказанных тезисов не будем делать однозначные выводы, так как и теория рационального выбора, и делиберативная (совещательная) демократия не являются идеальными формами реализации современной публичной политики, а также ее исследования. Здесь же нельзя не сказать о том, что обращение к подобным теориям, возможно, позволит избежать идеализированного вос-

приятия действительности, о котором мы говорили выше. Конечно, сейчас коммуникационная повестка по вопросу определения роли и места Стратегии 2030, по всей видимости, освобождается от оков предыдущей версии, но как бы ни старался действующий состав правительственных групп, данный документ не в состоянии сейчас решить всего круга проблем, окутавших российскую политическую и экономическую системы.

Научно-экспертное политологическое сообщество получило дополнительную мотивацию исследования обсуждаемой темы также за счет того, что экс-министр финансов Российской Федерации А. Кудрин принял предложение возглавить совет Центра стратегических разработок (ЦСР), о чем стало известно 20 апреля 2016 года [3–4]. Основной задачей ЦСР провозглашается разработка стратегических документов, связанных с всесторонним развитием России.

В целом, мы видим, что ситуация, которая складывается вокруг нового экономического плана весьма неоднозначная: существует видение вполне обыденного процесса, так как варианты «тучных нулевых» явно не являлись образцами эффективного социально-экономического и политического планирования. Но все же, несмотря на суровую критику с различных позиций Стратегии 2020, принятие варианта 2030 года уже называют прорывным и ключевым, так как государство признает, что ошибки были и их нужно исправлять.

Литература

- [1] Делёз Ж. Платон и симулякр // Новое литературное обозрение. — 1993. — № 5.
- [2] Казимирчик Л.В. Политический бренд в условиях медиатизации и виртуализации современной публичной политики // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 13.
- [3] Кудрин заявил, что не будет писать экономическую программу для Кремля [Электронный ресурс]. — URL: <http://ria.ru/economy/20160412/1408871912.html> (дата обращения: 21.04.2016).
- [4] Кудрин станет председателем совета Центра стратегических разработок [Электронный ресурс]. — URL: <https://lenta.ru/news/2016/04/20/kudrinagree/> (дата обращения: 21.04.2016).
- [5] Стратегия для России // Ведомости. — 2015. — № 3877. — 21 июля.
- [6] Стратегия 2030: куда же мы плывем? [Электронный ресурс]. — URL: http://www.stoletie.ru/fakty_i_kommentarii/strategija-2030_kuda_zhe_my_plyvom_583.htm (дата обращения: 01.04.2016).
- [7] Стратегия 2030: определение целей и приоритетов [Электронный ресурс]. — URL: <http://open.gov.ru/events/5514805/> (дата обращения: 01.04.2016).
- [8] Улюкаев А. Период невысоких цен на сырье будет очень длинным [Электронный ресурс]. — URL: <http://economy.gov.ru/mines/press/official/2016130101> (дата обращения: 01.04.2016).
- [9] Cohen J. Deliberation and Democratic Legitimacy, in *The Good Polity: Normative Analysis of the State* / ed. by Alan Hamlin and Phillip Petit. — New York: Blackwell, 1989.
- [10] Dinnie K. Nation Branding. Concepts, Issues, Practice. — Butterworth Heinemann, 2007.

Работа над долгосрочным планированием в 2015–2016 гг. говорит о всестороннем подходе, исключая эмоциональный детерминизм «нефтяного проклятия», слепое движение за западными партнерами и др. Подключение к процессу выработки положений новой «карты успехов» России не только экспертов, но и действующего истеблишмента говорит о существенном развороте государственной политики в сторону максимизации полезности, снижения транзакционных издержек (о чем нам собственно говорит теория рационального выбора).

Возвращаясь к основному вопросу, который был поставлен нами в начале рассуждения, мы приходим к выводу о том, что сама по себе будущность политических отношений серьезно навязывается коммуникационным посылом, вызовами, которые готовят нам действующие политические лидеры. Кейс Стратегии 2030 позволил нам, хоть и не в полном виде, но все же понять, что государственная политика зачастую определяется коммуникационными мейнстримами, которые формируют те или иные ориентации политической практики в государственном измерении.

Однозначно сказать, что политическая практика коммуникационного взаимодействия ради определения будущей отношений акторов является эффективной на примере одного процесса нельзя, но все же мы попробовали приоткрыть завесу данной исследовательской тайны.

[11] Eisenstadt S.N. The Paradox of Democratic Regimes: Fragility and Transformability // Sociological Theory. — 1998. — Vol. 16, — No. 3.

[12] Habermas J. Between Facts and Norms. — Cambridge, ma: The mit Press, 1996.

[13] Rippe K.-P. Ethikkommissionen in der deliberativen Demokratie / M. Kettner (Hrsg.) // Angewandte Ethik als Politikum. — Frankfurt, 2001.

GAIDUK Vadim Vitalievich,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Department of Political Science

Bashkir State University, Ufa

expert of the Russian Society of Political Scientists

e-mail: roprb2013@mail.ru

LUKYANTSEV Andrew Sergeevich,

magistrant of the Department "General Political Science"

Financial University under the Government of the Russian Federation

e-mail: lukyantsev.andrey@gmail.com

ECONOMY AND PUBLIC POLICY IN RUSSIA: WHAT YEAR THIRTY FOR US? THE QUESTION OF STRATEGY 2030

Current national policies Russia often replete with thoughts of the victorious decisions on various issues: the military-industrial complex, diplomatic relations, but the inner circle of questions is quite extensive. Socio-economic sphere is a serious blow as the internal inconsistency in the vision of the future of the Russian economy and the external environment. The need for radical changes inscribed serious problem field, besides the long-term economic planning process in Russia is seriously criticized for the inability to implement many of the provisions: no exception was Strategy 2010, 2020. This article discusses the communications agenda of the development strategy in 2030, as the information field can express different opinions and attitudes of political actors to accept a document. In our field of vision will define the future of political relations in the context of strategic planning.

Key words: Strategy 2030, Strategy 2020, the government's economic policy, political communication, communication mainstream, deliberative democracy, the theory of rational choice, neoinstitutionalism.

References

[1] Deleuze G. Platon i simuljakk [Platon and Simulacrum] // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. — 1993. — № 5.

[2] Kazimirchik L. Politicheskij brend v uslovijah mediatizacii i virtualizacii sovremennoj publichnoj politiki [The Political Brand in Terms of Coverage of Virtualization and Modern Public Policy] // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]. — 2014. — № 13.

[3] Kudrin zajavil, chto ne budet pisat' jekonomicheskiju programmu dlja Kremlja [Kudrin said he would not write to the Kremlin's economic program] [Electronic resource]. — URL: <http://ria.ru/economy/20160412/1408871912.html> (reference date: 21.04.2016).

[4] Kudrin stanet predsedatelem soveta Centra strategicheskikh razrabotok [Kudrin will become chairman of the Center for Strategic Research Council] [Electronic resource]. — URL: <https://lenta.ru/news/2016/04/20/kudrinagree/> (reference date: 21.04.2016).

[5] Strategija dlja Rossii [The Strategy for Russia] // Vedomosti [Vedomosti]. — 2015. — № 3877. — July 21.

[6] Strategija 2030: kuda zhe my plyvem? [Strategy 2030: where are we sailing?] [Electronic resource]. — URL: http://www.stoletie.ru/fakty_i_kommentarii/strategija-2030_kuda_zhe_my_plyvom_583.htm (reference date: 04.01.2016).

[7] Strategija 2030: opredelenie celej i prioritetrov [Strategy 2030: the definition of objectives and priorities] [Electronic resource]. — URL: <http://open.gov.ru/events/5514805/> (reference date: 04.01.2016).

[8] *Ulyukayev A.* Period nevysokih cen na syr'e budet ochen' dlinnym [Period of low commodity prices will be very long] [Electronic resource]. — URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/official/2016130101> (reference date: 04.01.2016).

[9] *Cohen J.* Deliberation and Democratic Legitimacy, in the Good Polity: Normative Analysis of the State / ed. by Alan Hamlin and Phillip Petit. — New York: Blackwell, 1989.

[10] *Dinnie K.* Nation Branding. Concepts, Issues, Practice. — Butterworth Heinemann, 2007.

[11] *Eisenstadt S.N.* The Paradox of Democratic Regimes: Fragility and Transformability // Sociological Theory. — 1998. — Vol. 16, — No.3.

[12] *Habermas J.* Between Facts and Norms. — Cambridge, ma: The mit Press, 1996.

[13] *Rippe K.-P.* Ethikkommissionen in der deliberativen Demokratie / M. Kettner (Hrsg.) // Angewandte Ethik als Politikum. — Frankfurt, 2001.

УДК 908 (470.57)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна,
доктор исторических наук, профессор, доцент
ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»
e-mail: mld062@mail.ru

ХАМАДЕЕВА Зульфия Анваровна,
кандидат географических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный
нефтяной университет»
e-mail: Zulfiya_x@rambler.ru

ТУРИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА): ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития туризма в Северо-Восточном регионе Республике Башкортостан. Регион обладает высоким туристским потенциалом. Перспективным направлением для данной территории является развитие экологического, культурно-познавательного туризма в силу самобытности природы и богатого культурно-исторического наследия.

Ключевые слова: туризм, экономическое развитие, региональное развитие, туристские услуги, туристский рынок, туристское районирование.

Современная индустрия туризма является одной из крупнейших высокодоходных и наиболее динамичных отраслей мирового хозяйства. На долю туризма приходится около 10% мирового валового национального продукта, мировых инвестиций, всех рабочих мест и мировых потребительских расходов. По прогнозам Всемирной туристской организации (ВТО), высокие устойчивые темпы роста экономических показателей в сфере туризма сохранятся.

Развитие туризма оказывает стимулирующее воздействие на такие секторы экономики, как транспорт, связь, торговля, строительство, сельское хозяйство, производство товаров народного потребления, и представляет одно из наиболее перспективных направлений структурной перестройки экономики [1, 4, 7–9].

Вместе с тем важнейшими факторами развития отрасли являются природно-рекреационный и историко-культурный. Наличие богатого культурного и природного потенциала позволяет странам, даже не относящимся к числу

наиболее экономически развитых, завоевывать прочные позиции на мировом туристском рынке при обязательном условии — проведении активной государственной политики в области развития туризма. Основные направления этой политики — защита прав путешественников, интересов производителей республиканского туристского продукта и всемерная поддержка внутреннего и въездного туризма. Формы такой поддержки варьируются от прямых инвестиций, направляемых на формирование туристской инфраструктуры, расходов на подготовку кадров, научное и рекламно-информационное обеспечение продвижения туристского продукта на мировом рынке до налоговых и таможенных льгот, стимулирующих приток инвестиций, развитие внутреннего и въездного туризма.

Республика Башкортостан, несмотря на свой значительный туристский потенциал, занимает весьма скромное место на всероссийском и мировом туристском рынках.

Южный Урал оценивается как природный комплекс планетарного значения. Эксперты Всемирного фонда дикой природы на планете Земля выделили около 20 экологических регионов, сохранение которых обеспечит общепланетарную сохранность красоты и биоразнообразия природы. Урал — один из этих регионов и поэтому сохранение его природного комплекса имеет всемирное значение.

В Республике Башкортостан 16% территории взяты под особую защиту [3]. Статус особо охраняемых природных территорий (ООПТ), с одной стороны, обеспечивает сохранность уникальных объектов Урала, с другой — является «гарантийным талоном», наличие которого подтверждает экологическую чистоту региона потенциальным туристам.

Спрос на санаторно-курортные и туристско-экскурсионные услуги в силу проблем переходного периода снизился, а количество мест в соответствующих учреждениях сократилось. Существующая сеть туристских учреждений, вместе с санаторно-курортными учреждениями, пансионатами, домами и базами отдыха (которые по принятой международной классификации относятся к объектам туристского хозяйства), в значительной степени нуждается в реконструкции.

Туризм — одно из самых перспективных направлений предпринимательской деятельности на северо-востоке Башкортостана. Отдыхающих привлечет красота здешней природы и благоприятная экологическая обстановка. Весьма богатый и разнообразный туристский потенциал северо-востока Республики Башкортостан позволяет говорить о перспективах развития отрасли туризма как об одной из важных составляющих республиканского социально-экономического комплекса, которая может стать своеобразной отраслью специализации экономики края.

Рассмотрим потенциально перспективный в плане развития туризма северо-восточный регион Республики Башкортостан, к которому относятся территории Белокатайского, Дуванского, Кигинского, Мечетлинского, Салаватского районов. Общая площадь территории 11,7 тыс. кв. км, что составляет 8,2% от общей площади республики. Лесами занято 46,5% территории. В регионе проживает 136 тыс.

чел., в т. ч. в районных центрах — 40 тыс. человек.

Региональный туристский потенциал северо-востока уже сейчас может быть востребован по следующим основным позициям.

Историко-культурные ресурсы. Культурное наследие башкирского народа представляет несомненную привлекательность, знакомство с историей, культурой и жизнью самобытных наций является одним из мотивов многих путешествий. Чрезвычайно интересным являются поездки (сплавы) к археологическим памятникам на территории северо-восточных районах республики (зарегистрирован 131 памятник архитектуры, из них 49 — особо охраняемые государством) [2].

Особый интерес представляют: Усть-Айская стоянка и селище, Месягутовские курганы, стоянки и селища в с.Сабакай в Дуванском районе; Старо-Халиловские, Кадыровские курганы, памятники средневековья; Идрисовская пещера — стоянка с наскальной живописью, Идрисовская писаница в Салаватском районе; Каранаевский могильник в Мечетлинском районе [5]; палеолитическая Ново-Белокатайская стоянка, стоянка Красный Пахарь в Белокатайском районе [2]; Сикияз — Тамакский пещерный комплекс в Кигинском районе [5]. Огромную культурную ценность представляют объекты культурного наследия: церкви мечети XIX в., братские могилы, деревянные и кирпичные дома необычной застройки, другие памятники истории и культуры, связанные с ними историческими событиями и места проживания знаменитых людей.

Истинной сокровищницей национальных культур является село: башкирское, татарское, мордовское, чувашское, русское. Высокую туристскую привлекательность имеет национальная кухня, праздники, быт, фольклор и другое. Конные поездки, водные маршруты позволят ближе увидеть и понять не только башкирскую землю, но и душу народов, проживающих в крае, его историю и культуру [6].

Эта земля — родина выдающихся поэтов и писателей, ученых с мировым именем, представителей творческой интеллигенции всех перечисленных народов. Именно соединение на одной территории культур многих народов играет особую роль в историко-культурном по-

тенциале Северо-Восточного региона Республики Башкортостан.

Северо-восток Башкортостана — земля с древнейшими археологическими памятниками, среди которых находится Идрисовская пещера с уникальными рисунками древнего человека. Эта земля богата историческими событиями и именами знаменитых людей, выдающихся деятелей науки, культуры и искусства. На территории региона соединилась древняя культура башкир с культурами русского, татарского, мордовского, чувашского народов и других народов России. Сочетание природного и историко-культурного потенциала намного повышает общий уровень привлекательности туристских ресурсов северо-востока Башкортостана.

Природно-оздоровительные ресурсы. Климатические условия Северо-востока республики определяются разнообразием местного ландшафта, представляющего собой территорию, окруженную с запада Уфимским плато, с юга и востока — западными склонами Уральских гор с открытым северным коридором. Такая изоляция от теплых воздушных течений в результате окружения горами с юго-востока и запада и свободный доступ по открытому низинному коридору северных холодных воздушных масс с Уральских гор и Уфимского плато создают более суровые климатические условия в отличие от других климатических зон республики. Для климата зоны в целом в целом характерны довольно влажное лето и осень, холодная снежная зима и большие отклонения от средних величин осадков и тепла.

Северо-восточные районы республики находятся в пределах восточной части Волго-Уральского сложного артезианского бассейна, которому свойственна тесная парагенетическая связь ионно-солевого состава вод и водораспространенных газов, взаимосвязь газогидрогеохимических и гидрогеодинамических параметров. Реки, протекающие по территории, обладают наибольшей удельной водностью по сравнению с другими регионами республики. Земли данной территории входят в северо-восточную лесостепную зону Республики Башкортостан. Почвенный покров представлен на 50% темными сыры-

ми почвами и до 20% приходится на серые лесные почвы и черноземы выщелоченные. Остальная часть территории занята черноземами оподзоленными, светло-серыми лесными, перегнойно-дерновокарбонатными почвами. Леса в регионе размещены неравномерно, лесистость колеблется от 23,8% в Мечетлинском районе до 56,4% в Дуванском районе. Животный мир разнообразен: встречаются все виды диких животных, обитающих на Южном Урале. Многие виды являются объектами спортивной охоты. Из редких и исчезающих видов, требующих усиленной охраны и занесенных в Красную книгу Республики Башкортостан, обитают млекопитающие: выдра, выхухоль, норка европейская; пернатые: лебедь, сокол-сапсан, скопа, кречет, беркут, орел-могильник, черный аист, филин; рыбы: форель ручьевая, хариус.

Многочисленные природные достопримечательности края создают надежные предпосылки для развития спортивных, лечебно-оздоровительных и охотничье-рыболовных видов отдыха и туризма. Невысокие, но очень красивые летом и зимой горы: Тастубинский шихан или «Гора Голая»/ «Большая Тастуба», скала «Сабакай» (где снималась одна из четырех серий многосерийного художественного фильма «Вечный зов») в Дуванском районе; хребет Туй-Тюбе в Кигинском районе; Идрисовская пещера, Лаклинская пещера (деревня Идрисово — Краснополье), гора Янган-Тау («Горящая гора») в Салаватском районе формируют запоминающийся образ башкирской земли, придают особенно привлекательные черты природы края. С Южно-Уральскими горами связано удивительное разнообразие животного и растительного мира, сеть живописных речных долин.

В северо-восточном регионе протекают малые и большие реки: Уфа, Ай, Юрюзань, Ока, Ик и другие. Прекрасные места для водного туризма. Именно в долинах рек расположены Белокатайский и Карлыхановский госзаказники, Культметьевский заказник лекарственных трав (Кигинский район), Кусяляровский сероводородный источник, Усть-атавская ледяная пещера (Салаватский район), скала «Сабакай» (Дуванский район). В реках водится царская рыба форель и хариус. Живы традиции борт-

ничества, многообразны охотничьи ресурсы и возможности для рыболовства. Это одна из территорий Российской Федерации, где выдаются такие редкие лицензии, как лицензия для охоты на медведя.

Минеральные источники (природно-лечебный источник «Кургазақ» в Салаватском районе), чудодейственные горячие сухие газы и пары, выходящие из трещин земли и пробуренных скважин знаменитой горы Янган-Тау. Эти термальные источники, температура которых на глубине 90–100 м достигает 400 градусов, обладают поистине уникальными лечебными свойствами. Явления, уникальные не только в России, но и в мире, которые представляют особую ценность для организации санаторно-курортного отдыха и лечения. Курорт Янган-Тау (Салаватский район), санаторий-профилакторий Ай (Дуванский район), Карагай (Мечетлинский район) готовы принять отдыхающих круглый год.

На территории расположены санатории «Янган-Тау», «Карагай», «Мать и дитя», «Ай».

Экономико-географическое положение с чистым воздухом, таежными лесами, удаленностью от мегаполисов — еще один из факторов, усиливающих туристскую привлекательность.

Регион аграрный, характеризуется невысоким экономическим развитием, но имеется сеть автомобильных дорог с твердым покрытием, газификация, спутниковое телевидение, развитая сеть мобильной телефонной связи.

Коллектив ученых Уфимского государственного университета экономики и сервиса при участии профессоров из БГМУ и БГУ разработали проект «Золотое кольцо Башкортостана», в рамках которого выделяют 7 основных центров — туристических комплексов: г. Уфа, Ян-

гантау-Иремель, Ассы-Инзер, Абзаково-Яктыкуль, Ирендик — Талкас, Агидель — Шульган-Таш, Нугуш. Эти комплексы выделены условно, по принципу территориальной близости и занимают площади 10–20 тыс. кв. км. В рамках комплекса «Янгантау-Иремель» В.В. Болтушкин отмечает, кроме всего прочего Салаватский район богат талантливыми, одаренными людьми. Именно салаватская земля дала Башкортостану национального героя, ставшего его символом. С учетом этого привлекательным проектом является создание турцентра с разработкой туристского маршрута «По следам Салавата Юлаева».

Есть предложения по созданию проекта «Золотого кольца северо-востока Башкортостана», который позволит объединить ключевые ресурсные точки, будет проходить через важнейшие в природном, историческом и культурном отношении места и населенные пункты. Маршрут позволит в течение единого путешествия показать не только основные достопримечательности края, но и его историю и современное развитие.

Для развития туризма на этой территории муниципалитетам следует разработать собственные программы по развитию внутреннего и въездного туризма и активнее подавать заявки на участие в республиканской целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Башкортостан на 2011–2016 годы».

В целом северо-восточный регион сочетает три важнейших условия туристского развития: историко-культурные достопримечательности, природную среду и относительную доступность. Уникальность ресурсов создает предпосылки для активного развития здесь туристских программ.

Литература

[1] Абузярова З.Р., Хамадеева З.А. Оценка туристских ресурсов Башкирского Зауралья // Математические методы и модели в исследовании государственных и корпоративных финансов и финансовых рынков: сб. мат-лов Всерос. молодежной науч.-практич. конф. — Уфа, 2015. — С. 231–233.

[2] Инновационный потенциал туризма на Южном Урале // Научные труды форума «Инновационный потенциал туризма и сервиса. Урал-2010» / Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО Уфимская гос. акад. экономики и сервиса; [сост.: Л.Д. Матвеева, А.И. Лебедев, Д.С. Рябуха]. — Уфа, 2010.

[3] Матвеева Л.Д., Алябьева М.А. Деятельность политических, религиозных, научных и общественных организаций XIX века по сохранению объектов культурного наследия Уфимской губернии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. — 2012. — № 1 (21). — С. 27–29.

- [4] *Матвеева Л.Д., Хамадеева З.А.* Региональные аспекты разработки туристско-рекреационного кластера // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2016. — № 1 (30). — С. 81–87.
- [5] *Морозова Ю.А., Морозова Л.А.* Основы краеведения. — Уфа, 2006.
- [6] *Нигматуллина Т.А.* Брендирование и каналы продвижения территории: от тактики — к форсайту // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2014. — № 1 (22). — С. 36–41.
- [7] Поселения эпохи бронзы хребта Ирэндик и протогорода аркаимско-синташтинского типа как элементы исторического культурного ландшафта / И.Ю. Усманов, Г.Б. Зданович, И.П. Лобанкова [и др.] // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. — 2013. — Т. 18. — № 3. — С. 42–49.
- [8] *Хамадеева З.А., Абузярова З.Р.* Методические основы оценки туристско-ресурсного потенциала территории // Математические методы и модели в исследовании государственных и корпоративных финансов и финансовых рынков: сб. мат-лов Всерос. молодежной науч.-практич. конф. — Уфа, 2015. — С. 128–133.
- [9] *Хамадеева З.А., Ахунов А.Р.* Роль геоинформационных систем в развитии туристского рынка Республики Башкортостан // Вестник УГАЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. — 2013. — № 4 (6). — С. 93–98.

MATVEYEVA Lyubov Dmitrievna,

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Assistant Professor,
Ufa State Petroleum Technological University
e-mail: mld062@mail.ru*

KHAMADEEVA Zulfia Anvarovna,

*Candidate of Geographical Sciences, Assistant Professor,
Ufa State Petroleum Technological University
e-mail: Zulfiya_x@rambler.ru*

TOURISM IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE NORTH-EASTERN REGION): HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL ASPECTS

The article discusses topical problems of tourism development in the North-Eastern region the Republic of Bashkortostan. The region has a high touristic potential. A promising direction for this area is the development of ecological, cultural tourism, because of the identity nature and rich cultural and historical heritage.

Key words: *tourism, economic development, regional development, tourist facilities, tourist market, tourist zoning.*

References

- [1] *Abuzyarova Z.R., Hamadeeva Z.A.* Ocenka turistских resursov Bashkirskogo Zaural'ja [Evaluation of Tourist Resources of the Bashkir Trans-Urals] // Matematicheskie metody i modeli v issledovanii gosudarstvennyh i korporativnyh finansov i finansovyh rynkov: sb. mat-lov Vseros. molodezhnoj nauch.-praktich. konf. [Mathematical Methods and Models in the Study of Public and Corporate Finance and Financial Markets: sourcebook All-Russian Youth Scientific and Practical Conference]. — Ufa, 2015. — P. 231–233.
- [2] Innovacionnyj potencial turizma na Juzhnom Urale [The innovative potential of tourism in the Southern Urals] // Nauchnye trudy foruma "Innovacionnyj potencial turizma i servisa. Ural-2010" [Proceedings of the Forum "Innovative potential of tourism and service. Ural-2010" / Federal Agency for Education, GOU VPO Ufa State. Acad. Economics and Service; Ed by L.D. Matveeva, A.I. Lebedev, D.S. Ryabukha]. — Ufa, 2010.
- [3] *Matveeva L.D., Alyabiev M.A.* Dejatel'nost' politicheskikh, religioznyh, nauchnyh i obshhestvennyh organizacij XIX veka po sohraneniju ob'ektov kul'turnogo nasledija Ufimskoj gubernii [Activities of Political, Religious, Scientific and Public Organizations of the XIX Century for the Conservation of Cultural Heritage Ufa Province] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Novye gumanitarnye issledovaniya [Bulletin of Oryol State University. Series: New Humanitarian Research]. — 2012. — No. 1 (21). — P. 27–29.
- [4] *Matveeva L.D. Hamadeeva Z.A.* Regional'nye aspekty razrabotki turistsko-rekreacionnogo klastera [Regional Aspects of the Development of Tourism and Recreation Cluster] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta

social'nyh tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2016. — No. 1 (30). — Pp. 81–87.

[5] *Morozov Y., Morozova L.A. Osnovy kraevedenija* [Basics of Local History]. — Ufa, 2006.

[6] *Nigmatullina T.A. Brendirovanie i kanaly prodvizhenija territorii: ot taktiki — k forsajtu* [Branding and Promotion Channels of the Territory: from Tactics — to Foresight] // *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij)* [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2014. — No. 1 (22). — Pp. 36–41.

[7] *Poselenija jepohi bronzy hrebta Irendyk i protogoroda arkaimsko-sintashtinskogo tipa kak jelementy istoricheskogo kul'turnogo landshafta* [The Settlement Era Bronze Ridge Irendyk and Proto-Arkaim Sintashta Type as the Elements of the Historical Cultural Landscape / I.J. Usmanov, G.B. Zdanowicz, I.P. Lobankova [et al.] // *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan]. — 2013. — Vol. 18. — No. 3. — P. 42–49.

[8] *Hamadeeva Z.A., Abuzyarova Z.R. Metodicheskie osnovy ocenki turistsko-resursnogo potentsiala territorii* [Methodical Bases of an Estimation of Tourist Resource Potential of the Territory] // *Matematicheskie metody i modeli v issledovanii gosudarstvennyh i korporativnyh finansov i finansovyh rynkov: sb. mat-lov Vseros. molodezhnoj nauch.-praktich. konf.* [Mathematical Methods and Models in the Study of Public and Corporate Finance and Financial Markets: sourcebook All-Russian Youth Scientific and Practical Conference]. — Ufa, 2015. — P. 128–133.

[9] *Hamadeeva Z.A., Akhunov A.R. Rol' geoinformacionnyh sistem v razvitii turistskogo rynka Respubliki Bashkortostan* [The Role of Geographic Information Systems in the Development of the Tourist Market of the Republic of Bashkortostan] // *Vestnik UGAJES. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Serija: Ekonomika* [Bulletin of the UGAES. Science, education, the economy. Series: Economy]. — 2013. — № 4 (6). — P. 93–98.

УДК 338.43-02

КОЛОМЕЙЦЕВА Наталья Андреевна,

кандидат политических наук,

заведующая кафедрой политологии

Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

e-mail: tsyganok.na@dvfu.ru

ПОЛИТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ВЫХОДА РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН ЧЕРЕЗ АГРАРНУЮ ОТРАСЛЬ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В связи с принятием Правительством Российской Федерации в 2014 году ответных мер по ограничению ввоза сельхозпродукции из большинства западных стран в Россию, во внутривнутриполитической повестке вопрос о необходимости импортозамещения в стране стал ключевым. Однако если в центральной части России существующие сельхозпредприятия, пользуясь своими инфраструктурными возможностями и конъюнктурой на освободившемся рынке, способны самостоятельно увеличить производство продовольственных товаров, то на Дальнем Востоке агропромышленный комплекс требует дополнительного развития и финансирования. Между тем, одними из явных преимуществ Дальнего Востока и его южной окраины — Приморского края, является приграничное положение, наличие прямых выходов на иностранных инвесторов и длительные внешнеэкономические связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В статье проанализированы основные факторы, благоприятствующие становлению агропромышленного комплекса Приморья в качестве конкурентной отрасли в АТР. Вместе с тем, автором выделены основные проблемы приморского аграрно-промышленного комплекса (АПК) на современном этапе и способы их решения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, санкции, АТР, Приморский край, Дальний Восток, аграрная политика, инвестиции, импортозамещение, межгосударственное сотрудничество, экономическая интеграция.

В условиях кризиса и последующей трансформации системы международных отношений и как следствие — снижение количества сфер взаимодействия между крупнейшими геополитическими державами Евразии, англосаксонского мира, в последние годы в рамках трансграничного взаимодействия резко усилилось значение сотрудничества на уровне регионов отдельных государств, а также локальных сообществ. Поскольку Россия сегодня находится в особых исторических условиях, ей также необходимо учитывать этот тезис в рамках реализации как внешней, так и внутренней политики. Особое значение приобретает Дальний Восток России. Его развитие и выход страны в АТР должны стать национальной идеей XXI века. Фактически, Дальневосточный федеральный округ (ДФО) — это площадка для

реализации новой стратегии развития нашего государства с учетом многополярности современного мира.

Юг Дальнего Востока — это потенциально та территория, которая способна стать неким «драйвером» для интеграции России в экономическую инфраструктуру АТР. Приморский край при правильном менеджменте способен воплотить статус трансграничного региона.

Трансграничный регион представляет собой обширную приграничную территорию, обладающую культурной общностью, политическим единством, историей экономических взаимодействий, концентрирующую значимые для внешнего мира ресурсы, а также экономические, инфраструктурные и политические возможности для обеспечения их транзита. Это говорит о том, что далеко не каждое пригра-

ниче может стать трансграничным регионом, который, по существу, является «мембраной» государства, через которую вся страна, используя возможности той или иной зоны, взаимодействует с сопредельными государствами и регионами мира.

Ресурсный потенциал Приморского края всегда лежал в основе интереса со стороны государств АТР к сотрудничеству с Россией. Регион имеет более чем двадцатилетний опыт экономического взаимодействия с АТР. Экспортную структуру края традиционно составляла продукция черной и цветной металлургии, угольной промышленности, рыбного и лесного хозяйства. Впрочем, относительно высокие показатели экспорта Приморского края в страны АТР по ряду товарных групп в 1990–2000-е годы отнюдь не свидетельствовали о развитости приграничного сотрудничества на юге Дальнего Востока (не говоря уже о трансграничном). Особенно ярко характер экономических связей со странами АТР в те годы проявился в лесной промышленности.

Приморские лесоперерабатывающие предприятия продавали высококлассное сырье в Китай по заниженным ценам, откуда готовая продукция из того же дерева массово шла на внутрикравевой рынок. Дальневосточный регион России не рассматривался азиатскими партнерами в качестве приграничной, трансграничной или даже торговой зоны в сущностном понимании этих значений. Вместе с тем, для стран АТР Приморье стало надежным и высокорентабельным поставщиком природных ресурсов, а его продукты экспорта — основой быстрого роста экономик АТР. Такой характер взаимоотношений российских и азиатских территорий не привел к экономической зависимости стран АТР от российского сырья — за первые два десятилетия существования постсоветской России ее доля в структуре импорта движущих экономик АТР (таких как Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур, Таиланд и др.) не превышала 2%.

За последние годы структура экспорта Приморского края существенным образом изменилась: по итогам 2014 года объемы экспорта сельхозпродукции из региона опередили объемы вывоза леса, черных и цветных металлов, большинства товаров топливно-энерге-

тического комплекса (ТЭК) [10, с. 1253], тогда как в 2001 году объемы экспорта продовольственных товаров и сырья уступили объемам экспорта машиностроительной продукции — в 4 раза, продукции лесной промышленности — в 2 раза, продукции ТЭК — в 1.5 раза [9, с. 855]. В долларовом выражении приморские аграрии за 13 лет нарастили экспорт сельхозпродукции более чем в 8 раз.

В 2015 году Приморский край стал лидером по темпам импортозамещения сельхозпродукции среди регионов Дальнего Востока [11]. Постепенно выполняя программу продовольственной безопасности, приморские сельхозпредприятия сегодня экспортируют в страны АТР сахар, яйца, продукцию мясного животноводства (свинину, говядину, конину, оленину, баранину, мясо яков, маралов, мраморное мясо) и птицеводства (мясо курицы, гусей, индюков), молоко и молочные продукты, зерновые (кукурузу, пшеницу), сою, рис, комбикорма.

Сельское хозяйство становится перспективным направлением развития межрегионального сотрудничества в АТР. Азиатские партнеры обращают свое внимание на аграрный сектор и сельхозпродукцию Приморского края по нескольким причинам.

Во-первых, внушительный аграрный потенциал Приморского края, доставшийся в наследие от советской системы коллективного хозяйства. В рамках реализации политики аграрного переселения СССР в период 1960–1986 гг. в Приморский край было переселено более 160 тыс. чел. из аграрных областей и республик Советского Союза [6, с. 148]. В последние годы инвесторы из АТР все чаще переходят от прямых инвестиций в приморские предприятия к инвестированию в заброшенные колхозы и покупке убыточных фермерских хозяйств. На их месте появляются агропромышленные предприятия с иностранным или совместным капиталом. На сегодняшний день таких предприятий в регионе насчитывается более 50, среди бенефициаров которых, в основном, китайские и корейские компании и предприниматели.

Во-вторых, экологически чистая продукция приморских производителей, востребованная на рынке стран АТР. Стандарты качества

российских продуктов питания выше, чем в странах АТР. Так, например, если в России запрещено использование любых добавок при производстве молока, то в КНР даже после так называемого «меламинового скандала» власти страны пошли не на запрет добавления меламин, а только лишь на снижении его доли в готовом продукте — до 2.5 мг на 1 кг молока (или молочного продукта). Важным шагом к повышению качества российской продукции стало принятие в 2008 году федеральных законов о техническом регламенте молока и молочной продукции, масло-жировой продукции, соковой продукции из фруктов и овощей и др. Качество российских продуктов мясного животноводства и растениеводства в настоящий момент регулируется техрегламентами, принятыми участниками ЕврАзЭС. Данные меры повысили конкурентоспособность российской продукции на мировом рынке, в том числе в странах АТР, где за прошедшие годы уровень доходов населения повысился в разы, что привело к повышению покупательской способности у значительной части населения. Так, если в 1990 году располагаемый доход на душу населения в Китае был чуть более 1,5 тыс. юаней, то в 2010 году он превысил отметку в 19 тысяч [12, с. 9].

В-третьих, удешевление российской валюты за два года более чем в два раза. Это дает возможность российским аграрным компаниям в целях привлечения иностранных инвесторов понижать цены на собственные активы в долларовом выражении, не теряя значительно в прибыли. То же самое касается реализации экспортного сырья и продукции на рынках стран АТР. В настоящий момент в крае насчитывается 25 экспортеров-производителей сельскохозяйственной продукции [5].

В-четвертых, социально-экономическая зависимость северных депрессивных территорий КНР и КНДР от торговых связей с Приморским краем и Россией в целом. Трехкратное увеличение товарооборота между Россией и Китаем, между Россией и Северной Кореей за последние 15 лет произошло в первую очередь благодаря переходу руководства соседних стран к политике по выравниванию экономического потенциала своих регионов. Прекращение или значительное снижение

темпов сотрудничества в этих регионах грозит государствам безработицей и повышением социальной напряженности. На основании этого, а также заинтересованности приморских властей к расширению своей внешнеполитической деятельности между региональными властями Приморья и северокитайской провинцией Хэйлунцзян, а также с властями северного порта КНДР Раджин (Насон) установлены многочисленные деловые и политические контакты. Так, за прошедшие несколько лет между Приморским краем и провинцией Хэйлунцзян прошли три инвестиционных форума. Среди китайских участников третьего форума, прошедшего в г. Владивостоке 7 мая 2015 г., около трети представляли сельскохозяйственные компании. В сентябре 2013 г. состоялось торжественное открытие восстановленного участка железной дороги, связавшего станции Хасан (Приморский край) и порт Раджин (КНДР), в котором были заинтересованы не только российские и северокорейские власти, но и южнокорейские партнеры. Таким образом, сотрудничество приморского аграрного бизнеса с деловыми кругами приграничных территорий представляют собой плацдарм для выхода на основные рынки стран АТР.

В-пятых, быстрорастущее население стран АТР. В регионе уже проживает более половины населения земного шара, в число государств АТР входят самые населенные страны и густонаселенные регионы мира. По прогнозам оценка населения региона к 2020 году перешагнет отметку в 60% от численности населения в мире. Данные сведения говорят в пользу продолжения тенденции дефицита в собственном продовольствии и расширения поставок сельскохозяйственной продукции, в первую очередь, с территории соседних регионов для обеспечения нужд быстрорастущего населения.

В-шестых, формирование свободного порта Владивосток и территорий опережающего развития в Приморском крае. Создание территорий льготного налогообложения, упрощенных процедур государственной регистрации, подведенные к площадкам коммуникации являются стимулами для инвестирования в регион. На сегодняшний день среди рези-

дентов TOP «Михайловский» 4 агропромышленных холдинга активно привлекают инвестиции из стран АТР, а два из трех сельскохозяйственных резидентов Свободного порта Владивосток — это предприятия с иностранным капиталом.

Однако для того, чтобы иностранные инвестиции в АПК региона шли на развитие потенциала отрасли и ее становление в качестве конкурентоспособного сегмента в АТР необходимо, чтобы взаимодействие с партнерами из стран АТР имело следующий характер:

1) сотрудничество с иностранными инвесторами должно быть взаимовыгодным. Инвестиции должны создавать высокотехнологичные рабочие места, быть направлены на производство высококачественных продуктов. При этом большинство рабочих мест на совместных и иностранных предприятиях должны замещаться рабочими из тех населенных пунктов, рядом с которыми данные предприятия создаются. Для выполнения программы импортозамещения большая часть производимой продукции должна идти на внутренний рынок. Особенно это касается тех сфер сельского хозяйства, в которых доля региональных, или даже российских, сельхозпродуктов на внутрикраевом рынке невелика (например, в производстве пасленовых культур, огурцов, помидоров, товаров молочной группы, говядины);

2) иностранные капиталовложения должны идти не только в крупные предприятия, но и в традиционные фермерские хозяйства. Для развития сельского хозяйства в регионе необходимо установить равновесие и взаимодействие различных форм хозяйствования. Небольшие мощности мелкого агробизнеса должны обеспечивать продукцией потребителей, проживающих в соответствующем муниципальном образовании или в регионе. Между тем, в Приморском крае некоторые мелкие фермы зачастую пытаются занимать ниши за рубежом, т.к. внутренний спрос по отдельным категориям сельхозпродукции обеспечи-

вается крупными региональными игроками. Крупный бизнес, имеющий в регионе проблему «кадрового голодания», должен заботиться об обеспечении сельских территорий полным объемом социальных институтов: медицинских, образовательных, досуговых и др. для того, чтобы работающее население оставалось на территории и вносило свой вклад в деятельность сельхозпредприятий. Следует отметить, что в Приморском крае сформировалась в целом благоприятная структура аграрного хозяйствования — всего около 40% продукции в крае производится крупными сельскохозяйственными организациями. Однако, при этом крайне мала доля производства крестьянских (фермерских) и индивидуальных хозяйств — чуть более 12% по итогам 2015 года [1]. Почти 48% сельхозпродукции в крае производится населением для собственных нужд. Это свидетельствует, во-первых, о большом уровне производства сельхозпродукции населением региона (поскольку доля сельского населения в Приморье ниже, чем в целом по стране, на 3%)¹, а, во-вторых, о недостаточной для полного самообеспечения рынка местной продукцией доли фермерских хозяйств в аграрном секторе Приморья. Впрочем, то же самое можно сказать и о крупных предприятиях;

3) сотрудничество в рамках сельского хозяйства со странами АТР должно вестись не только в сфере привлечения инвестиций, но и по обмену опытом, инновациями, технологиями, трудовыми квалифицированными кадрами, особенно с партнерами из тех стран, которые в свое время решили проблему продовольственной безопасности при резком демографическом скачке (например, Китай, Тайвань, Южная Корея, Индонезия).

Как было отмечено ранее, для формирования трансграничного пространства необходимы не только инфраструктурные, экономические, политические предпосылки, но и ментальные. Для того чтобы приморская сельскохозяйственная отрасль стала конкурентоспособным сегментом на рынке стран АТР, При-

¹ Для сравнения, по данным Росстата, в 2015 году доля объемов сельхозпродукции, произведенных населением, составила около 38% (См. Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств (обновлено 18.02.2016) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — 2016. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel1.htm (дата обращения: 05.06.2016)).

морью необходимо стать сельскохозяйственным регионом на уровне экспертного и общественного восприятия. Безусловно, развитие российского Дальнего Востока (в том числе, и Приморского края как его неотъемлемой части) в силу своего огромного природно-сырьевого потенциала, а также суровых климатических условий на большей части территории не может идти в фарватере развития отдельных отраслей. В данном контексте стоит признать оправданным разработанный в российском правительстве кластерный подход к формированию территорий опережающего развития. Несмотря на то, что суммарные доходы от приморского экспорта минеральных ресурсов или рыбы в несколько раз превышают аналогичные показатели экспорта сельхозпродукции, в перспективе сельское хозяйство может стать флагманом приморской экономики по ряду причин:

1) Рост объемов производства сельхозпродукции с 2006 по 2015 год на 163%. За указанный период стоимость годовой производимой продукции приморскими сельхозпредприятиями выросла в четыре раза [3]. При этом незначительное снижение темпов сельхозпроизводства за это время в крае отмечалось всего три раза: в 2012, 2013 и 2015 гг., что было связано с неблагоприятными погодными условиями: тайфунами и обильными осадками, приведшими к затоплению полей, как в период посевных работ, так и в преддверии уборочных кампаний. Например, в 2015 году в результате прошедшего тайфуна «Гони» затопленными оказались 88.3 тыс. га обрабатываемых земель — примерно пятая часть всего сельскохозяйственного земельного фонда региона.

2) Существенный прогресс по ряду направлений в отрасли за последние годы. За период 2005–2015 гг. поголовье свиней увеличилось в 3.25 раза, посевная площадь технических культур и сои — в 1.63, валовый сбор зерновых — в 2.5, риса — в 9.7, овощей — в 1.5 раза. Приморские сельхозпроизводители добились повышения показателей урожайности (ц/га) зерновых в 2.6 раза, риса и овощей — в 1.5, сои — в 1.4 раза. Производство скота и птицы на убой возросло 1.4 раза, яиц — в 1.3 раза [3].

3) Инфраструктурное развитие сельскохозяйственной отрасли в регионе. В настоящее время в крае реализуется 4 проекта животноводческих комплексов (3 — в Ханкайском районе, 1 — в Хорольском), а также 11 проектов свинокомплексов (главным образом, в Уссурийском городском округе, Михайловском и Спасском районах). С целью ускорения темпов импортозамещения в регионе, а также решения продовольственных проблем в условиях экономического кризиса за последние три года в регион краевыми властями были привлечены крупные федеральные, межрегиональные и иностранные компании для реализации инвестпроектов («Русагро», «Мерси трейд», «Джин Джун», «Новая дружба»). Интенсивными темпами расширяют свою техническую базу и производство такие предприятия как «Грин Агро», «Хороль Агро Холдинг», «Агро ДэсунХанка», «Золотая Долина», «Грин Стар III» и др. На протяжении более 10 лет расширяют свои производственные мощности агропромышленная группа «Армада», «Михайловский бройлер», «Уссурийская птицефабрика» [2, с. 7–11].

4) Положительные изменения в общественном восприятии населением аграрного сектора региона. По данным социологического исследования, проведенного Центром социальных инноваций «Черный куб» (г. Владивосток) в начале апреля 2016 г., среди 1890 жителей Приморья только треть приморцев считают агропромышленное производство неперспективным, а доля тех, кто считает, что сельского хозяйства в крае обладает высоким потенциалом возросла до 20% (см. рис. 1). По данным социологических опросов, проводившихся на территории Приморья в конце 80-х — начале 90-х годов, только около 10% жителей считали сельское хозяйство перспективным делом [13, с. 20].

На вопрос исследования 2016 года «Что нужно для того, чтобы развить сельское хозяйство в Приморском крае?» большинство приморцев ответили теми же ключевыми положениями, к которым пришел автор в данной статье, анализируя степень конкурентоспособности аграрной отрасли Приморья в Азиатско-Тихоокеанском пространстве и современный характер взаимодействия игроков

Рисунок 1 — Показатели общественного отношения к развитию сельского хозяйства в Приморском крае [7]

в приморском агробизнесе. По нашему мнению, это свидетельствует о высоком уровне информированности населения о проблемах сельского хозяйства в крае, связанных, в первую очередь, с реализацией федеральной политики импортозамещения в регионе, а также существенным повышением цен на продовольствие в последние годы. В совокупности это дает основание полагать, что в настоящий момент жители Приморья связывают разрешение проблем на продовольственном рынке с развитием аграрной отрасли и в регионе. Примечательно и то, что по результатам того же исследования 71% респондентов отметили, что стараются не покупать привозные продукты питания, а брать исключительно приморскую продукцию в тех сферах сельского хозяйства, где это возможно.

Помешать приморской сельскохозяйственной отрасли стать конкурентоспособным сегментом в АТР может ее «периферийный» характер в структуре российского агропромышленного комплекса. Так, по объемам производимой сельхозпродукции край занимает 39-е место [10, с. 643] при том, что основной сельскохозяйственный потенциал Российской Федерации в силу климатических условий и особенной исторического развития страны, по нашим

оценкам, расположен не более чем в 70 субъектах.

Впрочем, следуя той же логике, «периферийными» в аграрном отношении являются все регионы Дальнего Востока и Восточной Сибири, занимающие в структуре агропромышленного производства Российской Федерации места с третьего по девятый десяток. Поэтому в контексте обозначенного отставания восточных регионов страны, в том числе и Приморского края, от западных, а также в контексте перспектив взаимодействия приморских аграриев с партнерами из стран АТР необходимо выделить следующие факторы:

Во-первых, приграничное положение со странами АТР. Субъекты юга Дальнего Востока и Восточной Сибири — единственные в Российской Федерации, граничащие с АТР (за исключением, депрессивной в аграрном отношении Республики Алтай, которая граничит с отсталым западным Китаем). Приморский край из всех этих субъектов имеет наилучшее геополитическое и географическое положение для развития контактов со странами АТР. Регион имеет общие сухопутные границы с Китаем на западе и с КНДР — на юго-западе, кроме того, имеет общие морские границы с Японией. Во Владивостоке расположены

консульства 10 стран АТР, с 1991 года Администрацией Приморского края было подписано 14 соглашений о сотрудничестве с регионами Японии, Ю. Кореи, КНР, Вьетнама [4]. На протяжении многих лет регион имеет устойчивый товарооборот со странами Азиатско-Тихоокеанского кольца.

Во-вторых, относительно низкая численность населения в Приморском крае в частности и в субъектах Дальнего Востока и Восточной Сибири в целом. Численность населения Приморского края составляет чуть более 1% от суммарного количества жителей в стране, ДФО до образования Крымского федерального округа являлся самой малочисленной административной единицей этого типа. Низкая численность населения в Приморье и в ближайших регионах востока страны обуславливает поиск приморскими сельхозпроизводителями новых рынков реализации продукции, наиболее рентабельные из которых находятся именно в АТР.

В-третьих, высокие показатели производительности и обеспечения населения продукцией сельского хозяйства в регионе. При анализе данных официальной статистики было установлено, что в настоящее время приморские аграрии ежегодно производят продукции на 20 тыс. руб. на 1 чел., проживающего в регионе. Если взять ДФО в целом, этот показатель будет даже немного выше — 24 тыс. рублей. Для сравнения — в традиционно аграрном Центральном федеральном округе предприятия производят продукции на 28 тыс., при этом компании активно участвуют в экспортной программе и некоторые из них находятся в зоне трансграничной торговли. Нетрудно посчитать, что с реализацией уже запущенных в Приморском крае инвестиционных проектов, приморский и дальневосточный АПК обойдут вышеуказанные значения. Следовательно, у приморских предприятий появится возможность не только выполнить программу импортозамещения, но и расширить свои экспортные объемы и в краткосрочной перспективе нарастить свою конкурентоспособность на разрастающихся рынках стран АТР.

Впрочем, приморским предприятиям и отрасли региона в целом необходимо работать над своим уровнем конкурентоспособности

в регионах Восточной Азии. Рынок АТР — это самая большая на сегодняшний день торговая площадка в мире, азиатский агробизнес привлекает инвестиции и экспортеров со всего света. Однако Приморье может воспользоваться своим выгодным географическим положением. Для этого необходимо взять курс на взаимовыгодное сотрудничество с азиатскими инвесторами, увеличить в разы производство по отстающим отраслям приморского АПК (в производстве говядины, овощей, молочной продукции и др.), перенимать у азиатских коллег бесценный опыт и инновации в аграрной сфере.

России необходимо осуществлять маркетинговые программы в АТР. Самые целесообразные и эффективные для Приморского края инвестиции — не портфельные, а в создание совместных предприятий. Для устойчивого развития отрасли необходимо развитие инфраструктуры, которая в дальнейшем станет конкурентным преимуществом в привлечении портфельных инвестиций. Для этого необходимо перенимать опыт центральных регионов России по созданию специальных служб правовой и технической поддержки инвесторов. Государству и региону следует наладить межгосударственные (межрегиональные) связи в сфере поставок сельхозпродукции с теми странами, чья экономика не построена целиком и полностью на рыночных принципах: с Китаем — со смешанной экономикой, с КНДР — с централизованной, с Индонезией — с рыночно-плановой.

Кроме этого, краевым властям, бизнес-сообществу необходимо работать над имиджем приморской аграрной отрасли, а профильным высшим и средним профессиональным учреждениям — в направлении популяризации профессии фермера. Наконец, в регионе необходимо повысить и экономический потенциал отрасли. В условиях рыночной экономики для ее дальнейшего поступательного развития абсолютно не допустима ситуация, при которой около половины всех сельхозпродуктов производится самим населением. Необходимо увеличивать количество как сельскохозяйственных организаций, так и фермерских хозяйств в крае, принимать программы стимулирования и поддержки фермерства на

региональном и федеральном уровнях. Только после реализации этих мер позиции приморских сельскохозяйственных товаров на рынках стран АТР и спрос на них в регионе будут

устойчивыми, а сам АПК региона будет конкурентоспособным и доминирующим на Азиатско-Тихоокеанском торговом и финансовом пространствах.

Литература

[1] Объем производства сельскохозяйственной продукции // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. — 2016. — URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources (дата обращения: 05.06.2016).

[2] Отчет о ходе реализации и оценки эффективности государственной программы Приморского края «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Повышение уровня жизни сельского населения Приморского края» на 2013–2020 годы за 2015 год: департамент сельского хозяйства и продовольствия Приморского края // Официальный сайт Департамента сельского хозяйства и продовольствия Приморского края. — 2016. — С. 7–11. — URL: <http://www.agrodv.ru/content/otchet-za-2015-god> (дата обращения: 06.06.2016).

[3] Официальная статистика. Предпринимательство. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. — 2016. — URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (дата обращения: 06.06.2016).

[4] Перечень меморандумов и соглашений, заключенных между Приморским краем и административно-территориальными образованиями зарубежных стран // Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. — URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/inter/foreign-affairs/agreements.php> (дата обращения: 06.06.2016).

[5] Перечень предприятий Приморского края, заинтересованных в экспорте товаров и услуг (Экспортный потенциал Приморского края) // Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. — 2014. — URL: <http://primorsky.ru/> (дата обращения: 05.06.2016).

[6] Пискунов С.А. Реализация политики аграрного переселения на Дальнем Востоке СССР в 1960-е — середине 1980-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 2015. — Т. 33. — № 1 (198). — С. 144–150.

[7] Потенциал сельского хозяйства в Приморском крае (06.04.2016) // Центр социальных инноваций «Черный куб». — 2016. — URL: <http://blackscub.ru/2016/04/06> (дата обращения: 06.06.2016).

[8] Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств (обновлено 18.02.2016) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — 2016. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel1.htm (дата обращения: 05.06.2016).

[9] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Р32 // Статистический сборник / Госкомстат России. — М. — 2002. — 863 с.

[10] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32 Стат. сб. / Росстат. — М. — 2015. — 1267 с.

[11] Регионы Российской Федерации в контексте «импортозамещение» — 2015 // Сайт информационно-аналитической системы «Диалогия». — 2016. — URL: <http://www.mlg.ru/company/pr/3986/> (дата обращения: 05.06.2016).

[12] Цзян Вэй. Исследование распределения доходов населения в Китае / Современные тенденции развития экономики и распределения доходов: мат-лы российско-китайского научно-практического семинара (г. Вологда, 28–29 сентября 2012 г.). — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. — С. 7–18.

[13] Ян Лимин. Сравнительный анализ структуры товарного сельскохозяйственного производства Приморского края и провинции Хэйлунцзян // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. — 2006. — № 1. — С. 19–30.

KOLOMEYTSEVA Natalya Andreevna,
Candidate of Political Sciences,
Head of the Political Science Department
of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE RUSSIAN INTEGRATION POLICY INTO THE ASIA-PACIFIC REGION THROUGH THE SOUTH RUSSIAN FAR EAST AGRICULTURAL SECTOR

In connection with the adoption of retaliatory measures taken by the government of the Russian Federation in 2014 for to restrict the import of agricultural products from most Western countries to Russia, the matter of import substitution in the country became an issue in the political agenda. However, the agricultural enterprises existing in the Central part of Russia and using their infrastructure capabilities and vacant market conditions are able to increase food production, whereas the agro-industrial complex in the Far East requires additional development and funding. Meanwhile, one of the distinct advantages of the Far East and its southern outskirts, the Primorye Territory, is a border-straddling position and direct outputs on foreign investors and long-term foreign relations with the Asian-Oceania countries. The article analyzes the main factors contributing the development of agro-industrial complex of the Primorye as the most competitive industry in the Asia Pacific Region. At the same time, the author specified cardinal problems of the Primorye agrarian business at the present stage and methods of their solution.

Key words: agriculture, sanctions, Asia-Pasific, Primorsky region, Russian Far East, agricultural policy, investment, import substitution, cross-border cooperation, economic integration.

References

[1] Obiem proizvodstva sel'skhozjajstvennoj produkcii [The volume of agricultural production // Official site of the Territorial Agency of Federal State Statistics Service, in the Primorsky Territory]. — 2016. — URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources (reference date: 05.06.2016).

[2] Otchet o hode realizacii i ocenki jeffektivnosti gosudarstvennoj programmy Primorskogo kraja "Razvitie sel'skogo hozjajstva i regulirovanija rynka sel'skhozjajstvennoj produkcii, syr'ja i prodovol'stviya. Povyshenie urovnja zhizni sel'skogo naselenija Primorskogo kraja" na 2013–2020 gody za 2015 god: departament sel'skogo hozjajstva i prodovol'stviya Primorskogo kraja [Report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program of Primorsky Territory "Development of agriculture and regulation of the market of agricultural products, raw materials and food. Improving the standard of living of the rural population of Primorsky Territory" for 2013–2020 for 2015: Department of Agriculture and Food of the Primorsky Territory // Official site of the Department of Agriculture and Food of the Primorsky Territory]. — 2016. — P. 7–11. — URL: <http://www.agrodv.ru/content/otchet-za-2015-god> (reference date: 06.06.2016).

[3] Oficial'naja statistika. Predprinimatel'stvo. Sel'skoe hozjajstvo, ohota i lesnoe hozjajstvo [The official statistics. Entrepreneurship. Agriculture, hunting and forestry // Official site of the Territorial Agency of Federal State Statistics Service, in the Primorsky Territory]. — 2016. — URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (reference date: 06.06.2016).

[4] Perechen' memorandumov i soglashenij, zakljuchennyh mezhdu Primorskim kraem i administrativno-territorial'nymi obrazovanijami zarubezhnyh stran [The list of memorandums and agreements between Primorsky Territory and administrative-territorial entities of foreign countries // Official site of the Primorsky Territory Administration and executive authorities of Primorsky Krai]. — URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/inter/foreign-affairs/agreements.php> (reference date: 06.06.2016).

[5] Perechen' predpriyatij Primorskogo kraja, zainteresovannyh v jeksporte tovarov i uslug (Jeksportnyj potencial Primorskogo kraja) [The list of enterprises of Primorye, interested in exporting goods and services (Export potential of the Primorsky Territory) // Official site of the Primorsky Territory Administration and executive authorities of Primorsky Krai]. — 2014. — URL: <http://primorsky.ru/> (reference date: 05.06.2016).

[6] Piskunov S. Realizacija politiki agrarnogo pereselenija na Dal'nem Vostoke SSSR v 1960-e — seredine 1980-h gg. [The implementation of the agricultural policy of resettlement in the Far East of the USSR in the 1960s — mid-1980s // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija [Scientific statements of the Belgorod State University. Series: History. Political science]. — 2015. — V. 33. — No. 1 (198). — P. 144–150.

[7] Potencial sel'skogo hozjajstva v Primorskom krae (06.04.2016) [The potential of agriculture in the Primorye Territory (06.04.2016)] // Centr social'nyh innovacij «Chernyj kub» [Centre for Social Innovation "Black cube"]. — 2016. — URL: <http://blackcub.ru/2016/04/06> (reference date: 06.06.2016).

[8] *Produkcija sel'skogo hozjajstva po kategorijam hozjajstv (obnovleno 18.02.2016) [Agriculture products by categories of farms (updated 18/02/2016) // Official site of the Federal Service of State Statistics]. — 2016. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel1.htm (reference date: 05.06.2016).*

[9] *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. — 2002: The P32 // Statisticheskij sbornik / Goskomstat Rossii [Statistical collection / State Statistics Committee of Russia]. — Moscow. — 2002. — 863 p.*

[10] *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. — 2015: P32 // Statisticheskij sbornik / Rosstat [Statistical collection / Rosstat]. — Moscow. — 2015. — 1267 p.*

[11] *Regiony Rossijskoj Federacii v kontekste "importozameshhenie" — 2015 [Regions of the Russian Federation in the context of "import substitution" — 2015 // Site information-analytical "Medialogia" system]. — 2016. — URL: <http://www.mlg.ru/company/pr/3986/> (reference date: 05.06.2016).*

[12] *Jiang Wei. Issledovanie raspredelenija dohodov naselenija v Kitae // Sovremennye tendencii razvitija jekonomiki i raspredelenija dohodov: mat-ly rossijsko-kitajskogo nauchno-prakticheskogo seminar (g. Vologda, 28–29 sentjabrja 2012 g.) [The Study of Income Distribution of the Population in China // Modern Trends in Economic Development and Income Distribution: materials of Sino-Russian scientific-practical seminar (Vologda, September 28–29, 2012)]. — Vologda: ISERT RAN, 2013. — P. 7–18.*

[13] *Yang Limin. Sravnitel'nyj analiz struktury tovarnogo sel'skohozjajstvennogo proizvodstva Primorskogo kraja i provincii Hzejlungdzjan [Comparative Analysis of the Structure of Commodity Agricultural Production of Primorsky Krai and Heilongjiang] // Izvestija Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Jekonomika i upravlenie [Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management]. — 2006. — No. 1. — Pp. 19–30.*

УДК 332.1(470.57)

МУХАМАДИЯРОВА Айгуль Калашовна,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики, информатики и аудита
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: ai_mukhamad@rambler.ru

СУБХАНГУЛОВ Рустем Раисович,

кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных и экономических дисциплин
Уфимского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации (г. Уфа)
e-mail: 55671@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА ОСНОВЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЗАЛОГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ

В данной статье рассматриваются проблемы повышения эффективности сельскохозяйственных товаропроизводителей, обеспечивающих продовольственную безопасность. Целью исследования было изучение вопросов поддержки роста производства продукции сельского хозяйства, совершенствование залоговых операций на региональном уровне. Анализ проблем привлечения денежных ресурсов и необходимость модернизации основных средств сельскохозяйственных товаропроизводителей позволил выработать механизм залоговых операций на примере зерна.

Ключевые слова: модернизация, АПК, контракт, рост производства, двойное складское свидетельство, субъект Российской Федерации.

Стабильное увеличение темпа прироста производства сельскохозяйственной продукции как один из показателей конкурентоспособности сельского хозяйства напрямую зависит от уровня технической оснащенности и применяемых технологий в отрасли. Прогрессивность применяемой техники и технологий формируется за счет правильно применяемой амортизационной политики и вложений в основной капитал. Следовательно, инвестиции в организации, формируемые от выручки, влияют на объем применяемой современной техники и технологий, т.е. на постоянную модернизацию орудий труда, средств производства и выпускаемую продукцию.

Под государственным регулированием агропромышленного производства понима-

ют экономическое воздействие государства на производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Управление процессами модернизации в организациях подвержено навязанным характером преобразований. Такими преобразованиями в России были трансформация экономических и политических отношений, начавшаяся с 1991 года. Формирование рыночных отношений сопровождалось кардинальным изменением ранее сложившихся экономических связей. Поддержка экономического потенциала сельскохозяйственных товаропроизводителей до преобразований обеспечивала рост производства в коллективных хозяйствах и совхозах на уровне, необходимом обес-

печения нужд населения. Однако в современных условиях, когда товарообмен продуктами питания вышел за рамки государства в связи членством России в Таможенном союзе, ВТО и пр. возникла необходимость эффективного управления основными средствами производства в условиях неопределенности рынка и ограниченности финансовых ресурсов.

Навязанный характер модернизации или так называемая догоняющая модернизация не всегда реализуется посредством восприятия ее обществом, тем более что среда проживания на селе характеризуется традиционным обществом, воспитанном в определенном порядке со своими устоями. Поэтому без конкуренции и рыночных условий невозможно повлиять на изменение общества, на его уклад для того чтобы преобразовать в современное. Навязанный характер преобразований наталкивается на нежелание адаптироваться к новым реалиям жизни на селе в виде оттока населения из деревень.

Эффективное использование ресурсов в сельскохозяйственных организациях, связанное с производством продукции, влияет на вид воспроизводства.

К основным направлениям государственного регулирования сельского хозяйства относятся:

- реализация аграрной реформы;
- регулирование ценообразования, кредитования, расчетов и страхования в сельском хозяйстве;
- формирование экономико-правового механизма государственной поддержки сельскохозяйственного производства;
- обеспечение развития социальной сферы села и аграрной науки.

Особенностью рыночных отношений, повлиявших на сельское хозяйство, является то, что современный уровень технологий сельскохозяйственных организаций не позволяет перерабатывать все сырье, и часть выращенной продукции из-за ее низкой добавленной стоимости остается невостребованной, что влияет на финансовое положение сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Потребность в высокопроизводительной технике и понимание проведения работ в сжатые агротехнические сроки с учетом огра-

ниченности материальных и людских ресурсов вынуждают руководителей сельскохозяйственных организаций отдавать предпочтение ресурсосберегающей и надежной технике.

Современное состояние машин и оборудования в сельскохозяйственных организациях представляет собой конгломерат разновозрастной техники соответствующей различным технологическим циклам, начиная от экстенсивного и заканчивая интенсивным. С целью применения интенсивных и экологически безопасных технологий выращивания сельскохозяйственных культур и животных необходимо применение однотипных надежных и ресурсосберегающих машин и механизмов. Не все сельскохозяйственные товаропроизводители могут себе позволить закупить и применять у себя передовые научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Поэтому модернизация основных средств, основанная на улучшении его характеристик, позволяет расширить или изменить их возможности.

Следовательно, на модернизацию основных средств сельскохозяйственных товаропроизводителей как наиболее важных факторов влияют финансовые возможности организации, особенности реализации сельскохозяйственной продукции, а также обеспеченность кадрами.

В настоящее время в стране активно используются такие ценовые рычаги централизованного регулирования аграрно-промышленного комплекса (АПК), как установление закупочных цен на продукцию, реализуемую в счет государственного заказа, применение предельных отпускных цен на социально значимые товары, контроль применения торговых надбавок. Также применяются и иные меры — ограничение темпов увеличения отпускных цен в соответствии с прогнозным индексом инфляции, регулирование цен на продукцию предприятий, занимающих доминирующее положение на аграрных рынках.

Основными проблемами, связанными с несовершенством ценового регулирования, являются: низкий уровень доходов товаропроизводителей для ведения расширенного воспроизводства, неспособность сформировать собственные фонды развития, нестабильность цен.

Рассмотрим условия реализации сельскохозяйственной продукции, сформировавшиеся с постсоветского периода по настоящее время, выявим сдерживающие причины развития рынка АПК.

Поддержка роста производства продукции сельского хозяйства, а также увеличение общего уровня жизни на селе обеспечивалось системой поставок государству. Так большая часть выращенной сельскохозяйственной продукции реализовывалась по стабильным ценам в государственные фонды.

Конечно же, не всегда система государственного планирования была эффективной по отношению к колхозам и совхозам как по степени напряженности выполнения плана, так и по уровню цен, однако сельскохозяйственные товаропроизводители были заняты производством, а не реализацией продукции.

Трансформация экономико-политических отношений в России привела к тому, что с 1994 года были отменены обязательные поставки в государственные фонды сельскохозяйственной продукции, увеличилось число форм собственности главного средства производства в сельском хозяйстве — земли [6]. Были реорганизованы колхозы и совхозы как по многообразию организационно-правовых форм, так и по переименованию их в сельскохозяйственные производственные кооперативы. Крупные изменения повлияли как на экономику сельскохозяйственных товаропроизводителей, так и отрасль в целом. И хотя воспроизводство претерпело изменения, рыночный механизм хозяйствования на селе искал пути к расширенному воспроизводству общественного продукта.

Отмена обязательных поставок в государственные фонды сельскохозяйственной продукции как источник получения дохода повлияла на сокращение платежеспособного спроса, изменение структуры производства.

Поиск путей сбыта выращенной сельскохозяйственной продукции привел сельскохозяйственных товаропроизводителей к реализации продукции по низким ценам, что повлияло на качество, так же как и снижение числа проверок (таких как Росхлебинспекция) или уменьшение проверок заготовительных организаций, а не производителей.

Поставки для государственных нужд в 2005 году были изменены и предложены в форме интервенций или же закупок на основе Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», а с 1 января 2014 г. применяется Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4–5].

Рынок по поставке сельскохозяйственной продукции государству значителен по своим масштабам. Проблемы, стоящие перед сельскохозяйственными товаропроизводителями для выхода на рынок и участия их в торгах, объединены в группы:

- информационные;
- организационные;
- правовые [3] (табл. 1).

В настоящее время в соответствии с положениями ст. 14 Закона государственные закупочные интервенции проводятся путем закупки, в том числе на биржевых торгах, у сельскохозяйственных товаропроизводителей произведенной ими сельскохозяйственной продукции или путем проведения залоговых операций в отношении данной продукции. При этом Правилами осуществления государственных закупочных и товарных интервенций для регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 03.08.2001 № 580, проведение залоговых операций не предусмотрено [7].

Отличительной чертой залоговых операций в предлагаемом механизме является участие региональных властей как основного регулятора в отношениях с сельскохозяйственными товаропроизводителями. В Башкортостане, к примеру, организацией, которая представляет интересы Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан на соответствующем рынке, является ГУП Республиканское агентство регулирования продовольственного рынка «Башагропродукт» [8]. Механизм залоговых операций рассмотрим на примере вышеуказанной организации. Основным требованием для реализации представ-

Таблица 1 — Проблемы, стоящие перед сельскохозяйственными товаропроизводителями

Информационные	Организационные	Правовые
– пять федеральных электронных торговых площадок; – сложность в получении и поиска информации	– отсутствие интереса в поставке, т.к. поставки идут на понижение цены; – в большей части сельскохозяйственные товаропроизводители могут поставить сырье (зерно, корма и др.), а не готовый к потреблению продукт (пакетированное молоко); – при поставке товара заказчик включает в техническое задание вместе с апельсинами, чеснок и картошку; – сельскохозяйственные товаропроизводители ограничены расстоянием, т.е. из-за незначительного объема в 15 кг в квартал мяса никто за 30 км ездить не будет.	– сложность оформления документов для крестьян из-за отсутствия юридических познаний; – большое количество документов для участия в федеральной электронной торговой площадке; – при поставке сельскохозяйственной продукции зачастую признаются победителями не сельскохозяйственные товаропроизводители, а организации, имеющие транспорт для перевозки и хранения, т.е. перекупщики, которые значительную часть добавленной стоимости кладут себе в карман.

ляемого залога является то, что залогополучатель должен быть в ведомственном подчинении субъекта и участвовать в регулировании рынка, но не в качестве монополиста.

Сельскохозяйственный товаропроизводитель, заинтересованный в привлечении денежных средств, подает заявку на получение денежных средств под залог выращенной продукции. ГУП «Башагропродукт» проверяет как финансовые показатели деятельности организации по представленным документам, так и качественные характеристики продукции, предоставляемые под залог. В случае положительного решения по запрашиваемой сумме подавшая заявку организация передает на ответственное хранение продукцию, которая является залогом и в качестве документа оформляет двойное складское свидетельство, а взамен получает денежные средства. Напомним, что на основании ст. 912 ГК РФ двойное складское свидетельство является ценной бумагой [2]. С учетом времени, зафиксированного в договоре, сельскохозяйственный товаропроизводитель оставляет денежные средства в своем распоряжении или же, найдя более высокую цену за сданный товар, возвращает денежные средства ГУП «Башагропродукт»

и реализует собственную продукцию, но уже более эффективно для себя. ГУП «Башагропродукт» использует как ценную бумагу, так и товары, полученные от залога, в своих целях — от размещения на финансовых рынках до участия в товарных биржах.

Передача продукции на ответственное хранение до начала полевых работ позволит стимулировать производство продукции. Отметим, что не каждый участник рынка может участвовать в товарных биржах по количественному критерию, так в АО «Национальная товарная биржа» по пшенице 3, 4, 5 классов минимальные объемы контракта от 65 т [1].

Применение механизма залоговых операций на рынке позволит сельскохозяйственным товаропроизводителям самостоятельно привлекать денежные ресурсы непосредственно с финансового рынка для пополнения оборотных средств без прямой продажи, сохраняя возможность реализации продукции на рынке по более высокой цене в будущем. Данный механизм создает предпосылки для снижения прямой бюджетной поддержки сельского хозяйства, в том числе в период сезонных полевых работ. Рассмотренный механизм подходит и для иных видов товаров, требующих определенной поддержки.

Литература

[1] АО «Национальная товарная биржа» // Московская биржа [Электронный ресурс]. — URL: <http://moex.com/s953> (дата обращения: 08.09.2016).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015 № 268-ФЗ) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[3] Мухамадиярова А.К., Субхангулов Р.Р. К вопросу об особенностях рассмотрения первых частей заявок на участие в электронном аукционе // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2016. — № 2 (31). — С. 103.

[4] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон Рос. Федерации от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Российская газета. — 2013. — № 80.

[5] О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федер. закон Рос. Федерации от 21.07.2005 № 94-ФЗ // Российская газета. — 2005. — № 163.

[6] О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России: Указ Президента Российской Федерации от 27.10.1993 № 1767 // Российские вести. — 1993. — № 210.

[7] Об утверждении Правил осуществления государственных закупочных и товарных интервенций для регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Постановление Правительства Российской Федерации от 03.08.2001 № 580 [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

[8] Устав ГУП Республиканское агентство регулирования продовольственного рынка «Башагропродукт» // Официальный сайт ГУП «Башагропродукт». — URL: <http://bashagroprod.ru/wp/wp-content/uploads/2012/11/USTAV-2015.pdf> (дата обращения: 08.09.2016).

MUKHAMADIYAROVA Aigul Kalashovna,

*Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor,
Associate Professor Department of Economics, Informatics and Audit
the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa
e-mail: ai_mukhamad@rambler.ru*

SUBHANGULOV Rustem Raisovich,

*Candidate of Economic Sciences,
Senior Lecturer in Social and Humanitarian
and Economic Disciplines
Ufa Law Institute of the Ministry of Interior
of the Russian Federation, Ufa
e-mail: 55671@rambler.ru*

THE QUESTION OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF AGRICULTURAL PRODUCERS ON THE BASIS OF REGIONAL MORTGAGE OPERATIONS

This article discusses the problem of increasing the efficiency of agricultural producers to ensure food security. The aim of the study was to examine the issues of supporting the growth of agricultural production, improvement of mortgage operations at the regional level. Analysis of the problems of attracting financial resources and the need to modernize fixed assets of agricultural producers has allowed to develop a mechanism of mortgage transactions in the example of the grain.

Key words: *modernization, agriculture, contract, production growth, a double warehouse certificate, a subject of the Russian Federation.*

References

[1] АО «Nacional'naja tovarnaja birzha» [National Commodity Exchange] // Moskovskaja birzha [Moscow Stock Exchange] [Electronic resource]. — URL: <http://moex.com/s953> (reference date: 08.09.2016).

[2] Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 13.07.2015 № 268-FZ) [The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 number 51-FL (ed. by 13.07.2015 number 268-FL)] // SZ RF [Code of Laws of the Russian Federation]. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.

[3] *Mukhamadiyarova A.K., Subhangulov R.R.* K voprosu ob osobennostjakh rassmotrenija pervyh chastej zajavok na uchastie v jelektronnom aukcione [To a Question about the Features of the First Parts of the Consideration of Applications for Participation in the Electronic Auction] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2016. — No. 2 (31). — P. 103.

[4] O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, robot, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd: Feder. zakon Ros. Federacii ot 05.04.2013 № 44-FZ [On the Contract System in the Procurement of Goods, Works and Services for State and Municipal Needs: Federal Law of the Russian Federation dated May 4, 2013 number 44-FL] // Rossijskaja gazeta [The Russian newspaper]. — 2013. — No. 80.

[5] O razmeshhenii zakazov na postavki tovarov, vypolnenie robot, okazanie uslug dlja gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd: Feder. zakon Ros. Federacii ot 21.07.2005 № 94-FZ [On Placing Orders for Goods, Works and Services for State and Municipal Needs: Federal Law of the Russian Federation dated July 21, 2005 number 94-FL] // Rossijskaja gazeta [The Russian newspaper]. — 2005. — No. 163.

[6] O regulirovanii zemel'nyh otnoshenij i razvitii agrarnoj reformy v Rossii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 27.10.1993 № 1767 [On Regulation of Land Relations and the Development of Agrarian Reform in Russia: the Presidential Decree dated October 27, 1993 number 1767] // Rossijskie vesti [Russian News]. — 1993. — No. 210.

[7] Ob utverzhenii Pravil osushhestvlenija gosudarstvennyh zakupochnyh i tovarnyh intervencij dlja regulirovanija rynka sel'skohozjajstvennoj produkcii, syr'ja i prodovol'stvija: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 03.08.2001 № 580 [On the Approval of Rules of the State Purchasing and Commodity Interventions to Regulate Agricultural Markets, Raw Materials and Food: Russian Federation Government Resolution dated August 3, 2001 number 580] [Electronic resource]. — Access from access of legal-reference system "Consultant Plus".

[8] Ustav GUP Respublikanskoe agentstvo regulirovanija prodovol'stvennogo rynka "Bashagroprodukt" [The Charter Republican State Unitary Enterprise Agency Regulation "Bashagroprodukt" Food Market] // Oficial'nyj sajt GUP "Bashagroprodukt" [Official site of State Unitary Enterprise "Bashagroprodukt"]. — URL: <http://bashagroprod.ru/wp/wp-content/uploads/2012/11/USTAV-2015.pdf> (reference date: 08.09.2016).

РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УДК 342 (470.57)

МАЛИКОВ Марат Файзелкадирович,
доктор юридических наук, профессор,
руководитель отдела исследования проблем
конституционного и муниципального права
Евразийского научно-исследовательского института проблем права,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа
e-mail: mmf37@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРАВО: ТРАНСФОРМАЦИЯ И РАЗВИТИЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

В статье рассматриваются концептуальные основы регионального права и обосновывается концепция согласованного суверенитета в кооперативном федерализме.

Ключевые слова: суверенитет, региональное право, конституция, регион, субъект Российской Федерации.

1. Методология изучения регионального права

Изучение регионального права базировалось на концепции российской исторической традиции и западных моделей государственного устройства с учетом легитимности действующей конституции и регионального правотворчества, принципов разделения властей и децентрализации власти в рамках федерализма и регионализма на основе закономерности определения диаметрально противоположных подходов.

При этом учитывалось, что каждый познающий или разрабатывающий проблемы опре-

деленной науки волен выбирать позицию, соглашаясь с предшественниками либо отвергая их мнение по мотивам юридической логики, мировоззренческих или политических убеждений, предлагать свою теоретическую концепцию, собственное решение. По определению Н.А. Богдановой, только при таком подходе плюрализм идей станет реальностью и будет служить фактором развития конституционно-правовой мысли, поскольку лишь и научной дискуссии, борьбе и конкуренции направлений, школ возможен прогресс [2].

2. Гипотезы о возникновении и становлении регионального права Башкортостана

1. Дискреционное право базировалось и на шариатском праве. Оно является основанием регионально-религиозной, политико-правовой автономии в профедерации, становится неотъемлемой частью управления краем на любом этапе развития федеративных (протофедеративных) отношений России и Башкортостана.

2. Дискреционное право является типом (разновидностью) современного делегирования полномочий, т. к. установленная договором власть позволяла реализовать полномочия края по своему усмотрению.

3. Доисторический период Башкортостана характеризуется отсутствием государственности, т. к. каменный, бронзовый и железный пе-

риоды времени предшествовали письменности и оседлости, а оставили следы лишь в вещественных памятниках и в народных преданиях; Для России историческая эпоха наступила в IX веке, для греков и римлян — за несколько веков до рождения Христа, для Египта и Ассирии-Вавилонии — за четыре тысячелетия до нашей эры.

4. Дискреционное региональное право свидетельствует о концепции «тождественной истинности» параллельного формирования «про-регионального законодательства» и «прогосударственного объединения». Это соотношение государства и права на основе оседлости населения не учитывается историками, а юристы считают, что кочевники сильнее оседлых.

5. Начальным этапом формирования регионального права в Башкирии можно считать заключение договора с монголами о дружбе и союзе, поскольку в нем была определена относительная самостоятельность башкир.

6. Современное конституционно-уставное региональное право обеспечивается закреплением юридического верховенства Конституции Российской Федерации на всей территории страны (ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации), определением сфер исключительной (ст. 71) и совместной компетенции Федерации и ее субъектов (ст. 72 и ст. 73), установлением приоритетов законодательства Российской Федерации и ее субъектов, гарантированностью самостоятельности субъектов Российской Федерации в сфере законодательства, введением договоров и соглашений меж-

ду Российской Федерацией и ее субъектами в число источников конституционного права и возможностью в этой связи договорно-правового регулирования внутри федеративных отношений; определением общей процедуры разрешения юридических споров путем отнесения к ведению Российской Федерации федерального коллизионного права.

7. Современные термины: «политическая субъектность регионов», «региональная политическая субъектность», «государственная субъектность» «субъект политики», «субъекты федерации», понимаемые как синонимы, применимы к прежним взаимоотношениям Башкортостана и России, поскольку они толкуются в смысле «самостоятельности», «суверенности», «полномочий субъектов» отдельного края.

8. Научные достижения последних лет подтверждают высказывания этнографа, краеведа М.В. Лоссиевского о том, что «история башкир могла бы внести не мало весьма интересных страниц в общерусскую историю, но за разработку для этого необходимых материалов никто еще серьезно не принимался, значительная часть их истлевает нетронутой в архивах» [6].

9. Начальным этапом формирования государственности Башкортостана можно считать проникновение к башкирам арабской письменности.

10. «Положение о башкирах» является самостоятельным правовым основанием регионального права Башкортостана.

3. Исходные положения изучения регионального права

Исходными положениями регионального права признаны государственность, автономия, административно-территориальные единицы (улусы, туманы, воеводства, наместничества, кантоны, земств, волости, юрт (уездов), губерний), ранние государственные объединения в виде государства: племена Южного Урала

(Янь, Аркаим, Уфа 1, Уфа 2), племенной союз (Табынское государство), государство гуннов (Кангюй), переходное государство (Ишимбайское ханство), государство Кара-ханов, протофедерации (Бурзянская федерация), полуфедерации (Едигей), квазифедерации (Дешт-и-Кыпчак, государство Бату, Джунгарские ханства).

4. Результаты мониторинга регионального права

Результаты мониторинга регионального права Республики Башкортостан в рамках ГНТП «Башкортостан в XXI веке» выявили тен-

денции формирования всего законодательства Российской Федерации и исторические периоды становления государственности Баш-

кортостана, включая современные периоды развития конституционного законодательства республики.

Необходимость данного Гранта исследования определялась отсутствием согласованности между нормативными правовыми актами разных уровней; нечеткостью договорного характера разграничения полномочий между

федеральными органами власти и субъектов Федерации; неразработанностью правового механизма формирования и перераспределения (делегирования) полномочий между законодательными и исполнительными органами власти; несогласованностью конституционно-правовых механизмов проведения обязательной экспертизы законопроектов.

5. Эволюционная концепция регионального права

Для изучения социально-экономических, политико-правовых основ регионального права была разработана эволюционная концепция регионального права.

Данная концепция включает в себя «дискреционное» (делегированное) право, «проконституционное законодательство» и «прорегиональное конституционное законодательство».

«Дискреционное» (делегированное) право базируется на шариатском праве. Его ценность определяется тем, что оно позволило найти регионально-религиозной, политико-правовой характер автономии в Бурзянском типе профедерации. Следовательно, оно было неотъемлемой частью правовой основы управления краем на любом этапе развития федеративных (протофедеративных) отношений России.

«Проконституционное законодательство» в рамках «протофедерации» охватывает этапы российского государственного суверенитета в дореволюционной России на основе договоров о добровольном присоединения башкирских земель к Золотой Орде и к Русскому государству, которые предусматривали относительную самостоятельность башкирского народа.

«Прорегиональное конституционное законодательство» базируется на «Положении о башкирах» от 14 мая 1863 года.

Поскольку данная тема является первой попыткой собрания истоков регионального права по материалам Республики Башкортостан, то она не может быть свободной от упущений и недостатков — как в отношении полноты приводимых сведений, так и в самом их выборе.

В связи с этим интерес к исследованию проблем регионального права по материалам Республики Башкортостан вызван не только отсутствием подобной работы, но и тем, что без национально-государственных образований, носящих название того или иного коренного народа, то есть без современных (прежних) субъектов, фактических учредителей и составных частей федерации («протофедерации») нет и самой России как любого этапа федеративного государства. Научно-исследовательские краеведческие работы активизировались в начале XX в. Тем не менее, специально не изучен прежний механизм формирования дореволюционного «прорегионального» регионального законодательства. Признание регионального права способом реализации компетенции как дореволюционных административно-территориальных единиц, так и современных органов государственной власти субъектов Российской Федерации недостаточно раскрывает содержание регионального права, так как речь идет лишь о внешнем проявлении процесса современного (прежнего) правотворчества, т. е. о форме взаимоотношений центра и регионов, хотя посредством функционального подхода к ведению полномочий субъектов Федерации («протофедерации») можно выяснить формальные (а не содержательные) пределы его проявления. Вопрос сводится к пониманию относительной территориальной самостоятельности Башкортостана на условиях вотчинного права до первой половины XVIII в., а с переводом восточных границ России с реки Кама на Яик на условиях провинциального права. Применительно к истокам нашей темы речь идет о ранних

видах автономии и «протофедерации» на территории Башкортостана в составе Монгольского, Московского государств, Башкурди-

стана и БАССР в составе РСФСР, Республики Башкортостан в системе Российской Федерации.

6. Условия возникновения федерализма на Руси

По признанию ученых, идея федерализма как политики возникла в России как опосредующее звено между тенденцией национального сепаратизма и российского унитаризма. Данный вывод вытекает из того, что вся история Руси удельного уклада есть постепенное развитие федеративного начала с элементами регионального права.

Характерно то, что эти изменения были обусловлены объединением славянских племен вплоть до образования единого суверенного государства, способного устанавливать в России абсолютную монархию в XVII–XVIII вв. По существу, это было формой государства в России после раннефеодальной и сословно-представительной монархий.

7. Особенности регионального права Башкортостана

Особенности регионального права Башкортостана обусловлены сущностью, функциями, механизмом действия прежних договоров, дореволюционных нормативных актов, декретов советской власти с учетом конкретно-исторического содержания целостной системы регионально-местного и территориального управления на фоне мировой истории.

Одна из характерных особенностей регионального права Башкортостана в рамках национально-государственного строительства РСФСР состояла в том, что оно сочетало в себе форму автономии и форму автономной национальной республики. Это непосредственно вытекало из «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», провозгласившей, что РСФСР учреждается «как федерация советских республик».

При определении характера «Соглашения Российского рабоче-крестьянского правительства с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии» от 23 марта 1919 г. мы исходили из того, что в нем были реализованы: идея национальной автономии, форма самоопределения башкирского народа в самостоятельность, роль коммунистической партии Башкирии в создании советской автономии, концепция этнонационализма на основе политики коренизации, прежнее вотчинное право башкир, решение Башкирского Шуро (Совета) о провозглаше-

нии автономии по Фарману № 1, объявление территориальной автономии Башкортостана по Фарману № 2 в пределах Оренбургской, Пермской, Уфимской и Самарской губерний, решение «Малого Курултая» «О территориально-национальной автономии Башкурдистана», решение II Всебашкирского Курултая «Об особой автономии» (20 декабря 1917 г.), постановление Пленума ЦК РКП (б) «По башкирскому вопросу» (8 апреля 1920 г.), проект Положения «Об автономном управлении Малой Башкирией» (18 ноября 1918 г.), Декларация прав народов России (2 ноября 1917 г.), идея «урезанной автономии», результаты национально-освободительных движений башкирского народа, решение I Всероссийского съезда башкир «О национально-культурной автономии» (27 июля 1917 г.), принцип административной и политической децентрализации в национально-культурной автономии, решение того же съезда «О территориальной автономии «Волго-Уральского штата», проект образования автономного территориального штата «Идель-Урал», проекты Кокандской автономии (Туркестан), Алаш-Орда (Казахстан), Автономии Башкурдистана, Союза Горских народов и казаков (Северный Кавказ). Об особом значении «Соглашения» свидетельствует признание его отдельными авторами «первой Конституцией Автономного Башкортостана». Следовательно, есть основания считать, что

региональное право является способом децентрализации и методом согласования интересов органов федеральной и региональной властей.

Представляется немаловажным признание образования автономии России, следовательно, регионального права как способа внедрения самоуправления (сначала сословное, а затем земское), как, например, автономии Польши и Финляндии, которые имели собственные конституции, сюда же следует отнести региональные традиционные органы управления в Средней Азии и Сибири. Значение подобных форм децентрализованного управления трудно переоценить, тем более что региональное право Башкортостана было создано по инициативе местного населения, а развитие получило при поддержке федеральных органов России.

Становление регионального права на основе башкирской государственности связано с местным управлением, определяемым Золотой Ордой и ее преемниками, Московской Руси и ее преемниками. Требования изменения (сохранения) условий вхождения в Российское государство, выдвигаемые в ходе народных волнений и трансформации Российского государства в целом указывались в башкирских восстаниях, наказах в Новом Уложении, образовании Малой Башкирии и деятельности Башкирского Шуро, проектах Конституций Башкирии 1925, 1937, 1978, 1993 годов.

Идеи и практика суверенизации России и Башкортостана всегда были и остаются полем идеологической, политической, социальной борьбы между сторонниками этих двух направлений. С одной стороны, движение в сторону мировых стандартов качества жизни — ценности индивидуальной личности, прав

и свобод человека, экономической и политической свободы, приоритета прав и свобод человека перед правами наций, народов, перед государством, — разумеется, при взаимной связанности, взаимных обязанностях гражданина и государства, человека и общества. А с другой — сохранение, консервация устаревших, отживших, архаичных, гиперболизированных, общинно-коллективистских форм жизни. Такова реальность, оказывавшая и оказывающая столь мощное воздействие на государственно-правовую жизнь России и Башкортостана, правотворческие технологии в создании региональных нормативных актов, закономерности развития юридического закрепления государственно-правового и политико-правового механизма.

По признанию профессора М.А. Аюпова, «децентрализация федеральной власти влечет за собой повышение политико-государственной самостоятельности и ответственности регионов, автономизацию их политической жизни с точки зрения организации власти, развития институтов гражданского общества, демократии, обеспечения прав и свобод граждан, динамики и характера региональных политико-трансформационных процессов». Он вполне обоснованно считает, что в цивилизованном соединении достоинств национально-государственной консолидации и децентрализации власти — источник и неисчерпаемые ресурсы стабильности и демократического развития современных государств [1]. Отсюда определение регионального права по материалам республики должно быть направлено на выявление тенденций становления государственности других субъектов Российской Федерации и закономерности формирования российского федеративного государства.

8. Послереволюционная модель правотворчества

Для понимания регионального права Башкортостана в рамках соотношения федерального и регионального законодательства важное значение имеет концептуальная модель «революционного правотворчества» в условиях дикта-

туры пролетариата, «союзного правотворчества» в условиях развитого социализма (общенародного государства), «федерального правотворчества» в Российской Федерации, «регионального правотворчества» для субъектов федерации.

9. Современная модель развития правотворчества

Современный период развития регионального права Республики Башкортостан характеризуется самостоятельностью суверенитета в 1990–2000 гг. в рамках собственного, параллельного, опережающего, блокировочно-

го правового регулирования, согласованием законодательства в 2000–2006 гг., стабилизацией законодательства 2006–2008 гг., развитием федерального и регионального законодательства с 2008 года по настоящее время.

10. Модель разграничения полномочий по предметам совместного ведения

Первая модель разграничения полномочий по предметам совместного ведения состоит в закреплении федеральными органами всех полномочий в областях правового регулирования и государственного управления. При этом исполнительно-распределительные полномочия распределяются между органами государственной власти Федерации и субъектов Федерации с сохранением за федеральными органами ряда контрольных и надзорных полномочий. Отсюда представляются не совсем оправданными предложения о целесообразности аннулирования предметов совместного ведения.

Вторая модель состоит в распределении всех полномочий в области правового регулирования, а в области государственного управления распределение полномочий между органами государственной власти Федерации и субъектов Федерации — путем разграничения полномочий по каждому предмету ведения.

По мнению отдельных авторов, именно расширение федеральной составляющей в сфере совместного ведения центра и субъектов порождает трудности в осуществлении собственного правотворчества. Поэтому высказываются предложения о совершенствовании предметов совместного ведения путем изложения в них компетенции субъектов Федерации. Однако следует учесть, что в конституциях субъектов федерации определены их исключительные полномочия, которые позволяют совершенствовать собственные правовые регулирования с учетом особенностей республики.

Третья модель предполагает закрепление за федеральными органами возможности установления принципов, основ регулирования и контроля за соответствием этим принципам законодательных актов, принимаемых

в субъектах Федерации, а все иные нормотворческие и исполнительные полномочия закрепляются за органами государственной власти субъектов Федерации.

Заслуживают всяческой поддержки предложения о конкретизации принципов законотворчества по предметам совместного ведения. К ним можно было бы отнести: регулирование федеральным законом отношений, которые должны решаться одинаково всеми субъектами Российской Федерации; введение общих рамочных норм по вопросам совместного ведения; недопустимость регулирования законом субъекта Федерации вопросов компетенции федеральных органов, даже если правовой акт субъекта Федерации принимается по предметам совместного ведения ранее, чем федеральный закон; соблюдение принципа благоприятного правового режима, разрешающего субъекту Федерации улучшать, но не ухудшать правовой статус участника правовых отношений, определенный на федеральном уровне.

В рамках ст. ст. 72 и 76 Конституции Российской Федерации можно было бы разработать и принцип опережающего правового регулирования по предметам совместного ведения, в том числе по вопросам, которые отсутствуют в предметах совместного ведения, не только субъектами Федерации, но и самой Федерацией. В частности, на это нацеливает Конституционный суд России, отметив, что если субъект Российской Федерации не принял закон по вопросу, отнесенному к его компетенции федеральным законодателем в порядке осуществления полномочий по предметам совместного ведения, то федеральный законодатель в случае необходимости сам может осуществить правовое регулирование в этой сфере.

11. Приоритетные задачи современного правотворчества Республики Башкортостан

На современном этапе приоритетной задачей собственного правового регулирования Республики Башкортостан является реализация особенностей республики в рамках полномочий с учетом: 1) национального и религиозного состава населения; 2) территории (наличие труднодоступных и отдаленных местностей); 3) экологии (наличие крупнейшего в Европе нефтеперерабатывающего комплекса, а также большого количества химических производств); 4) сельского хозяйства, поскольку климатические условия не вполне благоприятны для выращивания сельскохозяйственных культур; 5) животноводческого комплекса, ориентированного на коневодство; пчеловодство; 6) природно-климатических, исторических, археологических условий для познавательного, оздоровительного и спортивного

туризма; 7) донорского характера экономики республики для федерального бюджета [7].

В Конституции Республики Башкортостан в редакции 2008 года предусмотрены: 1) конституционное признание федеративной формы государственного устройства; 2) объединение и сохранение федеративного государственного единства, целостности; 3) обеспечение национальной безопасности; 4) централизация и децентрализация Российской Федерации и ее субъектов; 5) взаимное уважение и взаимная ответственность федерации и субъектов; 6) обеспечение в рамках федерации прав человека и гражданина в соответствии с международными нормами; 7) юридические механизмы согласования законодательства (п.п. 23, 36 ст. 71, п.п. 20, 28 ст. 87 Конституции Республики Башкортостан).

12. Объекты регионального права Республики Башкортостан

Объектами регионального права являются: 1) разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами (ч. 3 ст. 5, ч. 3 ст. 11, ст. 12, ст. ст. 71–73, 76, ч. 1 ст. 130, ст. 132 Конституции Российской Федерации); 2) преобразование конституционного статуса субъектов, в том числе изменение их границ с последующим законодательным закреплением состава Российской Федерации (ч. 1 ст. 65, ч. 5 ст. 66 Конституции Российской Федерации); 3) разработка Конституции Российской Федерации и Конституций (Уставов) субъектов, которые являются частью единой системы законодательства Российской Федерации; 4) формирование федеральных представительных органов; 5) координация правотворческой деятельности в Российской Федерации и ее субъектов; 6) недопустимость принятия законов и иных нормативно-правовых актов, противоречащих не только федеральным законам, но и иным нормативным правовым актам федеральных органов государственной власти.

Эти же объекты одновременно являются и основаниями согласованного суверенитета.

По признанию законодателей республики, эти особенности реализуются в республиканских целевых программах по регулированию инвестиционной деятельности, приватизации государственного имущества, государственной собственности. Кроме того, действуют республиканские законодательные акты о пчеловодстве, племенном животноводстве, семеноводстве, об охране атмосферного воздуха, о питьевой воде, мелиорации земель.

Однако результаты исследования действия этих законов республики подтверждают необходимость создания комплексных процессуально-правовых средств их реализации предпринимателями, фермерами и всеми субъектами хозяйствования. Таким образом можно было бы достичь налоговой поддержки отечественных производителей продуктов агропромышленного комплекса и иных продукции для жителей республики, исключить завоз некачественной импортной продукции на основе правовой экспертизы законопроектов Российской Федерации и ее субъектов, включая их как фактор коррупции.

Согласно п. 23 ст. 71 Конституции Республики Башкортостан, сферы законодательной инициативы будут расширяться с учетом экономической особенности республики. Это даст возможность рассмотреть свои инициативы, принять участие в обсуждении федеральных проектов законов и обосновать их необходимость в интересах жителей республики.

В рамках законодательной инициативы объекты экономической особенности республики можно было бы конкретизировать в Федеральных законах «О порядке приведения законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами», «Об обеспечении территориальной целостности Российской Федерации», «Об общих принципах государственной стратегии регионального развития в Российской Федерации», «О стандартах бюджетной обеспеченности Российской Федерации», «О порядке передачи управления федеральной собственностью в ведение субъектов Российской Федерации», «Об общих принципах организации и деятельности ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации», «О единстве государственной власти в Российской Федерации», «О гарантиях государственной целостности Российской Федерации».

Важно подчеркнуть, что на реализацию этих целей направлены современные проекты законов республики: «О нормативных правовых актах Республики Башкортостан», «О контроле за исполнением законов Республики Башкортостан» (следовало бы данный проект обозначить как «Пути совершенствования исполнения законов», определив в проекте вид

закона, то есть административного или бюджетного законодательства и т.п.), «О мониторинге законов Республики Башкортостан», «О порядке выявления мнения населения по вопросам государственного значения» (следовало бы, на наш взгляд, сформулировать этот проект в виде «Реализация общественно-государственного мнения по вопросам государственного значения», оставив порядок выявления мнения населения в виде первого раздела проекта), «О регулировании отдельных вопросов отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности Республики Башкортостан или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства», «О внесении изменений в Закон Республики Башкортостан "О приватизации государственного имущества в Республике Башкортостан"», «Об инновационной деятельности в Республике Башкортостан», «Об участии Республики Башкортостан в государственно-частном партнерстве», «О регулировании лесных отношений в Республике Башкортостан», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Башкортостан в сфере экологии и природопользования», «О регулировании земельных отношений в Республике Башкортостан», «О внесении изменений в Закон Республики Башкортостан "О коневодстве"», «О внесении изменений в Закон Республики Башкортостан "О регулировании водных отношений в Республике Башкортостан"», «О внесении изменений в Закон Республики Башкортостан "О государственной поддержке сельскохозяйственных потребительских кооперативов"», «Об обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения в Республике Башкортостан».

13. Цели регионального права Республики Башкортостан

Цели регионального права сформулированы в федеральных законах: «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти субъектов Российской Федерации», «Концепция Государственной национальной политики Российской Федерации», «О консти-

туционно-правовом статусе субъекта Федерации», «О полномочиях субъектов Федерации по предметам совместного ведения», «О совершенствовании межбюджетных отношений в Российской Федерации», «Об управлении федеральной собственностью в субъектах Федерации», «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации»,

«Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

В них отражена главная цель — объединение ряда государств в единое федеративное государство, а не установление подчиненности друг другу. Не теряя своей самостоятельности, субъекты Федерации образуют общее для всех суверенное государство, наделив его соответствующей компетенцией в осуществлении внутренней и внешней политики. Каждый субъект Федерации сохраняет политико-правовое качество самостоятельной го-

сударственности, но его самостоятельность в определенной мере ограничивается в рамках переданных федеральным органам компетенций, равно как ограничен суверенитет Федерации компетенцией ее субъектов. Поэтому вырабатываются и закрепляются новые принципы Федерации, которые призваны обеспечить целостность и суверенитет России в целом, и одновременно — необходимый уровень самостоятельности ее субъектов, возможность решения на местах широкого комплекса вопросов развития территорий с учетом их национальных, экономических интересов и особенностей.

14. Задачи регионального права Республики Башкортостан

Задачи регионального права Республики Башкортостан заключаются в согласовании федеральных и региональных интересов в рамках правомочий субъектов Российской Федерации, заложенных в Конституции Российской Федерации, конституциях и уставах ее субъектов, других федеральных и региональных законах.

Задачи оптимизации согласования федерального регионального законодательства предполагают разработку критериев согласования в сфере законодательной компетенции Федерации и ее субъектов; определение правомочности Республики Башкортостан при принятии нормативно-правовых актов; выявление соответствия содержания нормативно-правовых актов объему полномочий правотворческих органов субъектов Российской Федерации; нахождение правильности выбора видов нормативно-правовых актов; соблюдение процедуры подготовки и принятия нормативно-правовых актов; соответствие законодательства субъектов федеральным нормам.

Для этого необходимо издание Основ федерального законодательства по всем вопросам совместного ведения, подготовка Федерального кодекса по согласованию федерального и регионального законодательства, создание института регионального законодательства, разработка принципов регионального правотворчества, издание Федерального закона «О порядке реализации субъектов Российской Федерации законодательной инициативы», проведение мониторинга действующего регионального законодательства, разработка методики определений соотношений законов и подзаконных актов, разработка процессуальных правовых форм разграничений федерального и регионального исполнительного органа государственной власти, разработка механизма согласительной процедуры, разработка принципов наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями, разработка Положения «Об определении видов правотворчества исполнительных органов».

15. Политико-правовые основы правотворчества Республики Башкортостан

Правотворчество в Республике Башкортостан, обусловлено неотмененной Декларацией государственного суверенитета Республики Башкортостан и нерасторгнутыми Федеративным договором 1992 года и Приложением

к Федеративному договору от Республики Башкортостан. На правотворчество Республики Башкортостан также повлияли Закон Башкирской ССР от 25 февраля 1992 г. «Об изменении наименования государства Башкирская Со-

ветская Социалистическая Республика», Конституция Российской Федерации и Республики Башкортостан 1993 года, Договор Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 августа 1994 г. «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан» (ст. 1), Закон Республики Башкортостан «Об основах внешнеэкономической деятельности», Постановление Конституционного Суда Республики Башкортостан от 7 октября 1997 г. по делу «О проверке соответствия Конституции Республики Башкортостан и Договора Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 августа 1994 года», Постановление госу-

дарственного Собрания Республики Башкортостан от 28 ноября 1992 г. «О запросе Государственной Думы Федерального Собрания в Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии со ст. 92 Конституции Республики Башкортостан Конституции Российской Федерации», а также Закон Республики Башкортостан от 8 декабря 2003 г. «О соглашениях органов государственной власти Республики Башкортостан с органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

Характерно то, что собственное правовое регулирование в Республике Башкортостан осуществлялось в рамках конституционных полномочий Президента Республики Башкортостан и Государственного Собрания — Курултая — Республики Башкортостан.

16. Согласованный суверенитет

Идея «согласованного суверенитета» была введена в научный оборот нами в работе «Проблемы реализации суверенитета Республики Башкортостан» в 1999 году. Она не является общепризнанной, как термины государственный, экономический, правовой, национальный суверенитет. Существуют разные суждения относительно ее характера, имеются разные подходы по вопросу существует ли различие между суверенитетом и согласованным суверенитетом. Однако современная наука конституционного права признает разработку современной децентрализации власти и регионализации федерального законодательства на основе согласованного суверенитета и разделения полномочий органов власти в рамках кооперативного федерализма.

Во взаимоотношениях федеральных и региональных органов согласованный суверенитет предполагает: 1) наличие в законодательстве субъекта Российской Федерации правовой основы для собственного творчества; 2) наличие в региональном законодательстве основных нормативных правовых актов, необходимых для обеспечения выполнения субъектом Российской Федерации своих задач и функций; 3) способность законодательства субъекта Российской Федерации при регулировании общественных отношений учитывать местные условия; 4) удельный вес

в региональном законодательстве актов, принятых в пределах собственного ведения субъекта Российской Федерации; 5) удельный вес в региональном законодательстве актов, принятых по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; 6) оптимальное сочетание в структуре законодательства субъекта Российской Федерации законов и подзаконных актов; 7) актуализацию законодательства субъекта Российской Федерации; 8) внутреннюю согласованность законодательства субъекта Российской Федерации и его соответствие требованиям юридической техники.

Согласованный суверенитет также выражается в установлении системы органов государственной власти субъектами Российской Федерации. Полномочия органа законодательной власти Республики Башкортостан как субъекта Федерации были четко определены в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации (с последующими изменениями). В нем было предусмотрено, что «законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации принимает конституцию субъекта Российской Федерации и поправки к ней,

если иное не установлено конституцией субъекта Российской Федерации, принимает устав субъекта Российской Федерации и поправки к нему» (ст. 5). Конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации может устанавливаться должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

На современном этапе канули в прошлое отождествление суверенитета с «сепаратизмом» и «национализмом». В обозримом будущем может возникнуть ситуация, когда цениться будет не суверенитет сам по себе, а способность государства обеспечить своим гражданам условия жизни не хуже, чем в других странах. Может быть, данная тенденция повлияет на обостренное отношение отдельных политических элит к суверенитету своих государств. Данный вывод вытекает из того, что ст. 27 «Всеобщей декларации прав человека» от 10 декабря 1948 г. и преамбула ст. 15 «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» от 19 декабря 1966 г. предусматривают права человека на участие в улучшении жизни.

В теоретическом аспекте согласованного суверенитета возникает проблема «первичности» суверенитета. Ранее высказывалось мнение, что суверенитет республик зависит от ус-

мотрения договаривающихся сторон, т.к. они передают полномочия друг другу. Безусловно, объем и пределы полномочий федеральных органов зависят от республик и заключенного между ними договора об образовании федерации. Соответственно, если республики выступают как источники, основоположники образования федерации, то компетенция республик определяется предметом ведения. Однако суверенитет федерации и самостоятельность республик определяются рамками их конституционной компетенции: в решении одних вопросов первична самостоятельность республик, а в других — суверенитет федерации. Вместе с тем это не означает, что ограничение предметов ведения и компетенции ведет к взаимному ограничению их самостоятельности.

На наш взгляд, представляется некорректным утверждение Е.А. Лукьяновой: «Зараза самостоятельности» поразила субъекты Федерации [4]. По справедливому замечанию Ф.А. Ишкулова, уже пора считаться с фактами и признать как национальный характер республик в составе Российской Федерации, так и право каждого народа на самоопределение в любой форме и, соответственно, самостоятельной государственно-правовой истории [3].

17. Модели согласования федерального и регионального законодательства

Современный кооперативный федерализм позволяет выявить пробелы в прежнем правотворчестве и определить пути развития современного федерального и регионального законодательства на основе следующих моделей.

Вариант первый — ориентация на механическое увеличение количества федеральных законов. Однако она не может дать необходимые результаты, т.к. не учитывает в полной мере региональные особенности.

Вариант второй — автономное развитие федерального и регионального законодательств. Оно может совершенствовать российскую правовую систему, но излишняя стремительность темпов развития регионального законодательства может повлиять на реализацию федеральных законов.

Вариант третий — сохранение прежних соотношений федеральных и региональных законов, указов и иных подзаконных актов. Однако оно может привести к ослаблению федерального и регионального законодательства.

Вариант четвертый — игнорирование объема децентрализации федеральной власти, которая строится по принципу горизонтальной власти. Основа прямой демократии может приостановить формирование гражданского общества и ослабить социальный эффект действия региональных законов на совершенствование федерального законодательства.

Вариант пятый — одновременное развитие федерального и регионального правотворчества может привести к обеспечению реализации федеральных и региональных законов в их единой системной связи.

18. Выводы

1. Представляются вполне обоснованными выводы ученых о том, что для исключения негативных явлений в Российской Федерации необходимо: во-первых, чтобы власть в Российской Федерации и в ее субъектах несла ответственность перед народом; во-вторых, отменить институт президентства в субъектах Федерации; в-третьих, для параллельного развития федерального и регионального законодательства использовать дополнительные меры по обеспечению единства правового пространства.

2. На фоне всемирного процесса федерализации и в условиях децентрализации власти в Российской Федерации большое значение имеют материалы Башкортостана относительно признания договорных начал эталоном (образцом) развития мирового федерализма, а в отдельных регионах — основой формирования государственности.

Данное положение связано также с потребностью выявления механизмов и принципов управления, обеспечивающих эффективную деятельность органов представительной власти на местном уровне; с установлением надлежащего баланса между централизацией и децентрализацией, адекватного историческим условиям страны и задачам, выполнение которых должно осуществить местное самоуправление; с созданием слаженного механизма взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления; с эффективным реагированием на непредвиденные ситуации; с выявлением всех видов потенциальных ресурсов и усилением ресурсообмена на местном уровне; с совершенствованием системы самоуправления как неотъемлемого института гражданского общества.

3. На характер принципа согласования в региональном праве влияет различный правовой статус субъектов Российской Федерации в виде асимметричной федерации. Поэтому возникают вопросы: почему республики должны принимать конституции, а области и другие субъекты всего лишь уставы; не противоречит ли разный правовой статус субъектов Российской Федерации конституционному принципу их равноправия (ст. 5 Конституции Российской

Федерации); не означает ли это превращение России в конфедерацию; не приведет ли это к ее развалу?

По признанию государствоведов, в обозримой перспективе реформировать нашу федерацию в симметричную не удастся, потому что Российская Федерация базируется на национально-государственном и территориальном принципах. Тем более, что полностью уравнивать в правах республики, автономные области и автономные округа как национально-территориальные образования и края, области и города федерального значения как территориальные образования невозможно.

4. В Конституции Российской Федерации предусмотрены положения о том, что согласно предметам совместного ведения Федерация устанавливает основы законодательства, а субъекты Федерации издают законы в соответствии с основами законодательства Российской Федерации и осуществляют исполнительную власть.

Высказанные положения наталкивают на мысль о том, что концепция договорных отношений между Российской Федерацией и ее субъектами определяется как вспомогательная по отношению к законодательному регулированию вопросов разграничения полномочий (ч. 3 ст. 11 Конституции Российской Федерации). Дело в том, что в качестве исходного определяется разграничение предметов ведения только по Конституции Российской Федерации, разграничение полномочий — федеральными законами и в установленном в них случаях договорами между Российской Федерацией и ее субъектами, а делегирование отдельных положений — соглашениями между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов.

5. Трудности в определении регионального права связаны с разделением власти и обеспечением ее единства. Последнее очень важно в связи с тем, что основы конституционного строя Российской Федерации не содержат формулы разделения власти между Федерацией и ее субъектами, а закрепляют лишь разграничение полномочий и предметов ведения между ними.

6. Идеи «проконституционного законодательства» в «протофедерации» следует обосновать этапами российского государственного суверенитета в дореволюционной России на основе договоров о присоединении башкирских земель к Золотой Орде и к Русскому государству (вторая половина XVI в.), наступления российского правительства на права башкир и их сопротивление (XVII — середина XIX вв.).

7. По существу вся история Руси удельного уклада есть постепенное развитие федеративного начала. Идея федерализма как политики возникла в России как опосредующее звено между тенденцией национального сепаратизма и российского унитаризма.

Литературные источники к важнейшим особенностям государствообразования России относят: внедрение самоуправления (сначала сословное, а затем земское), автономии Польши и Финляндии (собственные конституции), региональные традиционные органы управления (Средняя Азия, Сибирь), территориальное несовпадение действия органов административного управления со сферой деятельности финансовых, судебных и иных структур. Значение подобных форм децентрализован-

ного управления следует еще изучать с позиции политического маневра, обеспечивающего гибкость и гармоничность управления, не нарушающего унитарного характера российской государственности.

8. Некоторые современные исследователи называют основной причиной краха Российской Империи, так же как и последующего распада Советского Союза, «перегруженность центра» властными полномочиями и угнетенность бесправной периферии и «титовых республик». Принято обуславливать необходимость федеративного устройства России также ее огромными размерами и множеством компактно проживающих на территории России самобытных народов. Российской империи — унитарной по своей форме государственного устройства — были присущи дифференцированный подход, выверенная гибкость в формах и методах управления регионами. Как отмечалось выше, допускалась определенная децентрализация управления на местном уровне с учетом территориально-географических, национально-этнических и культурно-исторических особенностей соответствующих территориальных образований, куда относится и Башкортостан.

19. Предложения по совершенствованию регионального законодательства Республики Башкортостан

Результаты сравнительного анализа текстов конституций РСФСР и Российской Федерации, конституций Российской Федерации и Республики Башкортостан по принципам федерализма, статей Конституций Республики Башкортостан в редакциях 1993, 2000, 2006, 2008 годов свидетельствуют о том, что конституционное регулирование является системообразующим фактором в нормативно-правовой системе Республики Башкортостан. Поэтому концепция конституционной преемственности придает ей целостность и выступает главным юридическим основанием ее формирования и функционирования, определяя субординационные связи внутри системы.

Концепция конституционного законодательства Республики Башкортостан 1993 года была определена с позиции понимания истори-

ческой значимости Конституции Башкортостана 1925 года. Более того, в конституционном законодательстве 1993 года не была определена роль Конституционного суда в устранении несогласованности между ст. ст. 3 и 69 Конституции Республики Башкортостан.

Важнейшей особенностью современного конституционного законодательства Российской Федерации является его двухуровневое построение, выраженное в сосуществовании федерального конституционного законодательства и конституционного (уставного) законодательства субъектов Российской Федерации. При этом конституционное (уставное) законодательство субъектов Российской Федерации, с одной стороны, является продолжением федерального конституционного законодательства в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, а с дру-

гой — отличается самостоятельностью при регулировании вопросов остаточного ведения субъектов Российской Федерации.

1. Развитие регионализации федерального законодательства на основе совершенствования федерального законодательства и законодательств субъектов федерации с учетом параллельного законодательства (ст. 72 Конституции Российской Федерации).

2. Расширение объектов осуществления собственного республиканского законодательства (ст. 71 Конституции Республики Башкортостан) на основе региональных особенностей, о чем было сказано выше.

3. Исключение блокировочного законодательства, т.е. не отмена и не приостановление федерального законодательства, а реализация п. 6 ст. 76 Конституции Российской Федерации, предусматривающий действие нормативного правового акта субъекта Российской Федерации в случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным в соответствии с частью четвертой настоящей статьи.

4. Создание правовой экономики на основе правовой экспертизы законопроектов Российской Федерации и ее субъектов (Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18.05.2009 № 136 «Об организации работы по проведению экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» (зарегистрировано в Минюсте Российской Федерации 29.06.2009 № 14163); Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2009 № 196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативно-правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции»).

5. Исключение из законопроектов факторов коррупциогенности путем сравнительного анализа федерального законодательства и законодательств субъектов федерации, а также опережающего законодательства в субъектах федерации.

6. Реализация прав законодательной инициативы в Государственной Думе Законодательного Собрания Российской Федерации (п. 23 ст. 71 Конституции Республики Башкортостан) в рамках экономических особенностей республики.

7. Отмена всех кодексов республики и принятия вместо них законов о согласовании федерального законодательства на территории Республики Башкортостан.

8. Создание института сравнительного правоведения или регионального законодательства для осуществления комплексного исследования проблем регионального правотворчества, методов и способов реализации международных стандартов в законодательстве Республики Башкортостан.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации не несут ответственность за нарушение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также не в полном обеспечивают соответствие Конституции Российской Федерации федеральным конституционным законам и федеральным законам принимаемых (принятых) ими конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов и осуществляемой ими деятельности.

Для того чтобы российское общество стало более стабильным, необходимы существенные усилия государства на развитие институтов гражданского общества. Одновременно необходима выработка единой государственной идеологии (в том числе новых демократических принципов национальной политики), которая должна не только постоянно «озвучиваться» нашими политиками, но и население России и Башкортостана должно видеть реальные положительные результаты в ходе ее проведения. В настоящее же время российское общество живет без достаточной реализации общегосударственных задач, а главным для рядовых граждан в жизни стало умение выжить в непростых кризисных условиях и продолжающегося реформирования [5].

Литература

- [1] Аюпов М.А. Государственная субъектность Республики Башкортостан в системе политико-властных отношений Российской Федерации. — Уфа: БАГСУ, 2009. — С. 4, 35.
- [2] Богданова Н.А. Конституционное право: В 2 ч. — Ч. II. Конституционно-правовая мысль XIX–XX вв. — М.: МГУ, 1994. — С. 5–6.
- [3] Ишкулов Ф.А. Судебно-административная реформа в Башкортостане. — Уфа: Китап, 1994. — С. 6.
- [4] Лукьянова А.Е. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). — М., 2000. — С. 15–16.
- [5] Маликов М.Ф. Истоки познания: В 5 т. — Т. 4. Генетические основы регионального права: по материалам Республики Башкортостан. — Уфа: Гилем, 2012. — С. 238–315.
- [6] Маликов М.Ф. Истоки регионального права // Приволжский научный вестник. — 2012. — № 12 (16). — С. 80.
- [7] Маликов М.Ф. Конституционно-правовые основы социально-экономического развития Республики Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2016. — № 2 (31). — С. 85.

MALIKOV Marat Fajzelkadirovich,
*Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Professor of Public Law Department,
Eastern humanitarian Academy of Economics and law, Ufa,
head of research Department of Constitutional and Mmunicipal Law issues
of the Eurasian Research Institute of Law
e-mail: mmf37@yandex.ru*

REGIONAL LAW: TRANSFORMATION AND DEVELOPMENT (THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

This article discusses the conceptual basis of the regional law and justified by the agreed concept of sovereignty in the cooperative federalism.

Key words: *sovereignty, regional law, the constitution, the region, the subject of the Russian Federation.*

References

- [1] Ayupov M.A. Gosudarstvennaja subiektnost' Respubliki Bashkortostan v sisteme politiko-vlastnyh otnoshenij Rossijskoj Federacii [State Subjectivity of the Republic of Bashkortostan in the System of Political and Power Relations of the Russian Federation]. — Ufa: BAGSU, 2009. — Pp. 4, 35.
- [2] Bogdanov N.A. Konstitucionnoe pravo: V 2 ch. — Ch II. Konstitucionno-pravovaja mysl' XIX–XX vv [Constitutional Law: in 2 parts, Part II. Constitutional and Legal thought XIX–XX Senturies]. — Moscow: Moscow State University, 1994. — Pp. 5–6.
- [3] Ishkulov F.A. Sudebno-administrativnaja reforma v Bashkortostane [Judicial and Administrative Reform in Bashkortostan]. — Ufa: Kitap, 1994. — P. 6.
- [4] Lukyanov A.E. Rossijskaja gosudarstvennost' i konstitucionnoe zakonodatel'stvo v Rossii (1917–1993) [Russian Statehood and Constitutional Law in Russia (1917–1993)]. — Moscow, 2000. — Pp. 15–16.
- [5] Malikov M.F. Istoki poznanija: V 5 t. — T. 4. Geneticheskie osnovy regional'nogo prava: po materialam Respubliki Bashkortostan [The Origins of Knowledge: In 5 vol. — Vol. 4. Genetic Basis of the Regional Law: on materials of the Republic of Bashkortostan]. — Ufa: Guillem, 2012. — Pp. 238–315.
- [6] Malikov M.F. Istoki regional'nogo prava [The Origins of the Regional Law] // Privolzhskij nauchnyj vestnik [Scientific Herald of the Volga]. — 2012. — No. 12 (16). — P. 80.
- [7] Malikov M.F. Konstitucionno-pravovye osnovy social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Bashkortostan [Constitutional and Legal Foundations of Socio-economic Development of the Republic of Bashkortostan] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Tehnologies)]. — 2016. — № 2 (31). — P. 85.

УДК 332.1 (470.57)

САМИГУЛЛИНА Эльза Халиловна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
общеобразовательных дисциплин
филиала ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный
авиационный технический университет» в г. Нефтекамске
e-mail: izabella.78@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ДИСКРЕТНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТА

В статье исследовано влияние дискретных факторов на формирование эффективной системы управления муниципалитета. Проведен анализ социально-экономического состояния муниципального образования. Сформулированы основные направления по социально-экономическому развитию территории.

Ключевые слова: дискретные факторы, эффективная система управления, муниципалитет, социально-экономическое развитие территории, муниципальное образование.

На эффективную систему управления муниципалитета влияют различные факторы, которые могут зависеть или не зависеть от воли субъекта управления.

Осознание факторов муниципального управления имеет не только общетеоретический смысл, раскрывающий «среду» формирования и реализации соответствующих управляемых воздействий, но и практический [1].

Развитие факторов дискретного воздействия представляет собой сложный процесс, в котором все элементы и свойства преобразовываются неравномерно, при противоречивом подчас влиянии друг на друга, они по-разному и в неодинаковой мере отражают объективную действительность, по-разному поддаются ее влиянию и столь же различны их собственная устойчивость, самостоятельность, способность к изменениям.

Фактор дискретного воздействия зависит от субъектов муниципального управления. Без ориентации на данный фактор и на его влияние, на управленческие процессы трудно понять практически любой вопрос муниципального управления. Для муниципального управления имеют значение все процессы, свойства и возможности фактора дискретного воздействия [2].

Сложная структура фактора дискретного воздействия приводит к тому, что часто индивидуальные, а также и групповые (коллективные) интересы и цели весьма отличаются от всеобщих интересов и целей, объективно стоящих в поле зрения муниципального управления. Фактор дискретного воздействия в своем составе имеет элементы различного уровня развития потенциала, по-разному соотносящихся и взаимодействующих между собой. Для наглядности факторы дискретного воздействия рассмотрим на примере городского округа г. Нефтекамск Республики Башкортостан, а также проанализируем социально-экономическое развитие территории [4].

К факторам дискретного воздействия отнесены следующие: демографический, производственно-экономический, финансовый, социальный, экологический, кадровый (рис. 1) [3].

Демографическое состояние в муниципальных образованиях, с нашей точки зрения, зависит от сформированной эффективной системы управления, то есть от создания комфортных условий для жизни населения, от проведения на местах эффективной политики управления на территории муниципальных образований, которая заключается в создании рабочих мест

Рисунок 1 — Дискретные факторы муниципалитета

и достойной заработной платы. Она характеризуется системой таких показателей, как численность и плотность населения, его состав по полу, возрасту, национальности, языку и образованию.

Оценка демографической ситуации необходима для определения имеющегося человеческого потенциала территории, что является основой социально-экономического развития. Численность населения на 1 января 2015 г. составила 136,9 тыс. чел. (рис. 2).

Как видно из данных рисунка 2, численность населения города имеет тенденцию роста и за рассмотренный период возросла на 2%. Рассмотрим, за счет чего формируется рост населения — за счет рождаемости или за счет миграционного притока. Естественный прирост населения за январь-декабрь 2015 года — 901 чел. (рис. 3).

Из рисунка 3 видно, что естественный прирост населения составляет 36% за рассматриваемый период, при этом миграционное сальдо на 1 января 2016 г. отрицательное: –44 человека (рис. 4). Исходя из этого, очевидно, что рост населения города осуществляется за счет естественных причин, а не за счет миграционных потоков, что является положительной тенденцией.

Демографический фактор влияет на формирование трудового потенциала, во многом определяет развитие и размещение производительных сил страны [5].

Прирост населения свидетельствует о том, что улучшается социально-экономическая сфера, а значит, местные органы власти свои функции выполняют эффективно.

Как видно из рисунка 4, с 2011 года в городе отмечается отрицательное направление ми-

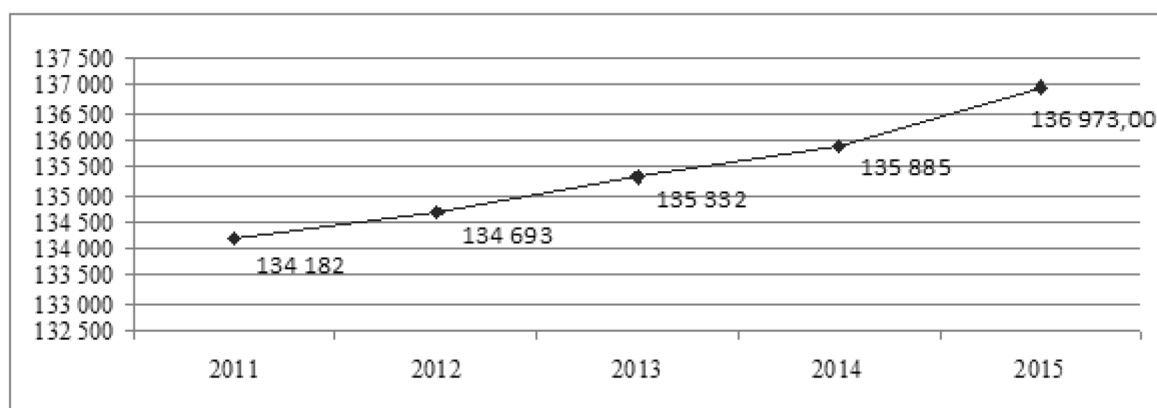

Рисунок 2 — Динамика численности населения ГО г. Нефтекамск за 2011–2015 гг., на 1 января текущего года, чел.

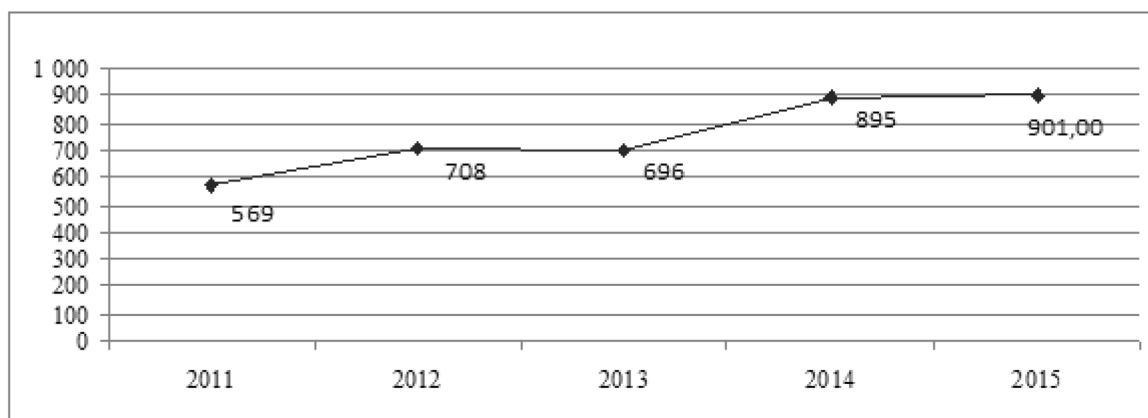

Рисунок 3 — Естественный прирост населения, человек

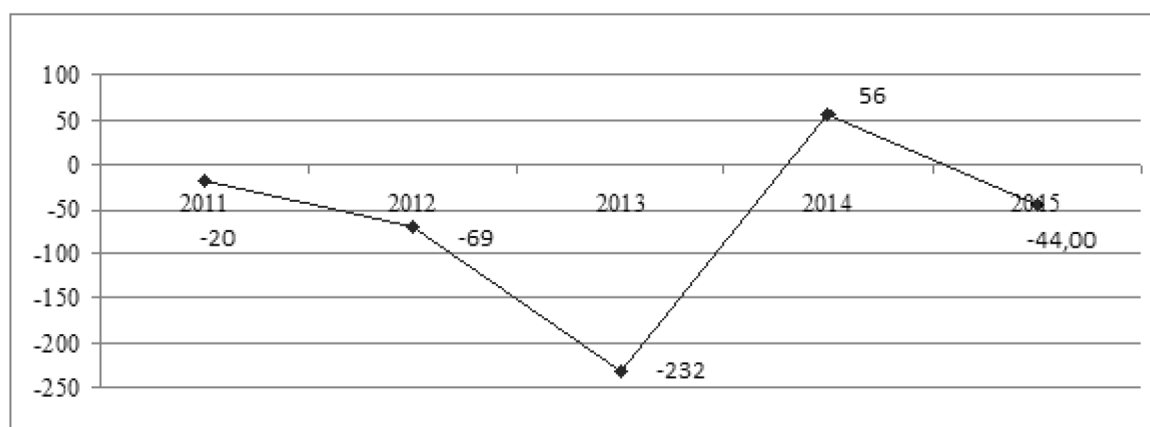

Рисунок 4 — Миграционный прирост (убыль) населения, человек

грационного потока, это говорит о том, что из города больше выезжают, чем въезжают.

Следующий элемент группы — производственно-экономический фактор. Не всегда у муниципальных образований хватает собственных средств при формировании эффективной системы управления, а также развития своей территории. Поэтому необходимо привлекать инвесторов, которые создадут новые предприятия или проведут диверсикацию существующих, что приведет к созданию новых рабочих мест и, соответственно, пополнению местного бюджета. Но при этом местные органы власти совместно с региональной властью должны создавать привлекательные условия для инвесторов.

На рисунке 5 представлена динамика инвестиций в основной капитал.

Как видно из данных рисунка 5, динамика инвестиций в основной капитал имеет отрицательную тенденцию — в 2012 году произошло

резкое снижение выделяемых инвестиций за счет средств местного бюджета (на 89%). Это может быть обусловлено снижением количества инвестиционных проектов в городе или же из-за снижения затрат бюджета на данное направление.

Следующим показателем, показывающим сформированность эффективной системы управления, является оборот розничной торговли. За 2014 год он составил 27,5 млрд рублей. Введено 16 торговых предприятий общей торговой площадью 11,9 тыс. кв. м с привлечением частных инвестиций в сумме 259,2 млн рублей.

В процессе управления социально-экономическим развитием муниципальных образований целесообразно сформировать эффективную систему управления развитием социальной сферы муниципальных образований.

Показателями занятости населения являются: уровень безработицы, среднемесячная

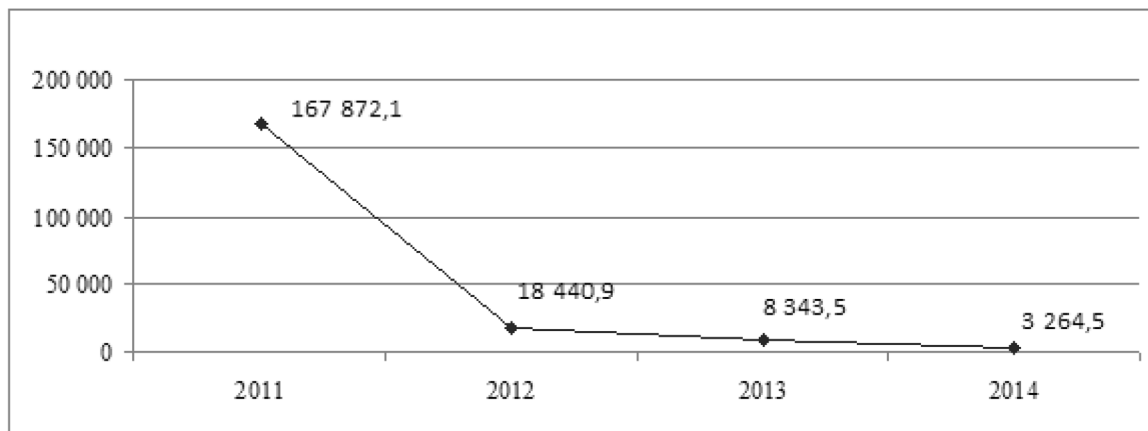

Рисунок 5 — Инвестиции в основной капитал за счет средств муниципального бюджета, тыс. руб.

заработная плата, среднегодовая численность работников, число выбывшего и прибывшего населения. Безработица негативно влияет на благосостояние людей и муниципальных образований.

Общее количество занятых в экономике г. Нефтекамск составляет 71 тыс. чел., при этом 44,5% занято в малом и среднем предпринимательстве (более 19 тыс. чел.). Регистрируемый уровень безработицы имеет представленную на рисунке 6 динамику.

Уровень зарегистрированной безработицы определяется как отношение численности безработных, зарегистрированных в государственной службе занятости населения, к среднегодовой численности населения трудоспособного возраста. Как видно из рисунка 6, данный

показатель имеет тенденцию к снижению — с 2010 года по 2015 год сокращение составило около 0,4%. Это говорит о том, что в городе растет количество занятых в экономике.

Другим важным показателем при формировании эффективной системы управления является обеспечение населения жильем.

В муниципальных образованиях уровень развития жилищной сферы не соответствует предъявляемым требованиям; возложенные на нее задачи выполняются далеко не в полной мере, что в значительной степени влияет на снижение качества жизни населения. В связи с этим жилищная проблема остается одной из самых острых.

В 2015 году в г. Нефтекамск введено порядка 98,9 тыс. кв. м жилья, что составило к соот-

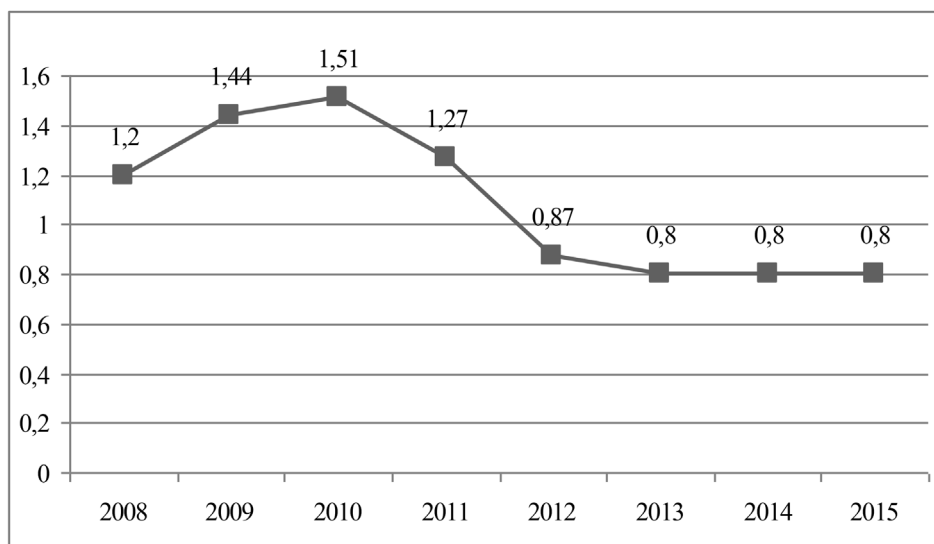

Рисунок 6 — Уровень зарегистрированной безработицы, % [4]

ветствующему уровню 2014 года — 103,8%, в том числе доля индивидуального жилья — 16,1% (рис. 7).

Вышерассмотренные показатели дают возможность оценить сложившуюся ситуацию в социальной сфере, социальное благополучие территории и наметить приоритетные направления в достижении сбалансированности финансовых возможностей муниципальных образований, обеспечить их самодостаточность в решении программно-целевых задач.

Следующий фактор — финансовый — на наш взгляд, представляет собой соотношение между потребностями муниципального образования в финансовых ресурсах и возможностями его развития в условиях налогово-бюджетной политики.

Одним из показателей, характеризующих финансовую обеспеченность муниципального образования, является обеспеченность муниципального образования собственным налоговым потенциалом. Например, при падении объема производства налоговая база уменьшается, снижаются возможности муниципального образования обеспечивать свои расходы. Тогда из республиканского бюджета оказывается финансовая помощь в форме дотации на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности.

Доходная часть бюджета складывается из поступлений налогов, штрафов, пеней. Собираемость налогов в бюджеты всех уровней мо-

жет в определенной степени свидетельствовать об уровне эффективности системы управления муниципальных образований.

Динамика доходов бюджета г. Нефтекамск имеет тенденцию к увеличению — рост составляет 11,5% за 2011–2015 год (рис. 8). Однако при этом доля собственных доходов в бюджете города невелика — 45,6%. Следовательно, большую половину доходной части бюджета составляют различные перечисления и межбюджетные трансферты в бюджет города, что снижает уровень финансовой самостоятельности муниципального образования.

В структуре налоговых доходов бюджета города преобладает НДФЛ, который взимается по нормативу 5% в местный бюджет и является федеральным налогом. Следовательно, можно выделить проблему обеспеченности бюджета города собственными доходами, что в итоге ведет к формированию дефицита бюджета (рис. 9).

Как видно из рисунка 9, с 2012 по 2015 год отмечается превышение расходов над доходами, то есть формируется дефицит бюджетных средств.

Представляется целесообразным поиск источников финансирования муниципального образования с опорой не только на бюджетную сферу, но и на прочие ресурсы — природные, кадровые и другие.

Возрастание роли прочих источников в финансировании деятельности муниципальных

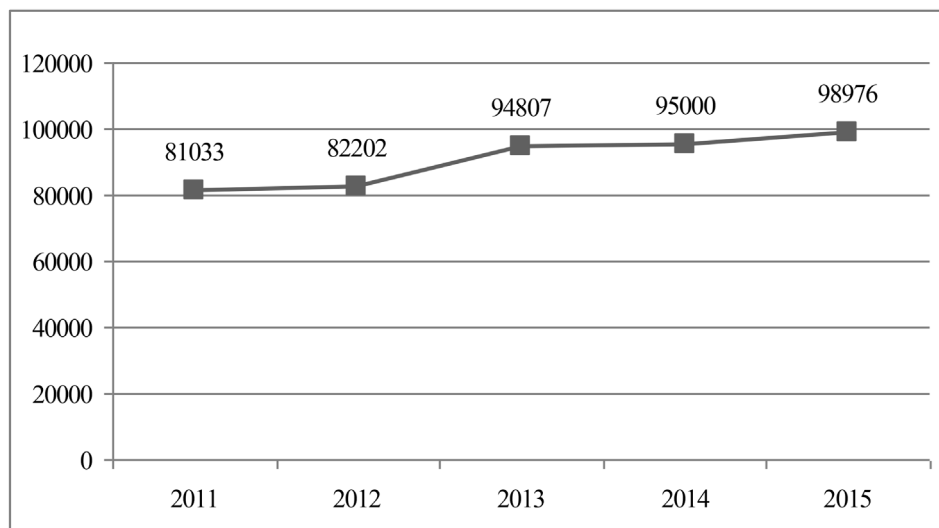

Рисунок 7 — Ввод в действие жилых домов на территории муниципального образования, кв. м общей площади

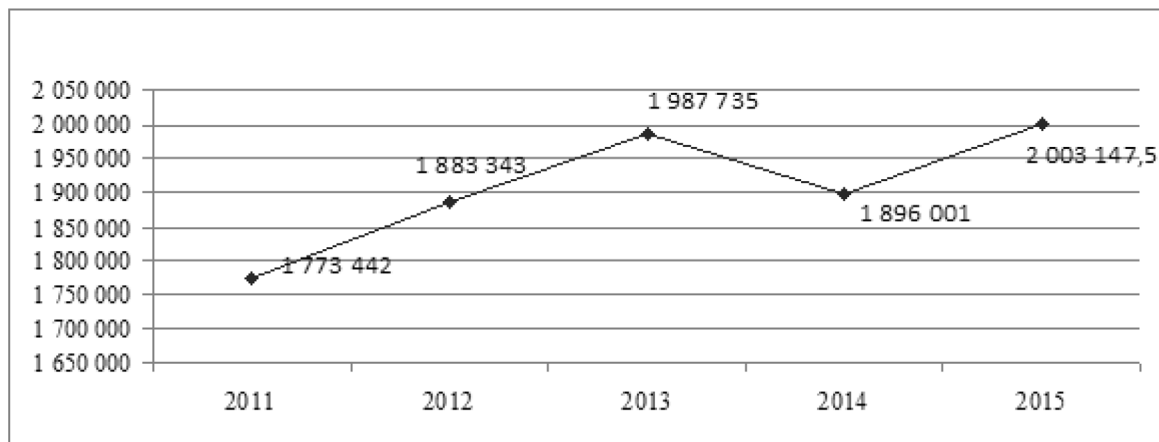

Рисунок 8 — Динамика доходов местного бюджета ГО г. Нефтекамск, тыс. руб.

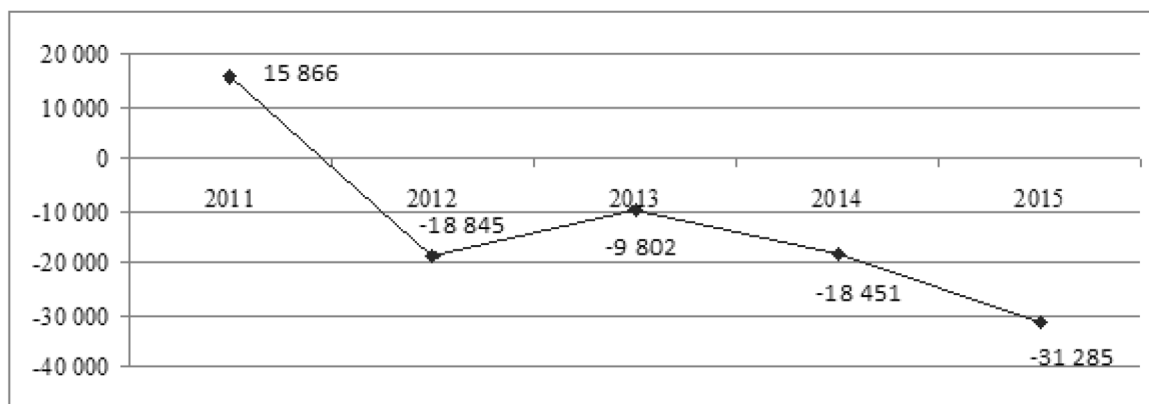

Рисунок 9 — Профицит (+), дефицит (-) бюджета муниципального образования (местного бюджета), исполненного, тыс. руб.

образований характеризует уровень развития и эффективность межбюджетных отношений.

Экология г. Нефтекамск, несмотря на наличие вредных производств, является достаточно чистой. Доля города в общей структуре выбросов по региону составляет только 5% (Уфа — 53%, Стерлитамак — 24%, Салават — 15%). Рассмотрим динамику объектов, имеющих стационарные источники выбросов.

За рассматриваемый период произошел рост количества объектов, осуществляющих выбросы вредных веществ в атмосферу города — открылось 6 предприятий за период с 2011 по 2014 год. Для экономики города это положительный момент: во-первых, развитие производства ведет к развитию экономики и поступлению отчислений в бюджет, во-вторых, возрастает и доход от оплаты за выбросы. Но с позиции экологической обстановки территории это отрицательный момент.

При этом динамика выбросов в атмосферу загрязняющих веществ до 2014 года в основном имела тенденцию к сокращению, затем, после открытия еще 3 производств, отмечалась тенденция роста выбросов.

Одним из стратегических направлений развития территории является обеспечение его экологической безопасности, для чего ежегодно из бюджета города осуществляется выделение соответствующего финансирования.

Кадровый фактор характеризуется такими показателями, как численность муниципальных служащих и среднемесячная начисленная заработная плата. От компетентности муниципальных служащих в немалой степени зависит эффективность системы на муниципальном уровне.

В случае учета производственно-экономических, демографических, социальных и иных факторов дискретного воздействия в эконо-

мике муниципальных образований появляется возможность определить направления развития основных сфер материального производства, разработать мероприятия, направленные на повышение системы управления эффективности реального сектора экономики, сконцентрировать усилия и ресурсы на мероприятиях, дающих быструю отдачу.

Таким образом, важную роль в оценке социально-экономического развития муниципальных образований играют факторы дискретного воздействия, что актуализирует разработку методических подходов к комплексной оценке формирования эффективной системы муниципального управления [2].

Одним из важнейших направлений развития социально-экономического положения города можно назвать комплекс мероприятий по повышению бюджетной эффективности и привлечению дополнительного инвестирования на территорию муниципального образования:

1) Формирование ежегодного прогноза социально-экономического развития муниципального образования и публикация его на официальном сайте. Для повышения эффективности антикризисного управления необходимо точно и своевременно выявлять кризисные сферы и круг причин, которые их вызывают. В связи с этим, необходим постоянный мо-

нитинг социально-экономического состояния города.

2) Разработка мероприятий по привлечению внебюджетных источников. Однако, как бы эффективно не планировались расходы и доходы бюджета, многие муниципальные образования имеют в составе бюджета около 60% перечислений от вышестоящих бюджетов, доля собственных доходов бюджета достаточно небольшая. В связи с этим главным направлением и увеличением доходности бюджета и привлечения дополнительного финансирования на конкретные проекты должен стать комплекс мероприятий по привлечению внебюджетных источников.

3) Формирование мероприятий по привлечению инвестиций в экономику. Данное направление имеет очень высокую актуальность для социально-экономического развития территории города, так как через решение проблемы инвестирования можно реализовать мероприятия по решению других стратегических проблем города.

Таким образом, анализ социально-экономического состояния муниципального образования является необходимой предпосылкой принятия органами местного самоуправления различных управленческих решений, в том числе и в сфере комплексного социально-экономического развития территории.

Литература

[1] Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. — 3-е изд., доп. — М.: ОМЕГА-Л, 2005. — 584 с.

[2] Самигуллина Э.Х. Совершенствование механизма управления развитием муниципальных образований в регионе (на примере Республики Башкортостан): дис. ... канд. экон. наук. — Казань, 2012. — 220 с.

[3] Самигуллина Э.Х., Янгиров А.В. Оценка эффективности управления в муниципальных образованиях на примере Республики Башкортостан // Вестник ВЭГУ. — 2011. — № 1 (51). — С. 74–87.

[4] База данных муниципальной статистики // Официальный сайт. — URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst>

[5] Система государственного и муниципального управления: учебно-методическое пособие. — Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2008. — 110 с.

SAMIGULLINA Elza Halilovna,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of General Education Chair of the branch
of Ufa State Aviation Technical University, Neftekamsk
e-mail: izabella.78@mail.ru*

THE INFLUENCE OF DISCRETE FACTORS ON THE FORMATION OF EFFECTIVE MANAGEMENT SYSTEM OF THE MUNICIPALITY

This paper investigates the influence of discrete factors on the formation of effective management system of the municipality. The analysis of the socio-economic condition of the municipality. Formulated the main directions of socio-economic development of the territory.

Key words: *discrete factors, an effective management system, a municipality socio-economic development of the territory, the municipality.*

References

[1] *Atamanchuk G.V. Teorija gosudarstvennogo upravlenija: kurs lekcij [The Theory of Governance: a course of lectures]. — 3rd ed., ext. — Moscow: OMEGA-L, 2005. — 584 p.*

[2] *Samigullina E.H. Sovershenstvovanie mehanizma upravlenija razvitiem municipal'nyh obrazovanij v regione (na primere Respubliki Bashkortostan): dis. ... kand. ekon. nauk [Improving the Development of the Mechanism of Management of Municipalities in the Region (on the example of the Republic of Bashkortostan): dis. ... cand. econ. sciences]. — Kazan, 2012. — 220 p.*

[3] *Samigullina E.H., Yangirov A.V. Ocenka jeffektivnosti upravlenija v municipal'nyh obrazovanijah na primere Respubliki Bashkortostan [Evaluation of Management Effectiveness in the Municipalities on the Example of the Republic of Bashkortostan] // Vestnik VEGU [Bulletin of VEGU]. — 2011. — № 1 (51). — Pp. 74–87.*

[4] *Baza dannyh municipal'noj statistiki [The base of the municipal statistics] // Oficial'nyj sajt [Official site]. — URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst>*

[5] *Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija: uchebno-metodicheskoe posobie [State and Municipal Management System: tutorial]. — Khabarovsk: Publishing house DVAGS, 2008. — 110 p.*

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 323.1(470)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич,
кандидат политических наук, доцент кафедры
истории государства и права и конституционного права
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа),
докторант кафедры национальных и федеративных отношений
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте России, г. Москва
e-mail: suly-artur@rambler.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Оценка эффективности государственной национальной политики — это особый трудоемкий процесс, позволяющий определить качество и уровень реализации национальных отношений в конкретной общности, установить соответствие государственного менеджмента этнокультурным интересам и потребностям многонационального социума, что является не просто набором научных операций, а последовательной линией государства и научного сообщества на современном этапе развития национальных и федеративных отношений. В данной статье предпринимается попытка методологического дополнения по данной проблеме, предлагаются критерии оценки эффективности государственной национальной политики на уровне субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: политология, индексы оценки эффективности, государственная национальная политика, методологические рекомендации, регион, субъект Федерации, федерализм, государственный менеджмент, политические процессы.

Национальная политика представляет собой отношения между государственной (местной) властью, этносами (нациями, народами, этническими общностями) и иными институтами этнокультурной социализации, в рамках которых становится возможным межнациональное, межэтническое, межконфессиональное взаимодействие с целью обеспечения управления этим процессом посредством политической воли и принятия соответствующих нормативно-правовых актов.

В условиях российского федерализма реализация национальной политики вписывается

в традиции политического менеджмента поликультурной государственности и отличается от известных зарубежных аналогов.

Другое дело, что сам вопрос об оценках эффективности государственной национальной политики в российских регионах продолжает сохранять свою злободневность и становится камнем преткновения научных сообществ. Так, например, некоторые ученые считают, что государственная национальная политика в период 1996–2012 гг. оставалась во многом формальной, ибо не смогла предложить обществу критерии оценки эффективности ее реализации [7].

При этом сама эффективность государственной национальной политики, как и любой другой политической деятельности, представляет собой некое аморфное состояние, которое не всегда поддается вычислению, поскольку характеризуется относительностью, качественным и количественным показателями.

В действительности, эффективность государственной национальной политики — это относительная характеристика государственной результативности в сфере национальных отношений, отражающая объективные и субъективные посылы администрирования.

Причем объективные и субъективные особенности оценки непосредственно влияют на результативность процесса: затраты сопоставляются с достигнутыми целями, объектом может выступать как государство в целом, так и отдельный его индивидуум (как носитель определенной культуры и субъект национальных отношений). Соответственно в основе оценки эффективности закладываются качественный и количественный критерии.

Отдельного научного внимания, на наш взгляд, заслуживает типология эффективности государственной национальной политики, которая делится на техническую и экономическую [2].

Техническая эффективность государственной национальной политики позволяет соотнести степень реализации поставленных задач с интересами субъектов национальных отношений, выстроить техническую инфраструктуру посредством межнациональных и межэтнических взаимодействий, составить технический алгоритм реализации государственных программ и мероприятий.

Экономическая эффективность государственной национальной политики выступает финансовым критерием, отражающим реальное положение дел при финансировании государственных (муниципальных) программ и иных затрат, связанных с реализацией национальной политики.

Исследователь Н.М. Морозова отмечает, что оценка эффективности национальной политики проводится на федеральном и региональном уровнях и не всегда ее результаты совпадают между собой [3].

Поэтому комплексная оценка эффективности государственной национальной политики должна проводиться на основе целевого и функционального факторов, с учетом результатов Центра и регионов. Целевой фактор позволяет определить эффективность деятельности в динамике, соотнести затраты и полученные результаты. Функциональный фактор основывается на качественных показателях реализации национальной политики.

Для проведения комплексной оценки эффективности государственной национальной политики России (с учетом региональных оценок) предлагается рассмотреть несколько моделей совместного управления и мониторинга.

Так, известными учеными из Калифорнийского Университета была разработана модель совместных оценок (на базе 137 кейсов) деятельности [8], которая применима к сфере национальных отношений. Данная модель представляет собой набор критериев и может оказаться полезной для определения комплексной эффективности государственной национальной политики России:

1. Прямой диалог непосредственно между субъектами национальных отношений, Центром и регионами — лежит в основе процесса построения доверия, взаимоуважения, взаимопонимания и приверженности процессу совместного управления.

2. Построение доверия — от которого напрямую зависит успех разрешения того или иного вопроса.

3. Приверженность и заинтересованность взаимодействия — является еще одним фактором успеха либо провала процесса комплексной оценки эффективности государственной национальной политики.

4. Совместное управление процессом комплексной оценки эффективности государственной национальной политики.

5. Общее понимание — наличие общей миссии, общих целей, общего видения ситуации.

Эффективность государственной национальной политики напрямую зависит и от развития общественного контроля. Особая роль общественного контроля заключается в разработке инструментов социальной координации, которые могут оказаться полезными для

обеспечения гармоничного развития поликультурного общества [5].

Следует также выделить принципы эффективной государственной национальной политики России:

- рациональность инфраструктуры и функций государственного (муниципального) аппарата, укрепление общероссийской гражданской идентичности с учетом региональных идентичностей, устранение дублирующих структур в сфере национальной политики, развитие коммуникационного потенциала субъектов национальных отношений;

- совершенствование нормативно-правовой базы в сфере национальных отношений, неотвратимость ответственности государственных менеджеров за разжигание или игнорирование межнациональных, межэтнических, межконфессиональных проблем, повышение поликультурной грамотности населения, патриотическое воспитание молодежи;

- повышение профессионализма государственного аппарата в области национальных отношений, включая их политико-правовую культуру;

- поддержка государственных проектов в сфере национальных отношений жителями регионов; общественный контроль за деятельностью органов государственной власти и управления; общественная и научно-экспертная оценка проектов [6].

Очевидно, что для повышения эффективности государственной национальной политики в российских регионах должен быть использован потенциал научно-экспертного сообщества. На практике же этот ресурс используется только в исключительных случаях.

Как пишет ученый В.В. Гайдук: «Региональный политический менеджмент как правило обращается к аналитическим и статистическим отделам самих государственных органов, нежели к академическому научно-экспертному сообществу. Логика проста. Национальные отношения — это реальная тема, практическая, нужны цифры, статистика. А что могут знать профессора в университетах? Теории? И здесь нам ясна логика управленческого аппарата, которая обращается к практическим работникам. Только один факт не учитывается, что проблему невозможно решить только по-

добными механизмами. Таким образом, власти обращаются за консультативной поддержкой к власти, а научно-экспертное сообщество остается не удел. Хотя в России имеется множество талантливых ученых и экспертов, но их голоса не всегда бывают услышанными, когда речь идет о таких серьезных вещах как национальная политика и национальные отношения» [1].

Сложность в комплексной оценке эффективности государственной политики связана и с тем, что ее результаты могут носить субъективный характер [4]. Вместе с тем можно обозначить некоторые индикаторы эффективности, которые позволяют выявить сбои в системе государственного регулирования национальных отношений:

- финансовый индикатор — определяет шкалу расходов на реализацию государственных программ в сфере национальных отношений;

- количественный индикатор — демонстрирует наличие количественных объектов этнокультурного значения (национально-культурные центры, дома дружбы народов, диаспоральные структуры и т. д.);

- языковой индикатор — показывает наличие и представительство языков культур в российских регионах;

- декларативный индикатор — позволяет оценить шкалу эффективности по достижению задач, целей, заявленных в официальных документах;

- конфликтный индикатор — выявляет наличие конфликтных ситуаций в российских регионах на почве межнациональной, межэтнической, межконфессиональной неприязни;

- экспертный индикатор — шкала привлечения экспертных сообществ для разработки концептуальных основ национальной политики;

- гражданский индикатор — шкала привлечения институтов гражданского общества (помимо экспертных сообществ) для популяризации межнационального диалога на местах.

Таким образом, на наш взгляд, индексация оценки эффективности государственной национальной политики в российских регионах должна быть сведена, как минимум, к следующим управленческим трендам.

Во-первых, проведение массовых научных экспертиз проектов и программ в сфере национальных отношений, популяризация их результатов, научно-экспертная интеграция регионов в этом вопросе.

Во-вторых, систематический мониторинг социокультурной ситуации в субъектах Российской Федерации, изучение социально-экономического, культурно-языкового, политического положения народов России, объективная информация.

В-третьих, выработка рекомендаций по учету самочувствия и интересов различных этнических групп в России, использование этих результатов при разработке национальной, социально-экономической и культурной политики Российской Федерации и ее субъектов.

В-четвертых, создание общедоуперально-го культурно-информационного пространства в сфере национальных отношений (данный ресурс должен быть подготовлен «снизу», с регионов).

В-пятых, систематическая подготовка субъектами Федерации региональной дорожной

карты противодействия этнополитическим конфликтам для укрепления общероссийской гражданской нации. Особенно важно выявить потенциальные очаги и особенности протекания этнополитических конфликтов в российских регионах.

В заключение хотелось бы отметить, что российским регионам сегодня стратегически важно найти и обосновать приоритетные направления специализации в сфере национальных отношений и поликультурности, сформировать их в единые технологические цепочки, научные комплексы и кластеры и на этой основе строить рациональную систему межрегионального сотрудничества в сфере укрепления общероссийской гражданской нации.

Специализация должна быть направлена на постепенное расширение зон опережающего противодействия межнациональным и межэтническим угрозам в регионах. Ее реалистичность и действенность зиждется на общероссийских и региональных мониторингах, дающих комплексную и своевременную информацию о происходящих в стране процессах.

Литература

- [1] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Национальная политика в Российской Федерации: траектории, развилки, тупики // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2012. — № 1. — С. 115–121.
- [2] Дербетова Т.Н. Оценка эффективности государственного управления: от общих подходов к конкретно-предметным // Науковедение. — 2012. — № 1. — С. 4–8.
- [3] Морозова Н.М. Критерии эффективности национальной политики // Власть. — 2012. — № 5. — С. 88–90.
- [4] Нигматуллина Т.А. Межнациональные коммуникации в студенческой среде: региональный срез // Коммуникология. — 2015. — Т. 3. — № 3. — С. 126–139.
- [5] Пищулин О.В. О критериях эффективности общественного контроля // Экономика образования. — 2014. — № 3. — С. 83–86.
- [6] Сулейманов А.Р. Региональная безопасность и национальная политика России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 3. — С. 158–160.
- [7] Устинкин С.В., Рудакова Е.К., Морозова Н.М. Оценка эффективности этнонациональной политики России // Власть. — 2013. — № 9. — С. 10–15.
- [8] Anshell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // Journal of Public Administration Research and Theory. — 2007. — P. 543–571.

SULEYMANOV Artur Ramilevich,

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of History of State and Law and Constitutional Law Department,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa,
Doctoral Candidate of the National and Federal Relations Department,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow
e-mail: suly-artur@rambler.ru*

METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS ACCORDING TO EFFICIENCY OF THE STATE NATIONAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS

Evaluating the effectiveness of State ethnic policy is particular laborious process to determine the quality and level of implementation of national relations in a specific community, public management conform to ethno-cultural interests and needs of a multi-ethnic society. That is not just a set of scientific operations, and serial line State and the scientific community at the present stage of development of the national and federal relations. This article attempts to methodological supplement on this issue, proposed criteria for evaluating the effectiveness of national policies at the level of the constituent entities of the Russian Federation.

Key words: *political science, indexes the effectiveness evaluation, the State national policy, methodological recommendations, region, subject of the Federation, federalism, public management, policy processes.*

References

- [1] *Gaiduk V.V., Suleymanov A.R. Nacional'naja politika v Rossijskoj Federacii: traektorii, razvilki, tupiki [National Policy in the Russian Federation: Trajectory, Fork, Puffins] // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij [Questions of National and Federal Relations]. — 2012. — No. 1. — Pp. 115–121.*
- [2] *Derbetova T.N. Ocenka jeffektivnosti gosudarstvennogo upravlenija: ot obshhijh podhodov k konkretno-predmetnym [Score the Effectiveness of Public Administration: from Common Approaches to Specific Subject] // Naukovedenie [Science Studies]. — 2012. — No. 1. — Pp. 4–8.*
- [3] *Morozova N.M. Kriterii jeffektivnosti nacional'noj politiki [Criteria of Efficiency of National Policies] // Vlast' [Power]. — 2012. — No. 5. — Pp. 88–90.*
- [4] *Nigmatullina T.A. Mezhnacional'nye kommunikacii v studencheskoj srede: regional'nyj srez [Interethnic Communication in Student Wednesday: Regional Slice] // Kommunikologija [Communicology]. — 2015. — Vol. 3. — No. 3. — Pp. 126–139.*
- [5] *Pishchulin O.V. O kriterijah jeffektivnosti obshhestvennogo kontrolja [On Performance Criteria for Public Control] // Ekonomika obrazovanija [Economics of Education]. — 2014. — No. 3. — Pp. 83–86.*
- [6] *Suleimanov A.R. Regional'naja bezopasnost' i nacional'naja politika Rossii [Regional Security and National Policy of Russia] // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS [State and Municipal Management. Memoirs SKAGGS]. — 2015. — No. 3. — Pp. 158–160.*
- [7] *Ustinkin S.V., Rudakova E.K., Morozova N.M. Ocenka jeffektivnosti jetnonacional'noj politiki Rossii [Evaluation of the Effectiveness of the Ethno-national Policy of Russia] // Vlast' [Power]. — 2013. — No. 9. — Pp. 10–15.*
- [8] *Anshell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // Journal of Public Administration Research and Theory. — 2007. — Pp. 543–571.*

УДК 332.14:330.45

ЗАХАРОВ Андрей Владимирович,

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры
информатики и информационно-коммуникационных технологий
Института экономики и сервиса
ФГБОУ «Уфимский государственный нефтяной технический университет»
e-mail: andrewzakhar@mail.ru

РИЗВАНОВА Мария Артуровна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики и менеджмента
Института экономики и сервиса
ФГБОУ «Уфимский государственный нефтяной технический университет»
e-mail: rizvanovamaria@mail.ru

МЕТОДИКА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАМИ ПРИ ПОМОЩИ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

В статье рассматривается методика управления регионами при помощи рейтинговой системы как системы, состоящей из набора типовых подсистем. При этом предполагается, что каждая деятельность каждого региона направлена на увеличение своего рейтинга. Производится асимптотическая оценка управления системой, а также оценка эффективности использования регионами своего рейтинга.

Ключевые слова: управление регионами, рейтинговая система управления, асимптотическая оценка.

Введение

Рассмотрим систему, состоящую из набора подобных друг другу подсистем, к которым применимо понятие рейтинга. К таким системам относятся многие экономические и социальные подсистемы. Системы управления при помощи рейтингов на данный момент достаточно популярны в экономических и социальных системах. В частности, экономические регионы страны оцениваются руководством согласно статистическим данным для последующего принятия тех или иных управленческих решений. Во многих организациях сотрудники предприятия оцениваются согласно рейтинговой системе (например, KPI), которая, в частности, определяет надбавку к зарплате. Большинство вузов проходят процесс мониторинга и имеют собственный рейтинг, определяющий количество бюджетных мест. Сами вузы вводят рейтинги сотрудников и рейтинги подразделений

(кафедр) для управления эффективностью последних. В этой связи появляется необходимость разработки и исследования общих моделей таких систем, отражающих их основные свойства и пригодных для изучения общего поведения систем при различных методологиях подсчета рейтингов.

Если вопросам формирования совокупности показателей из сбалансированности методики подсчета уделено достаточно внимания, например, [5, с. 40–51], то вопросам управления системами при помощи показателей посвящено ограниченное количество, как правило, специализированных работ, например, [1, с. 46–48; 6, с. 169–179]. Для оценки рейтингов при управлении сложными системами используются следующие типовые модели:

1) простая линейная модель взвешенных нормированных экспертных оценок [1, с. 46–48];

2) модель линейного программирования [2, с. 134–138];

3) модель метода анализа иерархий на основе экспертных оценок [3, с. 83–91];

4) различные линейные модели показателей, как с использованием стандартных показателей в соответствующей предметной области, например, в [4, с. 48–51; 5, с. 40–51], так и с обоснованием методики выбора показателей, например [9, с. 81–96].

Недостатками вышеуказанных моделей являются:

- отсутствие математической модели, которая может быть использована для оценки влияния использования рейтингов;

- отсутствие возможностей прогноза поведения систем при сохранении предлагаемой системы рейтингового управления.

В данной статье предпринята попытка с общих позиций управления системами оценить эффективность управления системой (при помощи принципов, закладываемых в экспертную систему) на основе рейтингов ее подсистем. При этом устраняются два вышеуказанных недостатка существующих моделей рейтингового управления: производится оценка результатов рейтингового управления, в том числе асимптотическая оценка, позволяющая осуществить долгосрочный прогноз поведения системы.

Управление системой при помощи рейтингов

Мы предполагаем, что рассматриваемая система S состоит из набора типовых подсистем S_i , $i = 1, \dots, n$. Также мы предполагаем, что у каждой подсистемы есть набор показателей a^j , $j = 1, \dots, m$, принимающих значения из некоторого числового множества A , каждый из которых характеризует ту или иную сторону этой подсистемы.

Пусть значения λ_j , $j = 1, \dots, m$, соответствуют значимости показателя a^j и удовлетворяют условиям (1) и (2):

$$\lambda_j \in [0, 1], j = 1, \dots, m; \quad (1)$$

$$\sum_{j=1}^m \lambda_j = 1. \quad (2)$$

Обозначим значения показателя j подсистемы S_i через a_i^j , $i = 1, \dots, n$, $j = 1, \dots, m$.

Рейтинг подсистемы S_i вычисляется по формуле (3):

$$r_i = \sum_{j=1}^m \lambda_j a_i^j, \quad i = 1, \dots, n. \quad (3)$$

Свойство 1. Рейтинги подсистем принадлежат множеству A .

Свойство 1 следует из определения коэффициентов λ_j , $j = 1, \dots, m$.

Мы предполагаем, что каждая из подсистем стремится увеличить свой рейтинг. Выбирая коэффициенты λ_j , $j = 1, \dots, m$, мы распределяем приоритеты увеличения рейтинга.

Пример 1. Университет S имеет n филиалов S_i , $i = 1, \dots, n$. Каждый филиал имеет достаточную степень автономного управления, а его эффективность измеряется рядом параметров, на которую в первую очередь влияет деятельность самого филиала: образовательная деятельность (a^1), финансово-экономическая деятельность (a^2), международная деятельность (a^3). Рейтинг филиала S_i определяется по формуле (4):

$$r_i = \sum_{j=1}^3 \lambda_j a_i^j, \quad i = 1, \dots, n. \quad (4)$$

В зависимости от рейтинга филиалам назначается дополнительное финансирование. Установив значимости показателей $\lambda_1 = 0,5$, $\lambda_2 = 0,25$, $\lambda_3 = 0,25$, руководство предприятия будет поощрять филиалы с большими показателями по образовательной деятельности, учитывая при этом и другие показатели. Эта ситуация приведет к тому, что каждый филиал будет стремиться увеличить прежде всего именно этот показатель.

Распределение воздействия на подсистемы

Для оценки результатов управления системой при помощи рейтингов определим приведенные рейтинги (5):

$$r_i^* = \frac{r_i}{\sum_{k=1}^n r_k}, \quad i = 1, \dots, n. \quad (5)$$

Предположим, что на следующий период каждая из подсистем получает дополнительные ресурсы для развития согласно рейтингу. Так как общий объем ресурсов ограничен, они распределяются согласно долям каждого рейтинга (согласно приведенному рейтингу).

Обозначим через Sum общее стимулирующее воздействие на систему. Каждая подсистема получает часть воздействия, прямо пропорциональную приведенному рейтингу (6):

$$Sum_i = Sum \cdot r_i^*, i = 1, \dots, n. \quad (6)$$

Пример 2. Рейтинги регионов S_1, S_2, S_3 составили 3, 7, 10 (приведенные рейтинги — 0.15, 0.35, 0.5). Общая сумма фонда поддержки 1000 тыс. руб. делится между филиалами согласно приведенным рейтингам: 150 тыс. руб., 350 тыс. руб., 500 тыс. руб.

Оценка результатов управления системой

Рассмотрим теперь поведение системы во времени. Обозначим значения показателя j подсистемы S_i в момент времени τ через $a_i^j(\tau)$, $i = 1, \dots, n$, $j = 1, \dots, m$, $\tau = 0, 1, 2, \dots$. Предположим, что каждая подсистема S_i , $i = 1, \dots, n$ после присваивания того или иного значения рейтинга увеличивает на следующий период времени свою эффективность на величину прямо пропорциональную приведенному рейтингу (стимулирующему воздействию). Это приводит к условному повышению приведенного рейтинга на величину пропорциональную ему (7):

$$r_i(\tau + 1) = r_i^*(\tau) + \alpha_i r_i^*(\tau). \quad (7)$$

Коэффициент α_i — коэффициент эффективности использования своего рейтинга системой S_i , $i = 1, \dots, n$.

Так как в сумме приведенные рейтинги должны давать единицу, нам следует опять их нормировать (8):

$$r_i^*(\tau + 1) = \frac{r_i^*(\tau) + \alpha_i r_i^*(\tau)}{\sum_{k=1}^n r_k^*(\tau + 1)}. \quad (8)$$

Далее рассмотрим два случая с постоянными коэффициентами эффективности.

Случай 1. Равные постоянные эффективности использования подсистемами своего рейтинга.

Предположим, что коэффициент эффективности использования подсистемами своего рейтинга равны: $\alpha_1 = \alpha_2 = \dots = \alpha_n = \alpha$.

Рассмотрим приведенные рейтинги систем S_i и S_l (9), (10):

$$r_i^*(\tau + 1) = \frac{r_i^*(\tau) + \alpha_i r_i^*(\tau)}{\sum_{k=1}^n r_k^*(\tau + 1)}. \quad (9)$$

$$r_l^*(\tau + 1) = \frac{r_l^*(\tau) + \alpha_l r_l^*(\tau)}{\sum_{k=1}^n r_k^*(\tau + 1)}. \quad (10)$$

Нетрудно заметить, что их отношение не меняется со временем (11):

$$\frac{r_i^*(\tau + 1)}{r_l^*(\tau + 1)} = \frac{r_i^*(\tau) + \alpha_i r_i^*(\tau)}{r_l^*(\tau) + \alpha_l r_l^*(\tau)} = \frac{r_i^*(\tau)}{r_l^*(\tau)}. \quad (11)$$

Случай 2. Разные постоянные эффективности использования подсистемами своего рейтинга.

Предположим, что коэффициенты эффективности использования рейтинга, по крайней мере, у двух подсистем не равны, к примеру: $\alpha_1 > \alpha_l$.

В этом случае, отношение приведенных рейтингов этих систем монотонно возрастает (12):

$$\frac{r_i^*(\tau + 1)}{r_l^*(\tau + 1)} = \frac{r_i^*(\tau)(1 + \alpha_i)}{r_l^*(\tau)(1 + \alpha_l)} > \frac{r_i^*(\tau)}{r_l^*(\tau)}. \quad (12)$$

Если рассмотреть предельный случай при $\tau \rightarrow \infty$, согласно признаку Даламбера ряд отношений рейтинга подсистемы с большим коэффициентом эффективности использования рейтинга к рейтингу системы с меньшим аналогичным коэффициентом расходится (13):

$$\lim_{\tau \rightarrow \infty} \frac{r_i^*(\tau + 1)}{r_l^*(\tau + 1)} = \infty. \quad (13)$$

Противоположное отношение будет сходиться (14):

$$\lim_{\tau \rightarrow \infty} \frac{r_l^*(\tau + 1)}{r_i^*(\tau + 1)} = 0, \quad (14)$$

что означает постепенное вытеснение наиболее эффективной подсистемой всех остальных систем.

Оценка постоянных коэффициентов эффективности использования подсистемами своего рейтинга

Пусть имеется набор данных о рейтингах подсистем $r_i(\tau)$, $i = 1, \dots, n$, $\tau = 0, 1, 2, \dots$. По ним несложно вычислить по формуле (7) приведенные рейтинги подсистем $r_i^*(\tau)$, $i = 1, \dots, n$, $\tau = 0, 1, 2, \dots$. Из формулы (7) следует, что коэффициенты эффективности использования подсистемами своего рейтинга можно вычислить следующим образом (15):

$$\alpha_i = r_i(\tau + 1) / r_i^*(\tau), \quad i = 1, \dots, n, \quad (15)$$

$$\tau = 0, 1, 2, \dots$$

Таким образом, проверить адекватность модели с постоянными коэффициентами эф-

фективности использования рейтинга можно вычислив коэффициенты α_i , $i = 1, \dots, n$, и проверив гипотезу их постоянства для $\tau = 0, 1, 2, \dots$.

Случай изменяющихся во времени коэффициентов эффективности использования подсистемами своего рейтинга

Предположим, что коэффициенты эффективности использования подсистемами своего рейтинга изменяются с течением времени. В этом случае, формула (7) заменяется формулой:

$$r_i(\tau + 1) = r_i^*(\tau) + \alpha_i(\tau)r_i^*(\tau), \quad (16)$$

$$i = 1, \dots, n, \tau = 0, 1, 2, \dots$$

Оценка коэффициентов производится по аналогичной формуле:

$$\alpha_i(\tau) = r_i(\tau + 1) / r_i^*(\tau) - 1, \quad (17)$$

$$i = 1, \dots, n, \tau = 0, 1, 2, \dots$$

Оценку адекватности модели можно проводить различными методами, например, вычислив корреляционное отношение.

Вычислительный эксперимент

В ходе вычислительного эксперимента на основе данных были вычислены значения коэффициента эффективности Республики Башкортостан по валовому региональному продук-

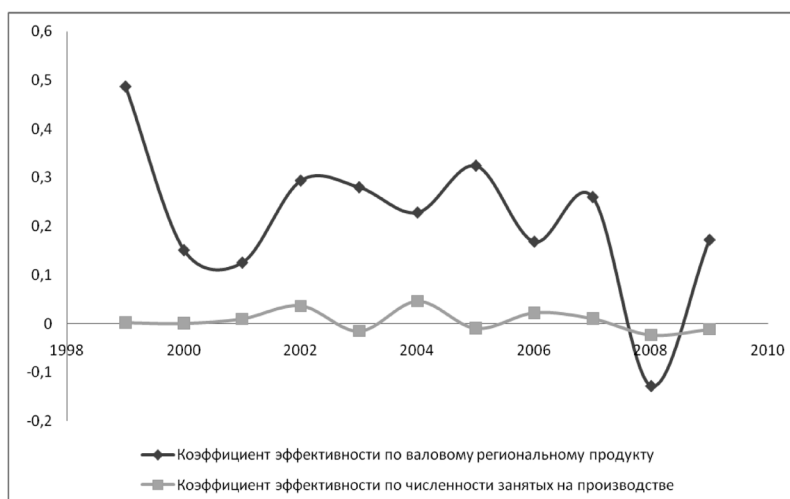

Рисунок 1 — Коэффициенты эффективности по двум показателям Республики Башкортостан с 1999 по 2010 гг.

ту и по численности занятых на производстве с 1999 по 2010 год. Результаты вычислений представлены на рисунке 1 [7–8].

Заключение

В итоге нами получена методика управления регионами как типовых подсистем, составляющих одну систему при помощи рейтинговой оценки подсистем. В частности, раз-

работана методология управления регионами, позволяющая руководителю выбирать те или иные направления развития, связанные с конкретными показателями. Получены теоретические асимптотические оценки предложенной методики управления регионами, а также оценки эффективности по двум показателям для Республики Башкортостан с 1999 по 2010 год.

Литература

- [1] Быстров О.Ф. Инновационная методика рейтингового оценивания кафедр института в системе управления качеством вуза // Научный вестник МГИИТ. — 2010. — № 5. — С. 46–48.
- [2] Болодурин И.П. Математическая модель управления развитием промышленности регионов // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2005. — № 4. — С. 134–138.
- [3] Дуканич Л.В., Тимченко А.С. Рейтинговое управление экономическими системами и процессами: концепция и некоторые результаты применения // Terra economicus. — 2005. — Т. 3. — № 3. — С. 83–91.
- [4] Ивченко Н.Б., Гаврашенко М.О. Математическая модель рейтингового оценивания и управления банком // Восточно-европейский журнал передовых технологий. — 2010. — Т. 2. — № 4 (44). — С. 48–51.
- [5] Коровина В.А. Оценка эффективности деятельности предприятия с использованием системы сбалансированных показателей // Вестник южно-уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2008. — № 20 (120). — С. 40–51.
- [6] Калинина А.Э., Соколов А.Ф., Елхина И.А. Информационно-аналитические методы мониторинга эффективности систем управления региональной экономикой // Известия Волгоградского государственного технического университета. — 2012. — Т. 13. — № 7 (94). — С. 169–179.
- [7] Ризванова М.А. Методы моделирования и прогнозирования в экономике: учеб. пособие по направлению подготовки 38.03.01 Экономика. — Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. — 132 с.
- [8] Ризванова М.А., Исмагилова Т.В. Оценка вклада знаний в экономический рост Республики Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2016. — № 1 (30). — Ч. II. — С. 132–141.
- [9] Тарасенко Ф.П. О применении рейтинговых оценок в управлении вузом // Проблемы управления в социальных системах. — 2011. — Т. 3. — № 5. — С. 81–96.
-

ZAKHAROV Andrey Vladimirovich,

*Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor of the Computer Science
and Information and Communication Technologies Chair
Institute of Economics and Service
Ufa State Petroleum Technical University
e-mail: andrewzakhar@mail.ru*

RIZVANOVA Maria Arturovna,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Economics and Management Chair
Institute of Economics and Service
Ufa State Petroleum Technical University
e-mail: rizvanovamaria@mail.ru*

TECHNIQUE OF CONTROL REGIONS USING RATINGS (THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

The article discusses the technique of regional administration as a system consisting of a set of standard subsystems, using the rating system. It is assumed that every activity in each region aims to increase its ranking. Produced asymptotic System evaluation and assessment of the effectiveness of using regions of their rating.

Key words: *management of the region, ranking control system, asymptotic estimate.*

References

- [1] *Bystrov O.F.* Innovacionnaja metodika rejtingovogo ocenivaniya kafedr instituta v sisteme upravlenija kachestvom vuza [Innovative Methods of Rating Evaluation Departments of the Institute in the Quality Management System of the University] // Nauchnyj vestnik MGII [Scientific Bulletin MGII]. — 2010. — No. 5. — Pp. 46–48.
- [2] *Bolodurina I.P.* Matematicheskaja model' upravlenija razvitiem promyshlennosti regionov [Mathematical Model of the Development of Industry Management Regions] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]. — 2005. — No. 4. — Pp. 134–138.
- [3] *Dukanich L.V., Timchenko A.S.* Rejtingovoe upravlenie jekonomicheskimi sistemami i processami: koncepcija i nekotorye rezul'taty primeneniya [Rating Management of Economic Systems and Processes: Concept and Some of the Results of Application] // Terra economicus. — 2005. — Vol. 3. — No. 3. — Pp. 83–91.
- [4] *Ivchenko N.B., Gavrashenko M.O.* Matematicheskaja model' rejtingovogo ocenivaniya i upravlenija bankom [Mathematical Model of Rating Estimation and Management of the Bank] // Vostochno-evropejskij zhurnal peredovyh tehnologij [Eastern European Journal of Advanced Technologies]. — 2010. — Vol. 2. — No. 4 (44). — Pp. 48–51.
- [5] *Korovina V.A.* Ocenka jeffektivnosti dejatel'nosti predpriyatija s ispol'zovaniem sistemy sbalansirovannyh pokazatelej [Evaluating the Effectiveness of the Enterprise with the Use of a Balanced Scorecard] // Vestnik juzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: jekonomika i menedzhment [Bulletin of South Ural State University. Series: Economics and Management]. — 2008. — No. 20 (120). — Pp. 40–51.
- [6] *Kalinin A.E., Sokolov A.F., Elhina I.A.* Informacionno-analiticheskie metody monitoringa jeffektivnosti sistem upravlenija regional'noj jekonomikoj [Information-analytical Methods for Monitoring the Effectiveness of the Regional Economy Management Systems] // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta [Proceedings of Volgograd State Technical University]. — 2012. — Vol. 13. — No. 7 (94). — Pp. 169–179.
- [7] *Rizvanova M.A.* Metody modelirovanija i prognozirovanija v jekonomike: ucheb. posobie po napravleniju podgotovki 38.03.01 Ekonomika [Modeling and Forecasting Techniques in Economics: manual on direction of preparation 38.03.01 Economy]. — Ufa: Ufa State University of Economics and Service, 2015. — 132 p.
- [8] *Rizvanov M.A., Ismagilov T.* Ocenka vkladu znanij v jekonomicheskij rost Respubliki Bashkortostan [The Assessment of the Contribution to the Economic Growth of the Republic of Bashkortostan] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2016. — No. 1 (30). — Part II. — Pp. 132–141.
- [9] *Tarasenko F.P.* O primenenii rejtingovyh ocenok v upravlenii vuzom // [On the Application of Ratings to the University Management] // Problemy upravlenija v social'nyh sistemah [Problems of Management in Social Systems]. — 2011. — Vol. 3. — No. 5. — Pp. 81–96.

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

Научный журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 08.00.00 — экономические науки; 23.00.00 — политология; 12.00.00 — юридические науки.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

Порядок направления статей размещен на сайте журнала www.vestnik-bist.ru.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, межстрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

8. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

9. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках**:

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала с указанием предмета и объекта исследования; целей и задач исследования; кратких выводов.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).
- Список используемой литературы.

10. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

11. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

12. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

13. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

14. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Регионалистика и этнополитика». 2016. № 3 (32)

Компьютерная верстка *А.Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т.Е. Бочарова*

Материалы публикуются в авторской редакции

Сдано в набор 20.09.2016. Подписано в печать 27.09.2016.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 17,32.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 86.
Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции, издателя:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВО «АТИСО»;
тел. +7 (347) 248-43-01
www.vestnik-bist.ru
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21
www.proprint02.ru

**ФЕДЕРАЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН**

**БАШКИРСКИЙ ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**ХII
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ
ФОРУМ
ТРУДОВОЙ МОЛОДЕЖИ**

30 сентября — 1 октября 2016 года

г. Уфа, пр. Октября, 74/2

***Поднимай, молодежь,
профсоюзное знамя!***